

ISSN 2619-1636

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭТНОЛОГИЯ

Historical
Ethnology

2024

Том 9. № 5

Vol. 9. No. 5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 5

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Историческая этнология» – рецензируемый научный журнал, в котором освещаются новые методы и результаты исследований, стимулирующие дальнейшее становление в России и в сопредельных странах исторической этнологии как самостоятельного научного направления, тесно связанного со смежными историческими, этнографическими, культурологическими, антропологическими, социологическими дисциплинами.

Миссия журнала – содействие формированию новых стандартов историко-этнологических исследований на евразийском пространстве и укрепление международного сотрудничества в области исторической этнологии как объединительного механизма различных историко-социальных направлений гуманитарной науки.

В журнале публикуются работы по следующим темам: теория этнического, этническая реальность: синхронный и диахронный анализ, идентичность в теории и прикладных исследованиях, микроистория и культура повседневности, национальное образование.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, обзоры, переводы зарубежных материалов, мнения экспертов, дискуссионные, методические и информационные статьи, эссе, комментарии.

Год основания: 2016 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-86148 от 19 октября 2023 г.

Выходит 5 раз в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843)292-84-82 (приемная)

© Академия наук Республики Татарстан, 2024

© «Историческая этнология», 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. VOL. 9. No. 5

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

“Historical Ethnology” is a peer-reviewed scientific journal which highlights new methods and research results that stimulate the further development of historical ethnology in Russia and neighboring countries as an independent scientific field, closely related to allied historical, ethnographic, cultural, anthropological, and sociological disciplines.

The mission of the journal is to promote the formation of new standards of historical and ethnological research in the Eurasian space and to strengthen international cooperation in the field of historical ethnology as a unifying mechanism for various historical and social areas of the humanities.

The journal publishes works on the following topics: ethnic theory, ethnic reality: synchronous and diachronic analysis, identity in theory and applied research, microhistory and the culture of everyday life, national education.

The journal accepts for publication: original articles, reviews, translations of foreign materials, opinions of experts; discussion article, methodological and informational articles, essays, commentaries.

Year of establishment: 2016

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Bauman St., 20, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

ЭЛ № ФС 77-86148 on October 19, 2023

Published 5 times a year

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Baturin St., 7, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Tel./Fax +7(843)292-84-82 (reception)

© Tatarstan Academy of Sciences, 2024

© “Historical Ethnology”, 2024

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Составители и научные редакторы номера: Сулова Светлана Владимировна, Гатина-Шафикова Дина Фасыховна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Сагдиева Эльвина Азадовна (Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Compilers and Scientific Editors of the issue: Svetlana V. Suslova, Dina F. Gatina-Shafikova (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editor: Dilyara R. Sharifullina (Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Elvina A. Sagdieva (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ажигали Серик Ескендирулы – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии архитектуры стран Востока, почетный академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, главный научный сотрудник отдела этнологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан)

Бари Донна – Ph.D. (политология), профессор политических наук, директор программы Патерно Феллоус, Университет штата Пенсильвании (Юниверсити-Парк, США)

Бустанов Альфريد Кашафович – Ph.D., ассистент-профессор гуманитарного факультета, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Гарипова Розалия Равилевна – Ph.D., доцент кафедры религиоведения и истории Института истории, философии и религиоведения Школы естественных и гуманитарных наук, Назарбаев Университет (Астана, Республика Казахстан)

Гибатдинов Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии колледжа гуманитарных и социальных наук, Университет Зайед (Аль-Айне, ОАЭ)

Загребин Алексей Егорович – доктор исторических наук, и.о. директора Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, научный руководитель научно-образовательного центра «Современные этнополитические исследования» (Москва, Ижевск, Российская Федерация)

Иноуэ Ацуси – заведующий кафедрой Корнелиуса Вандербильта и профессор экономики факультета экономики, Университет Вандербильта (Нашвилл, Теннеси, США)

Канлыдере Ахмет – доктор наук, профессор кафедры истории, кафедры всеобщей истории Турции, Факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Мармара (Стамбул, Турция)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

Курбанова Земфира Ибрагимовна – доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гумани-

тарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Лентон Адам – Ph.D., факультет политических исследований, Университет Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США)

Минниханов Рифкат Нургалиевич – доктор технических наук, президент Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Петров Юрий Александрович – доктор исторических наук, директор Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Полунов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Расулов Абдулла Нуритдинович – доктор исторических наук, профессор Наманганского государственного университета (Наманган, Республика Узбекистан)

Резван Ефим Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Международный центр исламских исследований» Музея антропологии и этнографии Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского музея исламоведения (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович – кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром (КНЦ), Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; доцент кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всемирная история, историография и источниковедение», Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Титмайер Элизабет – профессор, директор Музея Европейских Культур (Берлин, Германия)

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

Хотопш-Рике Миесте – доктор тюркологии, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) (Магдебург, Германия)

Чичек Хусейн – Dr. habil., старший научный сотрудник кафедры религиоведения Венского университета; научный сотрудник Эрлангенского центра ислама и права в Европе, Университета Эрланген – Нюрнберг; Центр перспективных исследований безопасности, стратегических и интеграционных исследований Боннского университета (Эрланген, Германия)

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Serik E. Azhigali – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Architecture of Oriental Countries, Honorary Academician of the Republic of Kazakhstan National Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnology, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Donna Bahry – Ph.D. in Political Science, Professor in Political Science, Director of the Paterno Fellows Program, Pennsylvania State University (University Park, USA)

Alfrid K. Bustanov – Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Liliya R. Gabdrafikova – Doctor of Science (History), Chief Research Fellow at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rozaliya R. Garipova – Ph.D., Assistant Professor of the Department of Religious Studies and History, Institute of History, Philosophy and Religious Studies of the School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Marat M. Gibatdinov – Candidate of Science (Pedagogy), Deputy Director for Research, Chief of the Center for History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Golovnev – Doctor of Science (History), Professor, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Aygul T. Zabirowa – Doctor of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, College of Humanities and Social Sciences, Zayed University (Al-Ain, United Arab Emirates)

Aleksei E. Zagrebin – Doctor of Science (History), Acting Director of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of the History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Academic supervisor of the Research and Education Center “Modern Ethnopolitical Research” (Moscow, Izhevsk, Russian Federation)

Atsushi Inoue – Cornelius Vanderbilt Chair and Professor of Economics, Department of Economics, Vanderbilt University (Nashville, Tennessee, United States)

Ahmet Kanlidere – Dr., Professor, Department of History, Department of General Turkish History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Elizaveta N. Kvilinkova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Zemfira I. Kurbanova – Doctor of Science (History), Head of the Department of Ethnography, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Adam Lenton – Ph.D., Department of Political Science, The George Washington University (Washington, USA)

Rifkat N. Minnikhanov – Doctor of Science (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Yuriy A. Petrov – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Alexander Yu. Polunov – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Inter-ethnic and Interfaith Relations Management Department of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Abdulla N. Rasulov – Doctor of Science (History), Professor of the Namangan State University (Namangan, Republic of Uzbekistan)

Efim A. Rezvan – Doctor of Science (History), Professor, Head of the International Center for Islamic Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Director of St. Petersburg Museum of Islamic Studies (St. Petersburg, Russian Federation)

Radik R. Salikhov – Doctor of Science (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow at the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Eldar Kh. Seydametov – Candidate of Science (History), Chief of the Crimea Research Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of Science (History), Professor, Chief of the Department “World History, Historiography and Source Studies”, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elisabeth Tietmeyer – Professor, Director of the Museum of European Cultures (Berlin, Germany)

Rafael S. Khakimov – Doctor of Science (History), Academic Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academy Fellow of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Mieste Hotopp-Riecke – Doctor of Turkology, Director of the Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT) (Magdeburg, Germany)

Hüseyin Çiçek – Dr. habil., Senior Research Fellow at the Department of Religious Studies, University of Vienna; Erlangen Centre for Islam and Law in Europe, Researcher, University of Erlangen – Nuremberg; Center for Advanced Security, Strategic and Integration Studies, University of Bonn (Erlangen, Germany)

Yekaterina A. Yagafova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОВОЛЖЬЕ: ПОСВЯЩЕНИЕ 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ВОРОБЬЕВА

(сост. и науч. ред. *С.В. Суслова, Д.Ф. Гатина-Шафикова*)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

К юбилею профессора Н.И. Воробьева: введение

С.В. Суслова, Д.Ф. Гатина-Шафикова 689

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ Н.И. ВОРОБЬЕВА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Любование стариной» в эпоху «великого перелома»:

**Н.И. Воробьев и преподавание этнографии
в вузах Казани (1920-е – начало 1930-х гг.)**

Л.А. Бушуева 701

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Н.И. Воробьев и Центральный музей
Татарской республики (1923–1930 гг.)**

М.В. Ледяева, З.Н. Мирсияпова, В.И. Мухин 715

ЭТНОГРАФИЯ ПОВОЛЖСКИХ ТЮРКОВ

В ТРУДАХ Н.И. ВОРОБЬЕВА:

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

**Н.И. Воробьев и его роль в формировании академического
татароведения в отечественной этнологии**

С.В. Суслова 741

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Этногенез чувашей в трудах Н.И. Воробьева: особенности трактовки

В.П. Иванов 759

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Вклад Н.И. Воробьева в районирование этнографических групп чувашей (по данным этнографии)

Г.Б. Матвеев 774

ПЕРЕВОДНАЯ СТАТЬЯ

Book review “N.I. Vorobyev. The Kazan Tatars. Kazan: Tatgosizdat, 1953”

A.P. Smirnov 788

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Художественно-образные зарисовки Л.М. Поздеевой из экспедиций с Н.И. Воробьевым

Д.Ф. Гатина-Шафикова 796

ДОКУМЕНТЫ

ОБРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ

«Автобиография профессора Николая Иосифовича Воробьева»

Д.Ф. Гатина-Шафикова, Г.Ф. Габдрахманова 810

ОБРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ

«Моя работа... прошла не даром»

Д.Ф. Гатина-Шафикова, Г.Ф. Габдрахманова 818

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИДЕИ В ИСТОРИИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Творческий юбилей Галимджана Ибрагимова (на примере архивных источников)

Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова 826

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

Высокое служение Отечеству: к 75-летию Н.М. Валеева

М.А. Ахметова 835

CONTENTS

SPECIAL TOPIC OF THE ISSUE:

THE INTELLECTUAL HISTORY OF ETHNOLOGICAL SCIENCE IN THE VOLGA REGION: DEDICATION TO THE 130TH ANNIVERSARY OF N.I. VOROBYEV'S BIRTH (Compilers and Scientific Editors *S.V. Suslova, D.F. Gatina-Shafikova*)

ORIGINAL PAPER

In honour of the anniversary of Professor N.I. Vorobyev's birth: introduction

S.V. Suslova, D.F. Gatina-Shafikova 689

PROFESSIONAL FORMATION OF N.I. VOROBYEV

ORIGINAL PAPER

“Admiring the olden time” in the era of the “great turning point”: N.I. Vorobyev and teaching ethnography at Kazan institutes of higher education (1920s – early 1930s)

L.A. Bushueva 701

ORIGINAL PAPER

N.I. Vorobyev and the Central Museum of the Tatar Republic (1923–1930)

M.V. Ledyeva, Z.N. Mirsiyapova, V.I. Mukhin 715

ETHNOGRAPHY OF THE VOLGA TURKS IN THE WORKS OF N.I. VOROBYEV: SOVIET AND MODERN REFLECTION

ORIGINAL PAPER

N.I. Vorobyev and his role in the formation of academic Tatar studies in Russian ethnology

S.V. Suslova 741

ORIGINAL PAPER

Ethnogenesis of the Chuvash in the works of N.I. Vorobyev: peculiarities of interpretation

V.P. Ivanov 759

ORIGINAL PAPER

N.I. Vorobyev's contribution to the zoning of ethnographic groups of the Chuvash (according to ethnography)*G.B. Matveev* 774

TRANSLATED PAPER

Book review "N.I. Vorobyev. The Kazan Tatars. Kazan: Tatgosizdat, 1953"*A.P. Smirnov* 788

ORIGINAL PAPER

Artistic and figurative sketches by L.M. Pozdeeva from expeditions with N.I. Vorobyev*D.F. Gatina-Shafikova* 796**DOCUMENTS**

DOCUMENTS PROCESSING

"Autobiography of professor Nikolay Iosifovich Vorobyev"*D.F. Gatina-Shafikova, G.F. Gabdrakhmanova* 810

DOCUMENTS PROCESSING

"My work... was not in vain"*D.F. Gatina-Shafikova, G.F. Gabdrakhmanova* 818**HISTORY OF IDEAS AND IDEAS IN HISTORY**

ORIGINAL PAPER

Creative anniversary of Galimjan Ibragimov (based on archival sources)*G.N. Zayneeva, L.Sh. Garipova* 826

REVIEW PAPER

Loyal service to the Fatherland: in honour the 75th anniversary of N.M. Valeev's birth*M.A. Akhmetova* 835

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ В ПОВОЛЖЬЕ: ПОСВЯЩЕНИЕ 130-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ВОРОБЬЕВА**

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.689-700>

EDN: ZLNFPL

К юбилею профессора Н.И. Воробьева: введение**С.В. Сулова**

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

Д.Ф. Гатина-Шафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Резюме. Статья открывает специальный номер журнала «Историческая этнология», посвященный 130-летию со дня рождения выдающегося ученого Николая Иосифовича Воробьева – географа, историка-тюрколога, заслуженного деятеля науки Татарской АССР, почётного члена Географического общества СССР, основоположника этнографического татароведения и одного из ведущих исследователей этно- и культурогенеза чувашского народа. Профессор Воробьев является автором и редактором фундаментальных трудов – Основы физической географии Татарской Республики (Казань, 1936); Казанские татары: этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода (Казань, 1953); Чуваш. Этнографическое исследование (Чебоксары, 1956); Татары Среднего Поволжья и Приуралья (М.: Наука, 1967), а также других академических изданий. В публикации обозначены важные вехи биографии, основные направления научно-исследовательской деятельности ученого, начиная со студенческих увлечений этнической культурой народов Сибири до академической зрелости – фундаментальных исследований по этнографии тюркских народов Поволжья и Приуралья. Представлены векторы его преподавательской работы в Казанском государственном университете, в Казанском Восточно-педагогическом институте, а также административной и экспедиционной практики в стенах Центрального музея Татарской АССР, Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР.

Ключевые слова: Н.И. Воробьев, биография, этнография, география, экспедиции, преподавание.

© Сулова С.В., Гатина-Шафикова Д.Ф., 2024

Для цитирования: Сулова С.В., Гатина-Шафикова Д.Ф. К юбилею профессора Н.И. Воробьева: введение. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 689–700. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.689-700> EDN: ZLNFPL

In honour of the anniversary of Professor N.I. Vorobyev's birth: introduction

S.V. Suslova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
sv_suslova@mail.ru*

D.F. Gatina-Shafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
golocen@yandex.ru*

Abstract. The article opens a special issue of the *Historical Ethnology* journal dedicated to the 130th anniversary of the outstanding scholar Nikolay Iosifovich Vorobyev, geographer, historian and Turkologist, Honored Scientist of the Tatar ASSR, Honorary Member of the USSR Geographical Society, founder of ethnographic Tatar studies and one of the leading researchers of the ethno- and cultural genesis of the Chuvash people. Professor Vorobyev is the author and editor of such fundamental works as *the Fundamentals of Physical Geography of the Tatar Republic* (Kazan, 1936); *The Kazan Tatars: Ethnographic Study of the Material Culture of the Pre-October Period* (Kazan, 1953); *The Chuvashes. Ethnographic Study* (Cheboksary, 1956); *Tatars of the Middle Volga and Ural Regions* (Moscow: Nauka, 1967), as well as other academic publications. The paper outlines important milestones in the biography, the main areas of the scientist's research activities, starting with his student passion for the ethnic culture of the peoples of Siberia to academic maturity – fundamental research on the ethnography of the Turkic peoples of the Volga and Ural regions. The article presents vectors of his teaching work at Kazan State University, at the Kazan Eastern Pedagogical Institute (KSPI), as well as administrative and expeditionary practice within the walls of the Central Museum of the Tatar ASSR and the Institute of Language, Literature and History of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: N.I. Vorobyev, biography, ethnography, geography, expeditions, teaching.

For citation: Suslova S.V., Gatina-Shafikova D.F. (2024) In honour of the anniversary of Professor N.I. Vorobyev's birth: introduction. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 689–700. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.689-700> (In Russ.)

Специальный номер журнала «Историческая этнология» приурочен к 130-летию со дня рождения Николая Иосифовича Воробьева – выдающегося советского ученого, заслуженного деятеля науки Татарской АССР, почётного члена Географического общества СССР. Профессор Воробьев заложил основы системного изучения культуры и быта тюркских народов Волго-Уральского регио-

на России, является основоположником этнографического татароведения, организатором и одним из ведущих исследователей этнографии чувашского народа. Он является автором и редактором фундаментальных трудов – «Казанские татары: этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода» (Казанские татары..., 1953), «Чуваши. Этнографическое исследование» (Чуваши, 1956), «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (Татары, 1967) и других академических изданий.

Н.И. Воробьев родился 15 ноября 1894 г. в г. Хвалынске Саратовской губернии в семье русских староверов – мещанина старообрядца из г. Вольска Иосифа Никаноровича Воробьева и его жены Татьяны Ларионовны (ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 5об.). Начальное образование Николай Воробьев получил в земской школе и двухклассной министерской школе г. Покровска (ныне г. Энгельс), среднее – в Хвалынской мужской гимназии (ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 191).

Портрет профессора Н.И. Воробьева к 60-летию со дня рождения. 1954 г. НМРТ КП–36509/263

Фотография. Семья Осипа Никаноровича и Татьяны Илларионовны Воробьевых. 1920–1930-е гг. НМРТ КП–37114/33.

Фотография. 7 класс гимназии. Н.И. Воробьев слева. 1912 г. Покровск. Центр письменного наследия – Мирасханэ (ИЯЛИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

Учебная программа гимназии позволяла подготовиться к поступлению в высшие учебные заведения, не покидая родной город. После окончания гимназии в 1913 г. Воробьев поступил на медицинский факультет Саратовского университета.

Интерес к истории, культуре и быту столь разных по происхождению народов Поволжья пробудился у юноши довольно рано. Увлечение поддерживалось семейными преданиями о наличии в роду представителей тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья (Бусыгин, Зорин, 2002: 1). Неслучайно, в 1914 г. юноша расстается с «врачебной карьерой» и переводится с медицинского факультета Саратовского университета на естественное отделение физико-математического факультета Казанского Императорского университета, где происходит его становление как ученого и педагога. С первого курса Николай Иосифович активно участвует в жизни кафедры географии и этнографии, руководимой профессором Б.Ф. Адлером – выдающимся ученым, внесшим большой вклад в дело развития этнографической науки, музейного дела и популяризации этнографических знаний в многонациональном Поволжье.

Первый экспедиционно-этнографический опыт в студенческие годы Н.И. Воробьева был связан с изучением культуры и быта нанайцев, живущих в низовьях Амура и по правым притокам реки Уссури. Во время этой поездки Воробьев оказывается в Китае вместе с группой студентов, он путешествует в течение месяца по Пекину и Шанхаю (ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 192). Исследование выполнялось по поручению Общества естествоиспытателей, командировавшего его в 1915 г. в Красноярский край для изучения фауны Енисея и проведения географических и этнографических исследований (Бусыгин, Зорин, 2002: 6). Собранная им великолепная коллекция по быту нанайцев до сих пор хранится и экспонируется в этнографическом музее Казанского Федерального университета.

Весной 1918 г. Николай Воробьев получает выпускное свидетельство об окончании Казанского Императорского университета (сдачу государственных экзаменов он завершил только к маю 1922 г.); осенью того же года венчается с дочерью священника Иулией (Юлией) Мизерской (ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 5). На все годы совместной жизни Юлия Вячеславовна станет надёжным тылом, матерью его детей и хранительницей домашнего архива, который после смерти Н.И. Воробьева передаст по месту его последней работы в Институт языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ КФАН СССР).

Период гражданской войны, неразбериха и разброд в умах национальной интеллигенции, в деятельности научных сообществ был трудным периодом неопределенности и в судьбе молодого специалиста. Сложность обстановки повлекли за собой желание вернуться в Сибирь в уже знакомый ему г. Красноярск, где Н.В. Воробьев устраивается на работу в ихтиологическую лабораторию и параллельно преподаёт в фельдшерской школе.

Вскоре Н.И. Воробьев все же решает вернуться в Казань, но по дороге домой задерживается в Уфе, где его мобилизуют в Красную Армию рядовым красноармейцем на должность учителя при штабе дивизиона. В 1920 г. он снова оказывается в Красноярске, там Воробьев заболевает тифом. После выздоровления его демобилизуют. Н.И. Воробьев возвращается в ихтиологическую лабораторию, но уже в качестве заведующего. Одновременно исследователь преподаёт в Красноярском рабоче-крестьянском коммунистическом университете; позднее и на кафедре зоологии в Красноярском высшем политехникуме, расформированном в 1922 г. на три средних профессиональных учебных заведения (Романова, Белова, 2021: 96).

«Сибирские странствия» заканчиваются только к концу 1921 г., когда Н.И. Воробьев получает приглашение на работу в Казанский университет с зачислением на должность ассистента кафедры географии и этнографии и устраивается на работу в отдел охраны памятников Академического центра Народного комиссариата просвещения ТАССР. Однако этнографическое освоение Енисейской губернии им успешно продолжалось. В эти годы Н.И. Воробьев неоднократно выезжает в Восточную Сибирь, где собирает материал по культуре и быту народов, населяющих Низовье Енисея и его притоки. Особый его интерес вызвали русские переселенцы-старожилы, проживающие в бассейне Чуни (правый приток Енисея). Экспедиционные материалы легли в основу очерка, опубликованного в Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете (Воробьев, 1926). Уникальные этнографические данные по духовной и материальной культуре русских сибиряков-старожилов были собраны совсем юным 25-летним ученым. Однако, «они сыграли

Фотография. Н.И. Воробьев третий слева. Выпускники. Хвалынский. Центр письменного наследия – Мирасханэ (ИЯЛИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 22. Л. 2.

важную роль первоисточника при последующих сводных работах о сибирском населении – этом оригинальном ответвлении великороссов» (Воробьев, 1926: 112). Этот исследовательский опыт не прошел даром для последующего основного творческого пути ученого, связанного с изучением и становлением академической этнографии тюркских народов Поволжья.

Возвращение в Казань ознаменовало собой становление наиболее плодотворного периода профессиональной научной и преподавательской деятельности Н.И. Воробьева, несмотря на то, что эти годы – 20–30-е годы XX столетия, были, как известно, омрачены кризисом этнографической науки (Решетов, 1994). В Казанском университете, например, свою деятельность приостановило знаменитое научное сообщество – «Общество археологии и этнографии», прекратились этнографические экспедиции, чтение этнографических курсов (Бусыгин, Зорин, 2002: 80). Одной из причин являлась государственная идеология – «политика на сближение наций». Интерес к изучению национальных культур расценивался как проявление национализма.

В эти тревожные для этнографической науки времена Николай Иосифович, активно занимается музейной и краеведческой деятельностью в стенах Центрального музея Татарской АССР сначала в должности заведующего этнографическим и естественно-историческим отделом, а с 1923 г. директором музея (Синицына, 1970: 4). Благодаря его усилиям в музее активно развивается направление, связанное с изучением этнографии татар (см. статью М.В. Ледяевой, З.Н. Мирсияповой, В.И. Мухина). Именно в период музейной работы у сложившегося к тому времени ученого-этнографа сформировался глубокий интерес к основательному изучению культуры и быта татарского народа. К 1930 г. Н.И. Воробьев заканчивает первый обстоятельный труд, посвященный татарской этнографии – «Материальная культура казанских татар» (Воробьев, 1930).

Фотография. Николай и Юлия Воробьевы. 15 сентября 1925 г.
НМРТ КП–37114/20.

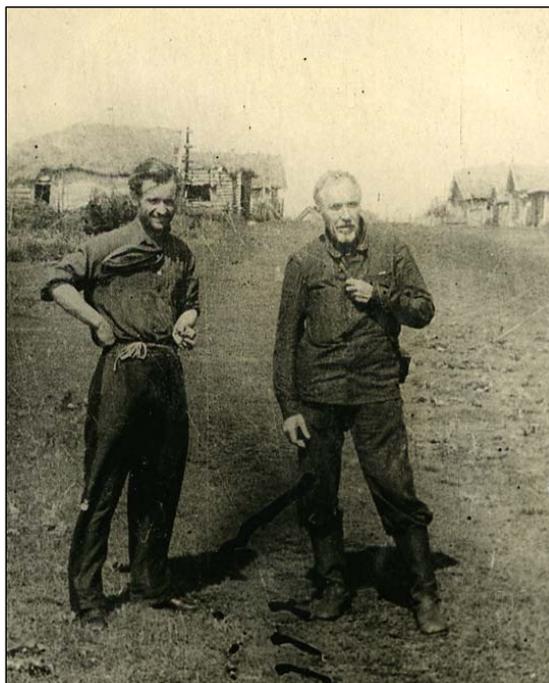
Параллельно с музейной работой Николай Иосифович занимается преподаванием этнографии и географии в высших учебных заведениях г. Казани. С 1923 г. он являлся преподавателем Восточного педагогического института (ВПИ), впоследствии переименованного в Казанский государственный педагогический институт (КГПИ). Преподавание началось в должности внештатного сотрудника – лектора на восточном и на общественно-экономическом отделениях института. С 1932 г. Воробьев – заведующий географическим отделением, а с 1934 г. – декан географического факультета КГПИ (см. статью Л.А. Бушуевой). Параллельно Н.И. Воробьев завершает фундаментальный обобщающий труд по географии Татарстана – «Основы физической географии Татарской Республики», позже выдержавший три издания (Воробьев, 1936). В июне 1938 г. ему без защиты диссертации присуждается учёная степень кандидата географических наук. В 1940 г. в соавторстве с профессором В.Н. Сементовским публикуется книга редкого по тем временам содержания – «Физико-географические экскурсии в окрестностях Казани» (Сементовский, Воробьев, 1940). Заслуги Николая Иосифовича в области географии высоко оцениваются на Всесоюзном географическом съезде 1964 г., его избирают Почётным членом Географического общества СССР (Бусыгин, Зорин, 2002: 82).

Фотография. Президиум научной сессии КГПИ 24–27.05.1941 г.
Н.И. Воробьев третий справа. Казань. Центр письменного наследия –
Мирасханэ (ИЯЛИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 22. Л. 3.

Как этнограф Н.И. Воробьев многие годы работал в Казанском государственном университете, первоначально в качестве ассистента. С 1928 г., получив звание доцента, он преподаёт профильный, разработанный им курс лекций «Этнография СССР». Позднее, в октябре 1930 г. название лекционного курса корректируется с учетом местной специфики – «Этнография СССР и местного

края» (Сидорова, 2012: 62). Однако научная деятельность, этнографические исследования и экспедиции в университете возобновляются только в 1945 г., их организация возлагается на Н.И. Воробьева – талантливого ученика Б.Ф. Адлера. Будучи в то время уже профессором географического факультета Воробьев, привлекает к этнографической работе своих учеников и коллег – молодых начинающих научную карьеру ученых Е.П. Бусыгина и Г.В. Юсупова. По инициативе Николая Иосифовича в это время началось широкое и всестороннее изучение русского населения Среднего Поволжья (Бусыгин, 1995: 150).

Фотография. Закамье. 1946 г. Н.И. Воробьев со своим учеником и коллегой Е.П. Бусыгиным. Центр письменного наследия – Мирасханэ (ИЯЛИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 22. Л. 3.

После вынужденного перерыва в академических исследованиях, связанных с ужесточением в 1930-е годы политического давления, с обвинением отечественных этнографов в национализме, Н.И. Воробьев возобновляет выбранное им направление этнографических исследований, сотрудничая, в частности, с Татарским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ИЯЛИ). В 1944 г. он становится заведующим сектором археологии и этнографии этого учреждения. В январе 1946 г. ИЯЛИ переходит в состав Казанского филиала Академии наук СССР и становится официальным научным подразделением (ИЯЛИ КФАН СССР).

Научно-исследовательскую деятельность в Институте и преподавательскую работу в высших учебных заведениях Казани (университет, педагогический институт) профессор Воробьев совмещал с административно-организационной работой, являясь одновременно заместителем директора ИЯЛИ КФАН СССР по научной работе (см. статью С.В. Сусловой).

В 1945 г. Николай Иосифович успешно защищает докторскую диссертацию в Институте этнографии Академии наук СССР по теме «Материальная культура казанских татар». После защиты профессор продолжает изучение культуры и быта татар, регулярно осуществляя этнографические выезды в места их компактного проживания. В 1953 г. публикуется его основной этнографический труд «Казанские татары» (Воробьев, 1953), который является «настойной книгой» и для современного поколения этнографов.

В 1950-х годах Николай Иосифович приступает к системному этнографическому изучению другого тюркского народа Волго-Уральского региона – чувашей, возглавив объединенную этнографическую экспедицию ИЯЛИ КФАН СССР и Института языка, литературы и истории Чувашской АССР (см. статьи В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева). В 1956 г. под руководством Н.И. Воробьева в свет выходит первая часть фундаментальной монографии «Чуваши. Этнографическое исследование» (Чуваши, 1956). Он готовит важные вводные очерки, посвященные истории изучения, истории формирования и условиям места обитания народа, а также большинство глав по материальной культуре.

В 1967 г. под руководством Н.И. Воробьева завершается и публикуется в издательстве «Наука» первый фундаментальный труд по этнографии татарского народа – «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (Татары, 1967). Эта «красная книга» на многие годы стала для отечественных этнографов справочным изданием, до сих пор представляя собой образец академических исследований. В сентябре этого же года Николай Иосифович скончался после продолжительной болезни.

После ухода его из жизни в журнале «Советская этнография» был опубликован некролог за подписью заместителя директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР Л.Н. Терентьевой и его ближайших учеников, последователей, где особо подчеркивалась уникальность трудов профессора Н.И. Воробьева.

Его перу, наряду с этнографическими работами, принадлежит ряд ценных работ по физической и экономической географии. Исследуя этнографические проблемы, Николай Иосифович никогда не отрывался от особенностей географической среды и ее воздействия на хозяйственную деятельность и быт населения; изучая географию тех или иных пунктов страны, он не абстрагировался от их населения... блестящий педагог, популяризатор научных знаний. Его лекции по истории географии, общему землеведению, этнографии всегда привлекали большое число студентов (Бусыгин, Зорин, Терентьева, 1968: 203).

Этнографо-географическое сообщество того и нынешнего времени прямо или косвенно является последователями и учениками Н.И. Воробьева. Им было подготовлено двадцать два кандидата наук и три доктора для высших учебных заведений, научных учреждений и музеев национальных республик и областей Поволжья и Урала, в том числе заслуженный профессор Казанского университета Е.П. Бусыгин и один из основоположников тюрко-татарской ветви российского искусствознания Ф.Х. Валеев.

Н.И. Воробьев награжден орденом В.И. Ленина, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», почетными грамотами Верховных советов Татарской, Чувашской и Мордовской АССР; ему было присвоено звание «Заслуженного деятеля науки Татарской АССР».

В связи с юбилейной датой выдающегося ученого журналом «Историческая этнология» подготовлена углубленная, с использованием неопубликованных ранее архивных материалов, презентация страниц его биографии и творческой жизни, основных направлений научной деятельности, профессиональной оценки его трудов с позиций современного уровня развития исторической этнологии.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 5.
ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 5об.
ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 191.
ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 192.

ЛИТЕРАТУРА

Бусыгин Е.П. Николай Иосифович Воробьев (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 145–151.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Николай Иосифович Воробьев. Казань, 2002.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Терентьева Л.Н. Николай Иосифович Воробьев // Советская Этнография. 1968. №1. С. 203–205.

Воробьев Н. И. Основы физической географии Татарской Республики (Опыт пособия для преподавателей, студентов вузов и самообразования). 2-е издание, переработанное Казань: Татгосиздат, 1936.

Воробьев Н.И. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири: Население Причунского края (Енисейской губернии) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. 33, вып. 2–3. Казань, 1926. С. 59–112.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар: опыт этнографического исследования. Казань: Труды Дома татарской культуры. Т. 2, 1930.

Воробьев Н.И. Казанские татары: этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Татгосиздат, 1953.

Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб: 1994. С. 185–221.

Романова Н.С., Белова Н.С. Становление и развитие среднего сельскохозяйственного образования в енисейской губернии (Красноярском крае) в 1920–30-х годах // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 1. С. 94–100.

Сементовский В.Н., Воробьев Н.И. Физико-географические экскурсии в окрестностях г. Казани. Пособие для учителей и самообразования. Казань: Татгосиздат, 1940.

Сидорова И.Б. Этнографический музей Казанского университета в 1930-е годы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4. С. 61–66.

Синицына К.Р. Музейное строительство в Татарской АССР (1917–1967): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1970.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. Москва: Наука, 1967.

Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура / Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р. и др.; Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР и др. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1956.

REFERENCES

Busygin E.P. (1995) Nikolay Iosifovich Vorobyev (on the occasion of centenary of his birth). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 4: 145–151. (In Russ.)

Busygin E.P., Zorin N.V. (2002) *Ethnography at Kazan University*. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russ.)

Busygin E.P., Zorin N.V. (2002) *Nikolay Iosifovich Vorobyev*. Kazan. (In Russ.)

Busygin E.P., Zorin N.V., Terentyeva L.N. (1968) Nikolay Iosifovich Vorobyev. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 1: 203–205. (In Russ.)

The Chuvashes: Ethnographic research (1956) Vol. 1. Material culture. Cheboksary: Chuvashia State Publishing House. (In Russ.)

Reshetov A.M. (1994) Repressed ethnography: People and fates. *Kunstkamera. Etnograficheskiye tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. Vol. 4: 185–221. (In Russ.)

Romanova N.S., Belova N.S. (2021) Formation and development of secondary agricultural education in the Enisey Province (Krasnoyarsk region) in the 1920–30s. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian research of regions]. No. 1: 94–100. (In Russ.)

Sementovskiy V.N., Vorobyev N.I. (1948) *Physical and geographical excursions in the vicinity of Kazan. A manual for teachers and self-education*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Sidorova I.B. (2012) Ethnographic Museum of Kazan University in the 1930s. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. No. 4: 61–66. (In Russ.)

Sinitsyna K.R. (1970) *Museum construction in the Tatar ASSR (1917–1967): Abstract of Diss. Cand. Hist. Sciences*: Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin. Kazan. (In Russ.)

Tatars of the Middle Volga and Ural regions (1967). Eds. N.I. Vorobyev, G.M. Khisamutdinov. Moskva: Nauka Publ. (In Russ.)

Vorobyev N. I. (1936) *Fundamentals of physical geography of the Tatar Republic (a manual for teachers, university students and self-education)*. 2-nd revised edition. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1926) Materials on the life of the Russian old-timers of Eastern Siberia: Population of the Prichuny region (Enisey Province). *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan Imperial University]. Vol. 33, No. 2–3. Kazan: 59–112. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars: An ethnographic Research Experience*. Kazan: Works of the House of Tatar Culture Publ. Vol. 2. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars: Ethnographic study of the material culture of the pre-October period*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Суслова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

About the authors:

Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 22.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised 11.09.2024

Принята к публикации / Accepted 20.09.2024

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ Н.И. ВОРОБЬЕВА

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714>

EDN: CJYDQM

**«Любование стариной» в эпоху «великого перелома»:
Н.И. Воробьев и преподавание этнографии в вузах Казани
(1920-е – начало 1930-х гг.)****Л.А. Бушуева**

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bushueva9@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается преподавательская деятельность известного этнографа, географа, исследователя этнографии татар и других народов Поволжья Николая Иосифовича Воробьева в Казанском университете и Восточном педагогическом институте в 1920-х – начале 1930-х гг. Показана его роль в организации специальных отделений этих вузов, где преподавали этнографию и близкие ей дисциплины (антропологию, антропогеографию, народоведение и другие). Описаны взгляды на этнографическое образование преподавательского сообщества Казани, студентов и органов власти различных уровней. В статье показано, что в первые годы советской власти этнографию в большом объеме преподавали в нескольких казанских вузах – Казанском университете, Северо-восточном археологическом и этнографическом институте, Восточном педагогическом институте. Главными инициаторами включения этнографических дисциплин в учебные программы вузов были сотрудники Казанского университета, среди них и Н.И. Воробьев. Однако чиновники Народного комиссариата просвещения РСФСР рассматривали этнографию как науку, изучающую «отсталые народности» и «пережитки», и не видели в ней средства идеологического воспитания студентов. Поэтому количество часов, отведенных на этот предмет, быстро сокращалось. Н.И. Воробьев и его коллеги предлагали ряд проектов учебных отделений (географическая и музейно-этнографическая секции Восточного педагогического института), чтобы сохранить этнографическое образование в Казани. В результате их усилий студенты физико-математического факультета Казанского университета и восточного отделения Восточного педагогического института изучали этнографию и близкие ей предметы вплоть до ее «разгрома» на рубеже 1920-х–1930-х гг.

Ключевые слова: этнографическое образование, Н.И. Воробьев, Казанский университет, Восточный педагогический институт.

Для цитирования: Бушуева Л.А. «Любование стариной» в эпоху «великого перелома»: Н.И. Воробьев и преподавание этнографии в вузах Казани (1920-е – начало 1930-х гг.). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 701–714. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714> EDN: CJYDQM

**“Admiring the olden time” in the era of the “great turning point”:
N.I. Vorobyev and teaching ethnography
at Kazan institutes of higher education (1920s – early 1930s)**

L.A. Bushueva

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

bushueva9@mail.ru

Abstract. The paper examines the teaching activities of the famous ethnographer, geographer, researcher of the ethnography of the Tatars and other peoples of the Volga region, Nikolay Iosifovich Vorobyev, at Kazan University and the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s – early 1930s. His role in organising special departments of these universities, where ethnography and related disciplines (anthropology, anthropogeography, ethnology, etc.) were taught, is shown. The views on ethnographic education of the Kazan teaching community, students and authorities at various levels are described. The paper shows that in the first years of the Soviet rule, ethnography was taught in large quantities at several Kazan institutes of higher education – Kazan University, North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, and Eastern Pedagogical Institute. The main initiators of including ethnographic disciplines in the curriculum of institutes were employees of Kazan University, including N.I. Vorobyev. However, officials of the RSFSR People’s Commissariat for Education considered ethnography as a discipline that studies ‘backward peoples’ and ‘relicts’, and did not see it as a means of ideological education of students. Therefore, the number of hours assigned to this subject was reduced quite quickly. N.I. Vorobyev and his colleagues proposed a number of educational departments projects (geographical and museum-ethnographic sections of the Eastern Pedagogical Institute) in order to preserve ethnographic education in Kazan. As a result of their efforts, students of the Physics and Mathematics Department of Kazan University and the Eastern Department of the Eastern Pedagogical Institute studied ethnography and related subjects until its ‘defeat’ on the cusp of the 1920s and 1930s.

Keywords: ethnographic education, N.I. Vorobyev, Kazan University, Eastern Pedagogical Institute.

For citation: Bushueva L.A. (2024) “Admiring the olden time” in the era of the “great turning point”: N.I. Vorobyev and teaching ethnography at Kazan institutes of higher education (1920s – early 1930s). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 701–714. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714> (In Russ.)

Известный советский этнограф Николай Иосифович Воробьев является признанным основоположником этнографического татароведения. Его становление как исследователя во многом пришлось на первые годы советской власти, когда появились его работы, посвященные материальной культуре татарского народа. Биографы Николая Иосифовича, рассматривая этот период его жизни, как правило, выделяют экспедиционную работу ученого и музейную деятельность. При этом мало кто отмечает, что в начале 1920-х гг. Н.И. Воробьев был в числе немногочисленных энтузиастов, пытавшихся организовать в Казани высшее этнографическое образование и имевших смелость поддерживать его в

сложные времена культурной революции и «великого перелома». В статье мы попытаемся рассмотреть педагогическую работу ученого в вузах Казани в контексте развития высшей школы 1920-х – начала 1930-х гг. ТАССР и определить его роль в становлении высшего этнографического образования в регионе.

Николай Иосифович Воробьев являлся воспитанником Казанского университета. Он учился на естественном отделении физико-математического факультета, и как отмечают его биографы Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин, уже со второго курса начал заниматься научными изысканиями под руководством двух наставников – профессора по кафедре зоологии А.А. Остроумова и этнографа Б.Ф. Адлера (Бусыгин, Зорин, 2002: 76). Исследовательские интересы начинающего ученого были весьма разносторонними. В 1915 г. по поручению Общества естествоиспытателей Николай Иванович изучал фауну Енисея, а уже через год в Южно-Уссурийском крае проводил географические и этнографические изыскания (Бусыгин, Зорин, 2002: 76). После окончания университета в 1918 г. Н.И. Воробьев вновь оказался в Сибири, где по поручению Русского географического общества в районе Нижнего Енисея занимался исследованием культуры и быта местных народностей (Бусыгин, Зорин, 2002: 77).

Пока ученый находился в Сибири, Казань переживала кардинальную перестройку всей системы высшего образования. В alma mater Воробьева – Казанском университете закрылись историко-филологический и юридический факультеты, зато появились рабочий факультет и факультет общественных наук. В городе начали работать и новые типы высших учебных заведений – педагогический и политехнический институты. Несмотря на трудности послереволюционного времени развивался и открытый в октябре 1917 г. Северо-восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ). Именно этот вуз в первые годы советской власти сыграл важную роль в развитии этнографического образования в Казани.

Этнография в вузах Казани в первые годы советской власти.

Институциональный аспект

Накануне революционных событий 1917 г. подготовкой этнографов в Казани занималась небольшая кафедра географии и этнографии естественного отделения физико-математического факультета университета, которой заведовал Bruno Фридрихович Адлер. Ему, несомненно, много удалось сделать для развития этой дисциплины в Казани, однако официально вплоть до 1917 г. в учебных планах университета курс этнографии оставался в подчиненном положении по отношению географии и был предметом по выбору, то есть необязательным для студентов. Кроме того, по признанию самого Н.И. Воробьева, в Казанском университете готовили специалистов только по этнографии народов Сибири, то есть ориентировались в своей научной работе «не на местный край, а на восток – Сибирь и Дальний Восток» (Воробьев, 1927: 193). В послереволюционный период кафедра продолжила работу, но ее преподавательский и студенческий состав был немногочисленным (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 3. Д. 10. Л. 50).

В СВАЭИ, возникшем по инициативе университетских преподавателей, открылось целое этнографическое отделение. Его возглавил профессор Б.Ф. Адлер. Исследователи признают, что оно стало первым подразделением в Советской России, где готовили профессиональных этнографов (Леонтьева, 1978: 53). В СВАЭИ поступали все желающие юноши и девушки, в том числе и из числа представителей национальной интеллигенции, как, например, Марьям Губайдуллина – сестра историка Газиза Губайдуллина, будущий специалист по этнографии татар. Их интерес к этнографическому образованию подогревался и происходившими в регионе процессами нациестроительства, итогом которых стало образование в 1920 г. Татарской АССР.

Кроме самого Б.Ф. Адлера этнографические дисциплины в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте преподавал географ Б.Н. Вишневский – выпускник физико-математического факультета Московского университета, ученик Д.Н. Анучина и приват-доцент историко-филологического факультета университета Н.В. Никольский (ГА РТ. Ф. Р–1339. Оп. 2л. Д. 14. Л. 3). В отличие от Адлера и Вишневского у него не было естественнонаучного образования, он окончил Казанскую духовную академию и являлся специалистом по этнографии чувашей.

Студенты этнографического отделения СВАЭИ получали специальность по этнографии тюрко-татарских и угро-финских племен. Здесь им читали широкий перечень предметов, в который входили антропология, антропогеография, общая этнография, славянская этнография, тюркско-монгольские древности, этнография чувашей, этнография турецких племен, этнография финно-угорских племен и многие другие (Леонтьева, 1978: 57). Таким образом, в первые годы советской власти этнографов готовили и в Казанском университете, и на этнографическом отделении Северо-восточного археологического и этнографического института. Благодаря последнему этнография заняла заметное место в подготовке казанских студентов.

В первые годы работы преподаватели имели возможность самостоятельно формировать планы и программы занятий и выстраивать учебный процесс по своему усмотрению. Однако довольно скоро деятельность института стала вызывать вопросы у разных групп политической элиты республики. Комиссар высших учебных заведений Казани А.А. Максимов в отчетах, направляемых в Наркомпрос РСФСР, отмечал, что в СВАЭИ нет «ни плана, ни соответствия советскому строительству», а институт просто «приютил у себя всех преподавателей, любителей этнографии, археологии... и дал возможность им излагать свои познания» (ГА РФ. Ф. А1565. Оп. 3. Д. 377. Л. 10). Представители Татарского наркомпроса Ф. Сайфи, Г. Шараф, А. Енбаев и вовсе настаивали на реструктуризации СВАЭИ. Они утверждали, что, хотя институт и делает много для изучения татарской истории и культуры, этот вуз не для татар, так как для того, чтобы здесь успешно учиться, нужно пройти курс дореволюционной классической гимназии или реального училища (ГА РТ. Р–225. Оп.1. Д. 8. Л. 17).

В 1921 г. под давлением Татнаркомпроса Северо-восточный археологический и этнографический институт преобразовали в Восточную академию. В вузе сохранилось этнографическое отделение, однако увеличилась доля предметов «политического минимума». Из этнографов и антропологов здесь остались работать Б.Н. Вишневский и Н.В. Никольский, а вот Б.Ф. Адлер преподавать в новом учреждении не пожелал. В связи с институциональными изменениями, происходившими в высшем образовании, Б.Ф. Адлер, по-видимому, перестал видеть перспективы для развития исследовательской деятельности в Казани, хотя он по-прежнему являлся авторитетной фигурой в научном и преподавательском сообществе города, занимал должности ректора Казанского педагогического института и директора городского музея (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 14. Л. 113). Еще в конце 1921 г. ученый уехал в командировку, из которой в Казань не вернулся.

Восточная академия проработала всего один год. В начале 1922 г. центральные органы власти совместно с Наркомпросом ТАССР приняли решение объединить ее с педагогическим институтом и факультетом общественных наук университета в Восточный педагогический институт (далее – ВПИ). Таким образом, к началу 1922 г. из всех институций, готовивших этнографов, масштабная реструктуризация не затронула только кафедру географии, антропологии и этнографии Казанского университета.

Н.И. Воробьев на географических отделениях вузов Казани

Н.И. Воробьев возвращается в Казань в 1921 г. Сначала он устраивается на работу в Академический центр Народного комиссариата просвещения ТАССР в отдел охраны памятников (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 120. Л. 59об.) и становится штатным ассистентом кафедры географии, этнографии и антропологии университета. Это подразделение после отъезда Б.Ф. Адлера потеряло профессора и насчитывало всего четырех сотрудников. Среди них три преподавателя (Б.Н. Вишневский, Н.И. Воробьев, Н.И. Масленников) и один технический специалист – Екатерина Адольф. В 1923 г. исполняющим обязанности руководителя кафедры стал приглашенный из педагогического института географ С.Г. Пархоменко. Николай Иосифович начинает вести здесь практические занятия по антропологии и этнографии и проводит практикумы с участниками университетского кружка «Любителей природы» (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57).

В 1923 г. Николая Иосифовича приглашают на работу в Восточный педагогический институт. В отличие от бывшего СВАЭИ, где учились специалисты по краеведению и «культурные работники», ВПИ выполнял «практические» задачи – готовил учителей для школ первой и второй ступени и педагогических техникумов. Институт состоял из четырех отделений: словесно-исторического, физико-математического, биолого-географического и восточного. Здесь преподавали этнографию, антропологию и народоведение. В 1922–1923 учебном году на биолого-географическом отделении эти курсы читал Б.Н. Вишневский (ГА РТ. Ф. Р–1487. Д. 39. Л. 108). Однако ученый, как и Б.Ф. Адлер, не собирался

продолжать профессиональную карьеру в Казани. Проработав в ВПИ всего несколько месяцев, он переехал в Петроград, где стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии РАН. Н.И. Воробьев, поступивший в ВПИ на должность самостоятельного, внештатного преподавателя, должен был заменить Б.Н. Вишневого (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 39. Л. 167).

Как уже упоминалось, ВПИ считался вузом с практическими целями. Поэтому, когда в ходе дискуссий об экономическом районировании страны Татарскую АССР стали относить к сельскохозяйственным регионам, наркомпросовские чиновники немедленно среагировали, преобразовав биологическое отделение в аграрное. Здесь начали готовить учителей для сельской местности со знанием основ ведения сельского хозяйства. Главное управление профессиональным образованием не считало нужным учить их географии. Поэтому географические дисциплины вместе с антропологией и народоведением выделили в отдельную от аграриев географическую секцию (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 42). Основными преподавателями географической секции стали С.Г. Пархоменко и Н.И. Воробьев.

Одной из особенностей учебного процесса тех лет являлся так называемый «стержневой» метод преподавания, когда все занятия группировались вокруг одного или двух предметов. На первом курсе студенты изучали основы ботаники, зоологию. На втором году обучения они познакомились с исторической геологией, картографией, геологией и палеонтологией, а также с методикой антропологических и этнографических сборов и экономико-статистических обследований. На третьем курсе стержневыми, ведущими предметами секции становились этнография и экономика. Этнографией и антропологией студенты занимались по 6 часов в неделю (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 42).

Николай Иосифович вел для старшекурсников экскурсионную практику. Она проходила обычно в первый триместр учебного года с сентября по ноябрь в окрестностях Казани (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. Д. 50. Л. 85об.). Под экскурсиями подразумевались небольшие экспедиции. Для преподавателей географической секции они были главным методом обучения студентов. В отчете о работе они писали:

Основой накопления географических знаний у всех народов во все времена были путешествия, то и обучение географией начинаются с экскурсий, так как в это время студенты получают вкус к географическим исследованиям, к «поэзии бродяжничества», подходят вплотную к познанию географии, сложнейших взаимоотношений, существующих в районе контакта атмо-гидро-мето-био и антропосферы (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. Д. 50. Л. 85).

Однако «поэзией бродяжничества» дело не ограничивалось. Из-за «производственной и сельскохозяйственной установки» института преподаватели должны были связывать географические и этнографические изыскания с проблемами экономического районирования СССР. С.Г. Пархоменко так описывал методику экскурсионной работы:

Профессор работает в поле так, как работает исследователь. При этой работе присутствуют студенты не только в роли созерцателей работ, но и в роли помощников, младших техников, десятников, рабочих. Поручения технического характера, доступные начинающим географам, вводя их в круг географических явлений, доставят и удовлетворение от сознания продуктивности, полезности работы. Изыскания железных дорог, шоссейных, грунтовых и водных путей сообщения, гидроэлектрических установок, мелиорация, статистические обследования и пр. требуют предварительных работ, которые с успехом могут быть выполнены квалифицированными работниками. И в таких работах, которые конкретно могут быть предложены Госпланом, и профессорско-преподавательский состав, и студенты, могут принять участие с большой пользой (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. Д. 50. Л. 85 об).

С одной стороны, преподаватели географической секции старались обучить воспитанников основам полевых исследований, с другой стороны, были вынуждены демонстрировать властям, что готовят учителей, разбирающихся в состоянии современного сельского хозяйства и производства. В результате Пархоменко и Воробьев старались подвести учебный план под прочную «естественно-научную основу» и наполняли его такими предметами, как минералогия, динамическая геология за счет этнографических дисциплин. Несмотря на старания преподавателей выполнить многочисленные требования НКП РСФСР, чтобы сохранить подразделение, на работу секции вскоре обрушилась критика. В 1925 г. учебная часть ВПИ, рассматривая учебный план географов, отметила, что он не только перегружен, но и имеет существенные расхождения с планами Государственной ученой комиссии НКП РСФСР (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 77). В этом же году из педагогического института ушел руководитель секции С.Г. Пархоменко, тяготевший к исследовательской и экспедиционной деятельности, а не к воспитательной. В составе Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР он продолжил геоморфологические исследования Вилюйского округа Якутии, которыми занимался до приезда в Казань (Киселев, 2015: 48). После его отъезда географическую секцию в Восточном педагогическом институте закрыли.

*Н.И. Воробьев на восточном отделении
Восточного педагогического института*

Н.И. Воробьев являлся самостоятельным преподавателем восточного отделения ВПИ. После реорганизации гуманитарного образования в Казани в 1922 г. сюда перешли бывшие сотрудники историко-филологического факультета Казанского университета и представители татарской интеллигенции из Восточной академии, в том числе Газиз и Марьям Губайдуллины, Галимзян Шараф (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39. Л. 167-167 об). Преподаватели отделения пытались сохранить преемственность с Северо-восточным археологическим и этнографическим институтом. Это можно проследить и по перечню

предметов в учебных программах, и по преподавательскому составу. Так, этнографию чувашей для студентов отделения вел Н.В. Никольский, а этнографию татар – выпускница СВАЭИ М.С. Губайдуллина. На отделении был и специальный курс общей этнологии. Его читал В.И. Анучин – незаурядный писатель и этнограф, до революции являвшийся ярким представителем сибирского областничества.

На востоковедческом отделении этнология являлась ведущим («стержневым») предметом наряду с историей и тюркскими языками. Вокруг нее группировалось несколько дисциплин. Собственно курс общей этнологии вел В.И. Анучин, а такие предметы, как антропогеография, аналитическая география были отданы Н.И. Воробьеву. Этнологию дополнял обзор религий. Таким образом, как писали преподаватели восточного отделения, «курс [давал] законченное целое в области народоведения, дополняя обществоведение и служа фундаментом для него» (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 50. Л. 84). Кроме этого, Н.И. Воробьев в 1923–1924 учебном году вел здесь семинары по экскурсионному делу и читал лекции по музееведению. По своей инициативе он проводил дополнительный антропологический и этнографический практикум для студентов университета и Восточного педагогического института (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57). В длительные экспедиции вывозить студентов не было материальных возможностей, поэтому Н.И. Воробьев вел занятия на базе этнографического кабинета Казанского университета, где работал ассистентом, а затем заведующим (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1 Д. 78. Л. 144). Так, только за 1923–1924 гг. он провел 38 экскурсий, большую часть которых были организованы для студентов педагогического института и университета. Итоги своей педагогической работы он представил в докладе «Экскурсия в преподавании на рабфаке», прочитанном на методической конференции рабочего факультета КГУ (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57 об.).

Восточное отделение стояло особняком в институте. Его краеведческий уклон, расплывчатые с точки зрения советских органов власти цели «подготовить политически развитого культурного работника-общественника-марксиста, знающего свой край с точки зрения его природы, производства и культуры» и «научно-исследовательское» направление напоминали Северо-восточный археологический и этнографический институт с его преподавателями – «любителями этнографии, археологии» и отдавали «духом народничества». Кроме того, преподавателей восточного отделения никак нельзя было причислить к марксистам. Хотя мы не располагаем подробными программами Воробьева, уже по перечню предметов можно сказать, что в них вряд ли было много марксистского. Еще со студенческих лет Н.И. Воробьев оставался приверженцем взглядов географа и зоолога Л.С. Берга (Бусыгин, Зорин, 2002: 78), да и антропогеография, которую читал ученый, относилась к немарксистским направлениям географии. Она развивалась в России еще до революции, в ее основу были положены разработки таких ученых, как В.П. Семенов-Тянь-Шанский (Полян, 2020).

Уже в 1925 г. чиновники попытались закрыть восточное отделение, предложив разделить его на несколько национально-лингвистических подразделений с главным упором на изучение языков народов Поволжья. За создание чувашского национально-лингвистического отделения ратовал Чувашский народный комиссариат просвещения, а НКП ТАССР лоббировал открытие татарского национально-лингвистического отделения (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 11 об.).

Пытаясь сохранить этнографические дисциплины в качестве стержневых предметов, преподаватели ВПИ предложили выделить из отделения востоковедения еще и музейно-этнографическую секцию, где бы студенты могли изучать этнологию и этнографию и получить специальность музейного сотрудника. Одним из разработчиков планов для новой специальности стал Н.И. Воробьев. Вскоре методическая комиссия по педагогическому образованию Главпрофобра НКП РСФСР рассмотрела их и утвердила. Музейно-этнографическая секция начала работу со второй половины 1925 г.

Будущие музейеведы слушали курсы истории (читал преподаватель Е. Чернышев), археологии (читал В. Смолин), этнографии тюрко-татарских племен (М. Губайдуллина). Но большая часть времени отводилась для антропологии, общей этнологии и музейной техники. Курс общей этнологии вел В.И. Анучин, а антропологию, музейеведение и музейную технику читал студентам Николай Иосифович по три часа в неделю каждый предмет. Будучи заведующим кабинетом географии Казанского университета, он проводил занятия с его использованием.

Подробных программ по предметам, читавшимся на музейно-этнографической секции, найти не удалось. Однако судя по краткому описанию, сохранившемуся в архиве, особенно насыщенным был учебный план по музейеведению и музейной технике. Это неудивительно, учитывая, что Н.И. Воробьев являлся директором Центрального музея ТССР. Ученый рассказывал студентам о том, как нужно работать с этнографическими, нумизматическими коллекциями, давал общие сведения об истории искусств, картографии, палеографии, дипломатики, геральдики, фотографии, уделял внимание естествознанию. Вел Николай Иосифович и практические работы по музейеведению, приглашая учащихся на занятия в Центральный музей (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 50. Л. 148).

Однако и музейно-этнографическое отделение не избежало закрытия. Во-первых, здесь училось довольно мало студентов, так как молодые люди под влиянием революционных преобразований стремились на общественно-экономическое отделение, где больше всего изучались дисциплины «политического минимума», этнография же ассоциировалась у них с изучением «отсталых народностей», «старины» и «пережитков». Во-вторых, в середине 1920-х гг. этнографы ВПИ стали объектом нападков со стороны студенческой партийной ячейки. В этот период эта организация играла большую роль в жизни института. Ее самые активные представители входили в состав предметных комиссий и советов отделений, где буквально третировали преподавателей, критикуя их методы работы и учебные программы за «отсутствие марксистской линии». Жалобы

партийных активистов являлись в те годы обычной причиной увольнения сотрудников.

В состав объединенного совета подразделений бывшего восточного отделения входили студенты Яковлев и Угандеев. В 1925 г. вместе с другими активистами они добились сокращения преподавания археологии (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 27.), выступали за увольнение В.И. Анучина, утверждая, что он «заполняет [время лекций] пустячными разговорами, анекдотами и т.п. вещами», и поэтому они «об этнологии понятия не имеют, кроме шаманизма». В результате студенческих доносов В.И. Анучин уволился в 1927 г. Критиковали представители студенческой фракции и Н.И. Воробьева. Претензии к нему были те же, что и к другим преподавателям. Студент Яковлев утверждал, что этнография рассматривается им «только под углом действий физико-географических факторов», тогда как учащимся интересны в этнологических явлениях марксистская составляющая и экономические факторы (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 53). В итоге ректору С.П. Сингалевичу пришлось вводить в противовес курсу музееведения Николая Иосифовича цикл занятий по культуре края, который читал искусствовед П.М. Дульский, объясняя это тем, что «Воробьев станет подходить [к предмету] с натуралистической точки зрения» (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 15 об).

В 1926 г. музейно-этнографическую секцию передали в состав общественно-экономического отделения ВПИ, а этнологию, этнографию и антропологию заменили курсом экономической географии, которая считалась одной из ведущих дисциплин и необходимой основой для изучения политической экономии и экономической политики. Теперь вместо изучения традиционной культуры и быта народов Поволжья и Приуралья студентам предстояло постигать азы географии мирового хозяйства, территориальную организацию экономической жизни СССР, географию промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Вести этот предмет поручали, как правило, выпускникам партийных вузов или преподавателям – членам партии. Ни к тем, ни к другим Н.И. Воробьев не относился.

В 1926 г. Николай Иосифович ушел из педагогического института, но остался штатным ассистентом географического кабинета Казанского университета (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 110. Л. 32). В университете преподавание этнографии сходило на нет. Так, в учебном плане старших курсов направления «география, этнография и антропология» наибольшая доля часов выделялась на страноведение, экономическую географию, общее землеведение, зоогеографию, географию почв и другие естественнонаучные предметы (ГА РТ. Ф. Р. 1337. Оп. 1. Д. 110. Л. 110). Таким образом, подготовка студентов все больше углублялась в специальные области географии (Бусыгин, Зорин: 78–79).

Непосредственно у Николая Иосифовича в эти годы специализировались всего три студента – Ф.И. Терегулова, Г.П. Воздвиженский и Н.И. Напалков. Ученый относился к ним очень внимательно, брал их с собой в экспедиции, ор-

ганизованные другими научными учреждениями, устраивал на подработку в Центральный музей ТССР. Так, Терегулова по поручению музея ездила в Уфу для изучения этнографии башкир (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57 об). Работал Николай Иосифович и со студентами медицинского факультета. Он проводил практикумы по антропометрии и обработке материалов по биометрическому методу со студентами пятого курса медицинского факультета в дополнении к курсу социальной гигиены (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 50. Л. 60).

В 1929 г. на татарском национальном отделении Восточного педагогического института возобновили преподавание этнографии тюркско-татарских племен. Читать этот предмет вновь пригласили Николая Иосифовича. Однако в разгаре уже была эпоха «великого перелома» и бескомпромиссной борьбы с «пережитками прошлого». В 1929 г. в журнале «Этнография» вышла публикация сотрудника Государственной академии истории материальной культуры В.Б. Аптекаря, ставшая началом классовой атаки на этнографов (Слезкин, 1993: 116). В.Б. Аптекарь утверждал, что этнология «должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову, знаменующим невозможность построить науку об обществе средствами буржуазной науки» (Совещание этнографов ..., 1929: 116). На местах ситуацию подогревали установки ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., обязавшего вузы готовить новых специалистов в ускоренном темпе. В ВПИ состоялась большая проверка отделений. По ее итогам работу татарского отделения признали «неудовлетворительной» из-за отсутствия марксистского содержания в учебных курсах, а несколько предметов, в том числе и этнографию тюркско-татарских племен, убрали из учебного плана.

В это же время в вузах республики начались кампании против «старой профессуры». Одной из самых масштабных стала травля в периодической печати известного казанского историка профессора Н.Н. Фирсова и его соратников, участвовавших вместе с ним в работе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Среди них был и Н.И. Воробьев. Члены комиссии агитационно-пропагандистского отдела Областного комитета ВКП(б), изучив дела Общества, писали в обличительных тонах:

В составе действительно ... работавшего актива собрали свои ученые силы явно буржуазные этнографы Воробьев, Смолин (областник-неонародник), «сам» Фирсов... бывшие миссионеры и отчаянные националисты Никольский и Михеев... и пантюркисты типа Губайдуллина, Али Рахима, Саади и т.д. Получился замечательный букет служителей истинной науки (ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224. Л. 1.).

О работах Н.И. Воробьева члены комиссии высказались отдельно:

Не лучше статьи такого явно буржуазного этнографа как Воробьев «О пище татар», как не лучшим перлом является его книга «Очерки материальной культуры татар». Дух буржуазного коллекционерства,

собирания интересных редкостей, этнографического описательства и музейного любования ... у Воробьева исключительно силен (ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224. Л. 65).

К счастью, нападки «воинствующих марксистов» не привели к аресту и физической гибели ученого. Однако после таких обвинений работать в высшей школе было невозможно. Еще в 1930 г. Николай Иосифович уволился из вуза, а к активной преподавательской деятельности вернулся лишь в 1934 г. уже в качестве физического географа, став деканом факультета географии педагогического института.

Таким образом, в 1920-е гг. Николай Иосифович Воробьев активно работал не только как исследователь этнографии народов Поволжья. Преподавательская деятельность заняла весомую часть его жизни. В эти годы он не замыкался на научных изысканиях, а с готовностью поддерживал начинания своих коллег-этнографов, пытавшихся проложить дорогу высшему этнографическому образованию в Казани в условиях непрерывных институциональных изменений, реорганизаций и, наконец, гонений на преподавательское сообщество. Как универсальный специалист, прекрасно разбиравшийся в физической географии, этнографии, антропологии, музееведении, Николай Иосифович был востребован на всех вузовских направлениях, где изучались этнографические дисциплины. Эта «универсальность», по-видимому, позволила ему пережить эпоху «великого перелома» и гонений на этнографию рубежа 1920 – начала 1930-х гг. и способствовать развитию этнографического образования в вузах ТАССР в последующие, более спокойные периоды.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224.
- ГА РТ. Ф. Р–225. Оп. 1. Д. 8.
- ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78.
- ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 110.
- ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 3. Д. 10.
- ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 3. Д. 50.
- ГА РТ. Ф. Р–1339. Оп. 2л. Д. 14.
- ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 14.
- ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 39.
- ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 49.
- ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 50.

ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 80.
ГА РТ. Ф. Р-3683. Оп. 1. Д. 120.
ГА РФ. Ф. А1565. Оп. 3. Д. 377.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002.
Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Татарской АССР с 1920 по 1927 год // Этнография. 1927. №1. Кн. 3. С.193–195.
Киселев М.Ю. С.Г. Пархоменко – исследователь вечной мерзлоты Якутии // Наука и техника в Якутии. 2015. №2 (29). С.48–52.
Леонтьева А.М. К истории высшего специального этнографического образования (этнографическое отделение Северо-восточного археологического и этнографического института в Казани) // Советская этнография. 1978. №2. С.53–62.
Полян П.М. «Круг географии» и судьба антропогеографа (к 150-летию со дня рождения Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 84(5). С.786–800.
Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1937 // Этнографическое обозрение. 1993. №2. С. 113 – 125.
Совещание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. №2. Кн. 8. С. 115–116.

REFERENCES

- Busygin E.P., Zorin N.V. (2002) *Ethnography at the Kazan University*. Kazan. (In Russ.)
Kiselev M.Yu. (2015) S.G. Parkhomenko – researcher of permafrost of Yakutia. *Nauka i tekhnika v Yakutii* [Science and technology in Yakutia]. No. 2(29): 48–52. (In Russ.)
Leont'eva A.M. (1978) On the history of higher specialized ethnographic education (ethnographic department of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan). *Sovetskaya etnografiya*. [Soviet ethnography]. No. 2: 53–62. (In Russ.)
Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow (1929). *Etnografiya* [Ethnography]. No. 2. Book 8: 115–116. (In Russ.)
Polyan P.M. (2020) “The circle of geography” and the fate of the anthropogeographer (dedicated to the 150th anniversary of Veniamin Petrovich Semyonov-Tyan-Shansky's birth). *Izvestiya Rossiiskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geography Series]. No. 84(5): 786–800. (In Russ.)
Slezkin Yu. (1993) Soviet ethnography in knockdown: 1928–1937. *Etnograficheskoe obozrenie*. [Ethnographic review]. No. 2: 113–125. (In Russ.)
Vorobyev N.I. (1927) Ethnographic research in the Tatar ASSR from 1920 to 1927. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 1. Book 3: 193–195. (In Russ.)

Сведения об авторе: Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>; e-mail: bushueva9@mail.ru

About the author: Lyudmila A. Bushueva, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>; e-mail: bushueva9@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 1.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 30.05.2024

Принята к публикации / Accepted 15.06.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740>

EDN: CRBJED

Н.И. Воробьев и Центральный музей Татарской республики (1923–1930 гг.)

М.В. Ледяева

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
mled8@mail.ru*

З.Н. Мирсияпова

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ms.zalija81@mail.ru*

В.И. Мухин ✉

*Национальный музей Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
wladmukhin@yandex.ru*

Резюме. Н.И. Воробьев возглавлял Центральный Музей ТАССР в период формирования новой музейной практики, когда верные решения приходили с опытом, а главной задачей была выработка новой структуры институции. Молодой ученый на посту директора столкнулся с большим количеством административных вопросов и сложностей, от нехватки бюджета и кадров до устранения внешних угроз, вызванных низким уровнем обеспечения безопасности музейных коллекций. Острая нехватка средств отражалась на всем: Музей не мог занять все площади, выделенные государством, в штате отделов было не более трех человек, закупка предметов и плановое комплектование практически не осуществлялись. Но в то же время при подготовках выставок под руководством Н.И. Воробьева были организованы этнографические экспедиции во многие кантоны Татарской республики, в ходе которых был собран значительный материал, задокументировавший культуру и традиции народов края, предметы быта и ремесел, сделано большое количество фотографий. Благодаря этой работе Музей смог достойно представить Татарскую республику на масштабных Всесоюзных выставках в Москве 1923 и 1927 гг., на международной выставке в Париже 1925 г. Разделы Татреспублики на выставках были тепло встречены общественностью, а предметы, по их закрытию, пополняли фонды Музея.

В условиях ограниченного финансирования, нехватки площадей и ограниченности штатов под руководством Н.И. Воробьева в Музее были заложены принципы функционирования, на которых он будет основываться в следующие десятилетия. Совмещая музейную работу с научной карьерой, Николай Иосифович Воробьев покинул Музей в период установления полного государственного надзора над институцией, оставив после себя не просто Музей, а научное учреждение, в котором беспрерывно велась исследовательская работа.

Ключевые слова: Н.И. Воробьев, Центральный музей Татарской республики, этнографические экспедиции в АТССР.

Для цитирования: Ледяева М.В., Мирсияпова З.Н., Мухин В.И. Н.И. Воробьев и Центральный музей Татарской республики (1923–1930 гг.). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 715–740. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740> EDN: CRBJED

N.I. Vorobyev and the Central Museum of the Tatar Republic (1923–1930)

M.V. Ledyayeva

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

mled8@mail.ru

Z.N. Mirsiyapova

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

ms.zalija81@mail.ru

V.I. Mukhin ✉

National Museum of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

wladmukhin@yandex.ru

Abstract. N.I. Vorobyev headed the TASSR Central Museum during the formation period of the new museum practices, when the right decisions came with experience and the main task was to develop a new structure of the institution. As the museum director, the young scholar dealt with a large number of administrative issues and difficulties, from budget and personnel shortage to elimination of external threats caused by the low level of security of museum collections. The acute shortage of funds was reflected in everything: the museum could not occupy all the areas allocated by the state, there were no more than three people in the staff of departments, the tasks of purchasing exhibits and planned acquisitions were barely fulfilled. However, at the same time, as part of preparation for exhibitions, ethnographic expeditions to many cantons of the republic were organised under the leadership of N. Vorobyev. During the expeditions, significant materials that document the culture and traditions of the peoples of the region, household items and crafts were collected, as well as a large number of photographs were taken. As a result of this work, the museum was able to adequately represent the Tatar Republic at large-scale All-Union exhibitions in Moscow in 1923 and 1927 and at the international exhibition in Paris in 1925. The public warmly welcomed the Tatar Republic sections at the exhibitions; upon the exhibitions closure, the objects replenished the museum funds.

In conditions of limited funding, lack of space capacity and limited number of staff, under Vorobyev's leadership, the museum laid down the functioning principles, which would serve as the basis of its work in the following decades. Combining museum work with his academic career, Nikolay Vorobyev left the museum during the period when full supervision of the state was being

established over the institution. He left not just a museum, but also an academic institution where research work was constantly carried out.

Keywords: N.I. Vorobyev, Central Museum of the Tatar Republic, ethnography expeditions in ATSSR.

For citation: Ledyayeva M.V., Mirsiyapova Z.N., Mukhin V.I. (2024) N.I. Vorobyev and the Central Museum of the Tatar Republic (1923–1930). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 715–740. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.715-740> (In Russ.)

История Национального музея Республики Татарстан неразрывно связана с именем Николая Иосифовича Воробьева. Осенью 1921 г. он пришел на работу в Центральный музей Татарской республики (ЦМТР), заняв должность заведующего естественно-историческим отделом, а в 1922 г. фактически возглавил Музей, когда Бруно Фридрихович Адлер – руководитель музея в 1918–1922 гг., окончательно уехал в Москву. В 1923 г. Н.И. Воробьев утверждается в данной должности и пребывает на ней до сентября 1930 г. (НМРТ. Воробьев Н.И. Автобиография: 1–2).

Общее положение Музея в 1923–1928 гг.

Руководство Н.И. Воробьевым ЦМТР пришлось на первые годы советской власти – непростой период истории отечественных музеев. Тогда изживалась старая дореволюционная музейная практика, а музейным сотрудникам предстояло освоить новые методы работы. Первостепенной задачей Н.И. Воробьева стала разработка новой структуры Музея. На тот момент он состоял из историко-археологического, промышленно-технического, естественно-исторического, художественного отделов и библиотеки. Позже, в связи с пополнением в середине 1920-х годов собрания музея большим количеством предметов русской православной церкви был выделен отдел древнего русского искусства.

В 1920-е годы каждый отдел ЦМТР, за исключением библиотеки, был, по сути, самостоятельным мини-музеем. Помимо обособленных от других структурных подразделений штатов, помещений и хранилищ, каждый отдел самостоятельно разрабатывал и реализовывал на занимаемых им площадях выставочную программу. Так, художественный отдел формировал выставки изобразительного искусства, историко-археологический – исторические и т.д. Они проходили параллельно и зачастую не были взаимосвязаны друг с другом. Музей принимал участие в масштабных Всесоюзных выставках, на которых презентовались быт и культура народов Автономной Татарской Советской Социалистической Республики.

В 1926–1928 гг. внутри Музея шли дискуссии о реструктуризации историко-археологического отдела, существовал проект выделения в самостоятельный отдел историко-бытовой коллекции. Н.И. Воробьев поддерживал эту идею, однако ее воплощение произошло значительно позднее. Именно Николай Иоси-

фович первым выступил с предложением о выделении в самостоятельный отдел раздел оружия, хранившегося в Музее (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89. Л. 33). Идея в дальнейшем нашла отражение в его обновленной структуре. В начале 1928 г., согласно постановлению Главнауки, создается Ученый совет ЦМТР. В виду отсутствия находившегося в Ленинграде Н.И. Воробьева, его первым председателем стал П.М. Дульский. Сам Николай Иосифович включился в работу Совета во второй половине года по возвращению из Ленинграда в Казань. Тогда же в Музее промышленно-технический отдел был преобразован в экономический. Он в соответствии с проектом должен был отразить достижения сельского хозяйства, промышленности и профессионального образования в советском государстве.

Одной из важнейших зон ответственности директора ЦМТР в довоенный период были занимаемые площади. Н.И. Воробьев неоднократно отмечал, что предоставленных под музейную деятельность помещений недостаточно. Проблема, например, озвучивалась в докладе о положении музейного дела в Татарской республике на Средневолжской музейной конференции в сентябре 1926 г. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71. Л. 1).

В 1924 г. под управление музейного отдела Академического центра Татарского народного комиссариата просвещения (Академцентр Татнаркомпроса) вошел ряд площадей, ранее находившихся под контролем русской православной церкви – Петропавловский собор, церковь четырех евангелистов и др. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 40. Л. 11). Музейный отдел разместился в бывшей Ивановской церкви у площади Первого мая, а Центральному музею республики полностью отошел западный фасад бывшего Гостиного двора со значительными помещениями, прежде предназначавшимися для складов, и Гостинодворская церковь. Использование новых площадей оказалось затруднительным из-за непригодности новых пространств под музейные проекты и отсутствия средств на их ремонт и реорганизацию. Поэтому помещения начали сдаваться в аренду разным организациям – Центроспирту (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 7), Таткожтресту (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 15–16об.). Гостинодворская церковь в 1927 г. была сдана Волго-Камскому отделению связи (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 17–18). Средства от арендных соглашений поступали в Музей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 20). Некоторые помещения занимали проживавшие в них музейные сотрудники, в том числе Н.И. Воробьев и его семья (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 40).

В 1925 г. на территории, контролируемой музеем, был сформирован Казанский зоосад. Его создание явилось результатом соглашения между ЦМТР и Казанским студенческим кружком любителей природы. Зоосад занял значительную часть помещений, принадлежавших Музею. В них были разбиты питомники, разместились службы и их обслуживавшие сотрудники (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 19–21).

На протяжении 1920-х годов одной из основных проблем ЦМТР была безопасность музейных предметов и имущества. Н.И. Воробьев в конце 1923 г.

обращается к начальнику городской милиции с просьбой о выделении ружья для ночного сторожа Музея в виду огромной государственной ценности музейных коллекций (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 64). Во второй половине 1920-х гг. в Музее делается частичный ремонт, включавший замену оконных рам. Однако общее обеспечение безопасности хранимых артефактов оставляло желать лучшего. Нехватка площадей и недостаточная безопасность стали ключевыми проблемами основной деятельности ЦМТР в этот период.

*Комплектование, учет и хранение в ЦМТР
под управлением Н.И. Воробьева*

Выступая на Средневолжской музейной конференции в сентябре 1926 г., Н.И. Воробьев отмечал, что плановое комплектование музейных коллекций не ведется в виду отсутствия средств и ресурсов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71. Л. 1). Вплоть до 1930-х годов ЦМТР отвечал отказом на большинство частных предложений о покупке предметов. Одним из редких исключений стал прием в 1930 г. коллекции бабочек, к которой прилагались комплекты каталогов. Все это было приобретено за 150 рублей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 93. Л. 20).

Весной 1923 г. Б.Ф. Адлером и М.Г. Худяковым от С.М. Афонского была принята коллекция университетского профессора Н.Ф. Высоцкого. За нее было оплачено 1025 золотых рублей, выделенных Татнаркомпросом (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28. Л. 32). До конца третьего десятилетия XX в. музейный отдел при комиссариате просвещения будет играть большую роль в формировании новых поступлений в музейное собрание за счет национализированных, прежде всего, церковных предметов. В сентябре 1924 г. Музей принял предметы из бывшего Кафедрального собора (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 3–4об.), всего 113 ед. хр., а в августе 1925 г. – комплекс предметов из бывшей церкви Николая Гостинодворского (всего 211 ед.хр.) (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 46. Л. 5). Во второй половине 1920-х годов изъятыми у Православной церкви предметами комплектовался отдел древнерусского искусства. По трем актам передачи (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 11–13) было принято 150 предметов. Регулярно из музейного отдела Академического центра Татнаркомпроса в Музей шли единичные поступления.

Ключевую роль в пополнении собрания Музея в период директорства Н.И. Воробьева сыграли археологические и этнографические экспедиции. В течение 1920-х гг. музей организовывал их самостоятельно или принимал предметы по полевым описям работ, проведенных другими организациями. Например, в феврале 1925 г. в музей от профессора В.Ф. Смолина поступил клад, обнаруженный при раскопках Джукетау, состоявший из «36 предметов и 166 жемчужин» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 48–49). Ежегодно сотрудники историко-археологического отдела принимали личное участие в экспедициях. Так, например, по итогам 1928 г. фонды музеяполнили 5937 предметов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89. Л. 19). К сентябрю 1930 г., когда Н.И. Воробьев

передал Музей новому директору М.И. Борисову, количество предметов археологической коллекции превысило 34000 единиц (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 134. Л. 21).

Главной проблемой в работе с предметами в 1920-е годы являлись их регулярные утраты. Значительная часть предметов отбыла в столичные музеи. Так, в 1928 г. по распоряжению Главнауки в Центральный Музей народоведения было передано 58 предметов ЦМТР, которые ранее были представлены на выставке «Национальные культурные промыслы», прошедшей в Москве к десятилетию Октябрьской революции (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 13–17). В этот период из собрания ЦМТР немалое количество предметов было передано в создаваемые кантонные музеи (Синицына, 2002: 55).

Иногда Музею удавалось препятствовать перемещению предметов на постоянное хранение в другие организации. Так, в марте 1926 г. через Академцентр Татнаркомпроса в музей поступил запрос от Татархива о передаче в его восточную секцию ярлыка хана Сахиб-Герая (Сахиб-Гирея). Музей ответил на это достаточно резко, уведомив Академический центр в том, что «экспонирование фотоотпечатков с ярлыка, когда сам ярлык находится в Казани, считает нецелесообразным, и весь смысл данной переписки сводится к ведомственным, бюрократическим проискам» (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 70. Л. 10–10об.). В итоге, ярлык Сахиб-Герая (Сахиб-Гирея) по-прежнему хранится в фондах Музея.

В середине 1924 г. Государственный Эрмитаж начал кампанию по переводу из ЦМТР серебряного блюда, на котором изображен сасанидский царь на охоте. Изначально оно было передано Эрмитажу только для изучения и вернулось в Казань с большим трудом три года спустя. Позже Эрмитаж поднял вопрос о постоянной передаче им предмета. Коллегия Музея, возглавляемая Н.И. Воробьевым, в 1927 г. высказалась против передачи предмета в Ленинград (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 84). Возражение справедливо обосновывалось принадлежностью блюда к коллекции А.Ф. Лихачева, лежащей в основе музея, и его экспозиционной значимостью для историко-археологического отдела.

Весомый ущерб собранию ЦМТР во второй половине 1920-х гг. был нанесен фабрикой «Совкино», под патронажем которой в 1927 г. в Казани, в том числе на территории бывшего Гостиного двора, снимался фильм «Булат-Батыр». Для съемок из Музея на временное пользование были взяты ружья из коллекции историко-археологического отдела, которые затем не были возвращены и покинули город вместе со съемочной группой. Оказалось, что создателям фильма взятое в музее оружие было необходимо для дальнейших съемок, но Музей они оповестили лишь после соответствующего запроса от Татнаркомпроса (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 98. Л. 2об.). Договоренность была достигнута. Согласно составленному акту фабрика принимала на себя обязательство вернуть взятые предметы к 15 апреля 1928 г. В установленный срок этого не произошло. В этой связи планировалось уведомить «Совкино» о возбуждении дела в судебном порядке. Решение вопроса перешло к Татнаркомпросу (ГА РТ. Ф. Р.–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 108). Предметы вернулись в Музей с опозданием на

месяц, а заведующим историко-археологическим отделом Н.Ф. Калининым была обнаружена недостача шести предметов, которые пришлось изъять из инвентарей музея. «Совкино» возместило нанесенный вред суммой в размере 100 рублей (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 100. Л. 254).

Предпринимаемые музеем действия по повышению уровня безопасности оказались недостаточными: кражи из экспозиции происходили на постоянной основе. Проблему не удавалось решить и в последующие годы, когда кражи приобрели систематический характер. Тогда утраченные предметы удалялись из коллекционных описей отделов (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 70) – основного документа учета.

Отсутствие цельной структуры, большая автономность отделов при большом объеме коллекций, являлись причинами, из-за которой в Музее отсутствовала единая система учета хранимых коллекций. В 1924 г. была предпринята попытка создания главной инвентарной книги музея. Однако работа была завершена уже спустя год, в нее было занесено лишь около 600 предметов новых поступлений (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–4). Не удалось систематизировать акты приема предметов. Например, на акте о приеме предметов из бывшего Кафедрального собора, который состоялся в 1924 г., стоит поздняя приписка – «найден 10.XI.28» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79. Л. 3). Вероятно, такая ситуация возникла из-за перевода принятых под данному акту предметов в отдел древнерусского искусства и формированием его инвентарных описей. В это время именно инвентарные описи отделов являлись основными документами учета.

Невозможность занятия музеем переданных ему в первой половине 1920-х гг. площадей остро обозначила проблему хранения музейных предметов. Хранительские помещения были малы, а большое количество предметов в момент передачи ЦМТР от Н.И. Воробьева новому директору помещались в т.н. подвалах витрин (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1 Д. 134. Л. 3–29). На конец 1929 г. коллекции музея насчитывали более 94000 музейных предметов (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 92). Их хранение, помимо нехватки места, осложнялось практически непрерывной выставочной деятельностью, которой занимались одни и те же сотрудники.

Выставочная деятельность Музея в 1920-е годы

Сбор, упорядочивание коллекций и строительство этнографической экспозиции в Казанском губернском музее были начаты в 1919–1920-е годы. Необходимости проведения этнографических поездок не возникало до выделения этнографического отдела как самостоятельного подразделения в связи с проводимой директором музея, профессором Б.Ф. Адлером общей реорганизации. Явный этнографический уклон в собирательской деятельности Казанского музея связан в целом с пониманием задач национальных музеев. «Теперь, – пишет Адлер, – в жизни народов свершился коренной перелом, революция дала рас-

крепощение народов, и нация, освободившиеся от угнетения, естественно, возрождает забытые национальные костюмы, обычаи и т.д.» (Адлер, 1921: 4).

Начатые Б.Ф. Адлером изменения в деле комплектования и учета этнографических коллекций были продолжены Н.И. Воробьевым. Необходимость комплектования фондов именно татарскими предметами была обозначена во время подготовки к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, которая состоялась в 1923 г. в Москве. Для этого была организована экспедиция в Арский кантон, где Воробьев тщательно отбирал предметы, которые должны были дополнить старые коллекции. Ему было известно, что предметы после окончания экспонирования на Всесоюзной выставке в павильоне Татарской республики будут переданы музею.

Собранный материал позволил представить архитектуру, этнографию и художественные традиции татар через коллекции фотографий, одежды, текстильного убранства жилища, образцов узорного тканья и вышивки, обуви, предметов быта и образцов пищи (муляжи). Павильон №44 «Татреспублика» находился около Голицынских прудов рядом с павильонами Армении, Азербайджана, Грузии, Киргизии и Башкирии. Он представлял собой народный дом – двухэтажное здание с крыльцом, обнесенное узорным забором с воротами. Разработка макета основывалась на летних экспедиционных материалах из Арского кантона. Еще в январе 1923 г. в Казани был объявлен конкурс макетов будущего павильона Татреспублики. На нем представили три проекта. Лучшим оказалось предложение под названием «Зеленый полумесяц» инженера С.В. Шмелева, подготовленного на основе традиций деревянной архитектуры Казани. Павильон был построен в Казани, после чего разобран и отправлен в Москву, где за его возведением наблюдал М.С. Жиров. Он выполнил роспись интерьеров. Верхний этаж павильона состоял из трех залов, они были посвящены быту татар, продукции издательств Казани и сельскохозяйственному образованию. Нижний этаж павильона представлял собой две комнаты деревянного дома крестьянина-середника, типичных для северных кантонов Республики, в частности Арского, и деревни Большая Атна. В сенях экспонировались графические материалы и отдельные предметы быта.

В жилой избе на первом этаже была представлена модель «русской» печи татарского образца с низким шестком и котлом сбоку. Во всю ширину избы возвели нары с войлоками и стеганными покрывалами, подушками. На потолке поперек комнаты закрепили занавеси. Направо от входа между дверью и нарами *саке* экспонировался шкаф с посудой постоянного употребления. Налево – сундук, покрытый цветной тканью. Стены украшены полотенцами и шамаилями. В углу, за печкой разместились полки с кухонной утварью, там же были представлены таз и кумганы.

В избе во время работы выставки проживало пять человек (люди-экспонаты): двое мужчин, две женщины и девочка. Их работа оплачивалась согласно представленной Центральному выставочному комитету смете. Они жили

в избе постоянно, несмотря на большой поток посетителей. Благодаря им комнаты утратили декоративный вид и казались жилыми.

Во второй половине нижнего этажа, в шкафах и витринах располагались экспонаты отдельных элементов татарской материальной культуры. В середине зала, в большом двухстороннем шкафу на фоне расшитых намазлыков, экспонировалась мужская и женская одежды. Среди них, по словам устроителей выставки, особо выделялось голубое свадебное платье, отделанное серебром (НМРТ КП–10265/28) и костюм свахи. Там же были представлены детская одежда, две люльки и утварь. Вдоль стен, в шкафах и витринах, на фоне свадебных наголенников *аяк чолгауы* и шерстяного сукна, экспонировалась деревянная (лапти, башмаки, галоши), суконная (чулки) и кожаная (ичиги, галоши, туфли) обувь. Рядом, в витрине – женские головные уборы, в шкафу на фоне вышитой шали – туалетные принадлежности и платки. Две витрины отображали традиции ткачества и вышивки. Большой интерес представлял комплекс гипсовых муляжей (НМРТ КП–10267) татарских традиционных блюд, дополненный изображениями и картограммами, которые разработал М.С. Губайдуллин. В угловом правом шкафу представлена татарская чайная и столовая посуда, образцы тестяных изделий (лапша, тукмач, салма). Отдельная композиция представляла различные женские украшения – пуговицы, наконники, браслеты, серьги, амулеты и нагрудные украшения. Один шкаф был занят мужскими головными уборами. Большой шкаф заполнили деревянной и металлической утварью. На стенах разместились более 50 фотографий по быту и типам татар, а также ряд графических материалов по культурно-просветительской работе в Татарской республике. В сенях, на стенах, экспонировались диаграммы и картограммы по типам татар и движению населения республики.

Один из залов на втором этаже был посвящен книгопечатанию. В восьми витринах экспонировались книги, изданные с 1800 по 1923 гг. Среди них редкие экземпляры – книги с авторскими пометками и корректурными листами. Были представлены образцы арабских шрифтов и отпечатков цинкографии, использовавшиеся издательствами Татреспублики. Там же, на щитах, были расположены образцы декоративно-прикладного искусства – вышивки (свадебные полотенца, головные уборы, шамаили), а на одном из них экспонировались чертежи, рисунки и фотографии из летней экспедиции 1923 г. В центре зала находилась разборная модель дома крестьянина Зиганшина из Большой Атни, подготовленная фабрикой «Коммунар».

Над экспозицией павильона Татреспублики работали члены Выставкома И. Казаков и Ю. Валидов, Г. Губайдуллин и Г. Енбаев, М.С. Жиров. Руководил работой по ее созданию этнограф Д.Т. Янович. Организационная часть была возложена на Культурно-бытовую секцию при Местном Выставочном Комитете, в состав которой входили Н.И. Воробьев и П.М. Дульский. Основная задача секции – демонстрация культурно-бытовых особенностей татар. Ранее на выставках такого рода тема домоводства и быта упускалась. «Между тем, – как отмечал Н.И. Воробьев, – значение домоводства и быта в сельском хозяйстве

велико. Быт накладывает отпечаток на весь хозяйственный строй деревни и влияет на структуру всего хозяйства» (Воробьев, 1923: 4).

По итогам работы павильон Татарской Республики был награжден Почетной наградой Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. Николая Иосифовича наградили дипломом первой степени.

В январе 1924 г. член Татарского Ликвидированного комитета Всероссийской сельскохозяйственной выставки Г.С. Губайдуллин и директор Центрального музея ТССР (ЦМ ТССР) Н.И. Воробьев передали в Центральный Музей коллекции, представленные в павильоне республики. Г.С. Губайдуллиным были сданы 341 предмет материальной культуры казанских татар, 59 фотоснимков и рисунков, 50 листов графики. Н.И. Воробьев и П.М. Дульский передали 45 книг, 37 фотоснимков, 9 рисунков (из них – 3 шамаиля), 3 листа архитектурных чертежей, модель татарского дома, 13 вышивок и головных уборов, а также оборудование (Воробьев, 1924: 2).

Осенью 1923 г. в Музее открылась этнографическая выставка, представлявшая собой обновленную экспозицию. Коллекции были выставлены в просторном помещении из двух анфилад и 12 ниш. В первой анфиладе, с прилегающими шестью нишами экспонировались коллекции предметов татарской этнографии. Аналогичное пространство заняли коллекции других народов, населяющих край. Принцип экспонирования заимствовали у этнографического отдела Русского музея, этикетаж был представлен на русском и татарском языках.

В таком виде этнографическая экспозиция проработала до января 1925 г., когда благодаря значительным поступлениям из этнографических экспедиций отдел был реорганизован. В новую выставку вошло 5000 предметов, более половины из них освещали быт татар. Впервые за годы существования музея, в его экспозиционных пространствах была столь широко показана материальная культура: представлены коллекции по чувашам, марийцам, киргизам, казахам, калмыкам, особо выделялся комплекс, освещавший буддизм. В основе концепции был последовательный показ от коренных народов Среднего Поволжья к пришлым, проживающим в регионе. Лейтмотивом выступила масштабная этнографическая карта ТССР. Открывал выставку раздел «История формирования культуры и быта казанских татар». В него вошли подразделы: жилище, одежда и утварь. Методика представления музейных этнографических предметов в экспозиции, полностью отразившая точку зрения Н.И. Воробьева, в 1970-х годах стала основой для создания этнографического раздела постоянной экспозиции Государственного объединенного Музея РТ (ГОМ РТ).

В 1925 г. Музей принял участие в реализации крупнейшего международного проекта – Международной выставки декоративного искусства и художественной промышленности в Париже. Н.И. Воробьев вместе с П.М. Дульским организовали в Казани сбор предметов татарского быта и этнографии (всего 134 ед.) для раздела Татарской Республики в павильоне СССР (Рис. 1). Согласно идейному замыслу, на выставке к экспонированию предлагались артефакты декоративного искусства, архитектуры и дизайна стран мира. Проект Отдела Татарской Республики

был разработан архитекторами Н.А. Ладовским и М.Я. Гинзбургом. Одним из организаторов павильона советского декоративного искусства стал командированный в Париж Татнаркомпросом заведующий художественным отделом ЦМ ТССР П.М. Дульский. Выставка работала с апреля по октябрь 1925 г. Предметы татарского декоративно-прикладного искусства после закрытия выставки переданы в собрание ЦМ ТССР (сегодня хранятся под коллекционным номером НМРТ КП–10301). Среди них – вышитые золотом головные уборы и полотенца, украшенные аппликацией покрывала, вышитые молитвенные коврики, образцы ткачества, кожаная обувь, украшения: браслеты, кольца, ожерелья.

Рис. 1. Павильон СССР на международной выставке в Париже 1925 г. Подотдел Татреспублики. Из архива П.М. Дульского. НМРТ КПИ – 120181/3330-21

В 1927 г. в Москве было открыто несколько выставок, приуроченных к десятилетию Октябрьской революции. Музей участвовал в создании выставки «Искусство народов СССР». Она представляла собой обзор национального искусства СССР и последние достижения в этой области. В Казани провели предварительную работу: была разработана схема участия Татреспублики на выставке, создан комитет, составлена смета. Вместе с Музеем к работе были привлечены Татарский Государственный академический театр, художественные мастерские и музыкальный техникум. Нарботки музейщиков республики были реализованы к показу в Кустарном отделе выставки. В основе выставочного

показа были щиты с большой фотографией кустика-ремесленника во время его работы, которые были дополнены предметами его производства. Всего представилось 7 щитов: ткани, кожевенное обувное производство, изготовление тюбетеек, золотошвейное и ювелирное дело. Когда в Москве распаковали ящики с экспонатами и вспомогательными материалами, один из организаторов выставки Б.М. Соколов, директор Этнографического музея, увидев таблицы, заявил: «Вот это нам надо, тут показано все» (Дульский, 1928: 160).

Раздел Татарской республики на выставке получил много положительных отзывов в московской прессе и среди посетителей. Например, в журнале «Экономическая жизнь»:

Интересно и очень умело составлена экспозиция небольшого отдела Татарской республики. Изделия татар-кустарей представлены здесь не только в своем готовом виде, но и по отдельным стадиям производственного процесса, что позволяет познакомиться с любопытной техникой характерного производства художественной обуви и головных уборов. И здесь можно наблюдать все растущее значение кооперативного начала в кустарных промыслах: наряду с изделиями одиночек выставлены также образцы артельной продукции, отличающихся большими художественными и производственными достоинствами.

В культурно-политическом журнале ВКП(б) «Революция и Культура» отмечали: «Очень отрадное впечатление производит способ показа материала Татарской республики: наряду с изделиями (золотошвейные, ювелирные, изделия по коже) здесь показаны и сами процессы работы» (Дульский, 1928: 161).

В 1927 г. началась подготовка выставочного проекта республиканского значения, приуроченного к десятилетию ТССР. Организация была возложена на Н.И. Воробьева. Он разработал проект выставки, где обозначены основные разделы – хозяйство, экономика, кустарная и фабричная промышленность, социально-культурные достижения республики. В трех разделах выставки, согласно ее научной документации, планировался этнографический материал: «Экономика», «Кустарная промышленность» и «Этнография». В последнем должны были быть раскрыты особенности быта народностей ТССР, преимущественно татар с их историей и иллюстрацией изменений, произошедших за 10 лет. В техническое бюро выставкома наряду со списками экспонатов организаторы представили эскиз и план использования площади.

Выставочная комиссия изначально планировала разместить выставку на территории, занимаемой Зоосадамом и частично в здании ЦМ ТССР. Ремонтные работы начались в крыле Музея. Они задумывались как часть проекта по его реорганизации. Расположение экспонатов в прежде неосвоенных Музеем площадях, по словам Н.И. Воробьева, позволило бы произвести реорганизацию согласно новым музейным требованиям (Воробьев, 1930: 2).

Комплектование предметов для выставки продолжалось до июня 1930 г. Как и для предыдущих проектов, во время подготовки юбилейной выставки были проведены этнографические экспедиции.

Этнографические экспедиции Музея во второй половине 1920-х годов

В 1920-е годы Николаем Иосифовичем Воробьевым были заложены основы научной и экспедиционной деятельности. Полевая работа была всеохватывающей, благодаря чему сегодня в собрании Национального музея РТ экспедиционный материал представлен не только вещественными источниками, но и уникальными фотографиями, задокументировавшими этнографию народов Поволжья. В ходе исследований под руководством Воробьева в 1923–1929 гг. в десятке кантонов Татарской республики были отсняты архитектурное зодчество и быт татар, русских, кряшен, чувашей, удмуртов и мордвы. Фотофиксация при этнографических исследованиях производилась Н.И. Воробьевым и П.М. Дульским, в нескольких экспедициях были задействованы казанские фотографы Х.А. Апанаев и Н.П. Засыпкин (Воробьев, 1930: 14).

Начало этнографическим экспедициям было положено в 1923 г., когда в Заказанье было совершено три выезда. Они были связаны с Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой в Москве. Это послужило стартом собирательской работы будущего отдела этнографии. В результате исследований в деревнях и селах Арского кантона (Татарские Алаты, Кайма-ры, Большая Атня, Шерданы, Малый Рясь, Большой Рясь, Вережи (Бережи), Большой Менгер, Уньба) были собраны ценные материалы этнографического характера, проведена большая работа по фотофиксации домов, дворов и жителей этих деревень. Часть этих материалов была успешно представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Немаловажную роль в изучении истории татарского народа и его истоков сыграло научное Общество Татароведения (ОТ), которое оказывало материальное содействие в деле разработки вопросов историко-краеведческого характера. Н.И. Воробьев, будучи членом ОТ, пытался заручиться поддержкой организации в продолжении исследования Арского кантона. В обращении от 12 января 1924 г. он писал:

Начав в прошлом году в связи с Всесоюзной С-Х. Выставкой работу по изучению материальной культуры татар, в настоящее время я продолжаю вести работу по собиранию литературы и предполагаю продолжать свои наблюдения и собирание коллекций по интересующему меня вопросу.

Осуществление задуманного мною плана останавливается полным отсутствием у меня средств. Ввиду этого я прошу Совет Общества отпустить мне 50 рублей золотом на поездку по деревням Арского кантона, чтоб углубить мои сведения о данном уголке Татарской республики, начало исследования которого было положено во время подготовки к Выставке, а также собрать ряд предметов, которые за недостатком времени не были собраны к Выставке. По возвращении мною будет предоставлен подробный отчет. Член О-ва Татароведения, препод. ун-та. Казань 12-I-1924 года (Воробьев Н.И. Письмо...: 1).

В итоге, Н.И. Воробьев продолжил этнографическое изучение Арского кантона в июле 1924 г. совместно со студентами университета Ф.И. Терегуловой и К.И. Воробьевым. Главным объектом экспедиции стала деревня Малые Верези (Училе) к северо-западу от Арска. Из неё пешим ходом группой было осмотрено и изучено восемь близ лежащих деревень: Верхние Верези (Верезя-баш), Новое Селище (Иске Юрт), Алич-Тархан (Чиканас), Новый Яваш (Барангуш-Яваш), Верхний Азяк, Нижний Азяк, Кукче-Верези и Средние Верези. Вещественные и фотографические источники, полученные во время этнографических исследований в поселениях Арского кантона в 1923–1924 гг., дополнили коллекции Центрального Музея (НМРТ. Документальный фонд. Папка 1б. Л. 111) и составляют бóльшую часть татарской коллекции Н.И. Воробьева.

Ссылаясь на старинные источники и собственные этнографические исследования, Н.И. Воробьев пришел к выводу о том, что территорию Заказанья со времен Казанского ханства населяла татарская аристократия. В своем очерке «Жилища и поселения казанских татар Арского кантона Т.С.С.Р.» он в первую очередь приравнивал некоторые села рассматриваемого кантона, такие как Большая Атня, Большой Менгер, Алаты, Сабы к крупным экономическим центрам (Воробьев, 1926а: 12–24). Изучая историю местного народа, Н.И. Воробьев уделял особое внимание архитектурному зодчеству, подчеркивая его неповторимость.

Заинтересованность Н.И. Воробьева татарским архитектурным зодчеством Заказанья нашла свое отражение на многочисленных фотографиях, сделанных в экспедициях по Арскому кантону. В числе прочих запечатлены роскошные дома зажиточных татар, например, на фотографиях с изображениями фасадов домов Абдулзяна Рашитова и Сафа Ахмед-Хана в селе Большая Атня, Фаттахмановой в деревне Нижние Верески, Мухтара Адамова в селе Большой Менгер четко проглядывается присущий только Заказанью архитектурный стиль. При изучении татарских поселений производилась и детальная фотофиксация жилищ (крыльцо, фронтоны, оконные наличники, карниз и т.д.), что позволяет и сегодня изучать их декоративное оформление.

Дома середняков и бедняков особо не выделялись декоративным оформлением. В ряде фотографий можно увидеть внутриусадебное пространство: двор, хозяйственные постройки для животных и птиц, амбар для хранения зерна.

Среди фотоснимков с видами внутреннего убранства татарского дома можно выделить изображение хлебопекарной печи в деревне Училе. Сфотографирована она со стороны большей части избы, которая украшалась карнизами и выпуклыми узорами. А со стороны меньшей половины дома производилась топка и готовилась пища. Такие типы печей с усложненной конструкцией чаще встречались в жилище середняка (Воробьев, 1953: 188).

Параллельно велась съемка сельских жителей. В фондах Музея сохранилась серия фотопортретов с изображением крестьян из деревни Малый Рясь. Отдельно запечатлены группы молодых мужчин, женщин и девочек, мальчиков, имеется общее фото односельчан.

Женский татарский костюм того периода запечатлен на фотографии с молодыми женщинами и девочками села Большая Атня за чаепитием (Рис. 2). Сельчанки в ситцевых платьях городского фасона разместились на полу, расстелив пестрядинную скатерть в крупную клетку с самоваром и набором фарфоровых чашек с блюдами. На заднем плане – нары с покрывалом и стопкой из перьевых подушек в цветных ситцевых и кружевных наволочках. Примечательны головные уборы женщин и девочек – калфаки-наколки с вышивкой жемчугом, и украшения – броши и низаные бусы (НМРТ КППи–117427/3).

Рис. 2. Чаепитие татарских женщин в с. Большая Атня. АТССР, Арский кантон. 1923–1924 гг. НМРТ КППи – 117427/3

Примечательно фото молодых девушек и женщин из деревни Училе в праздничных костюмах: в ситцевых платьях с завышенной талией и оборками по низу подола согласно моде начала XX в., с нагрудными украшениями *изю* и футляром для Корана, в головных трикотажных шалях. Одна молодая женщина одета в полный комплекс головного убора: бархатный калфак с вышивкой жемчугом либо бисером и шаль. Наряду с традиционными украшениями в это время бытовали крупные бусы, о чем можно судить по фотографии (НМРТ КППи–117426/26).

Участникам экспедиции удалось зафиксировать летний праздник Джиен – традицию сбора подарков перед Сабантуем. На сохранившейся фотографии запечатлены представители мужского населения деревни Училе. Во двор типичного крестьянского дома заехала повозка, запряженная двумя лошадьми с коло-

кольчиками на дуге. Один мужчина на телеге управляет уздой, другой играет на гармонии. Жители деревни одеты в традиционную татарскую мужскую одежду – ситцевую рубаху, удлиненный камзол и штаны, тюбетейки.

В экспедиции по татарским деревням исследователи обращали внимание на образцы культового деревянного зодчества – мечети. Восхищаясь их простотой и уютной обстановкой, П.М. Дульский писал, что «даже в бедных селениях интерьеры мечетей носят художественный облик, подкупая своей укоризненной чистотой» (Дульский, 1925: 11). Экспедиторы сфотографировали мечети в поселениях Большая Атня, Малый Рясь, Средние Алаты. Интерес у этнографов вызвала Средняя мечеть в селе Большой Менгер. Здание было рассмотрено изнутри, зафиксированы сохранившаяся старинная изразцовая печь (НМ РТ КППи–117430/3) и интерьер (НМ РТ КППи–117422): квадратная комната устлана «восточными коврами, в середине ее имеется простой, но довольно любопытный Михраб с порталом, в стиле екатерининского времени, – с правой стороны в углу находится Мимбер-кафедра для проповеди и торжественной молитвы» (Дульский, 1925: 12) (Рис. 3).

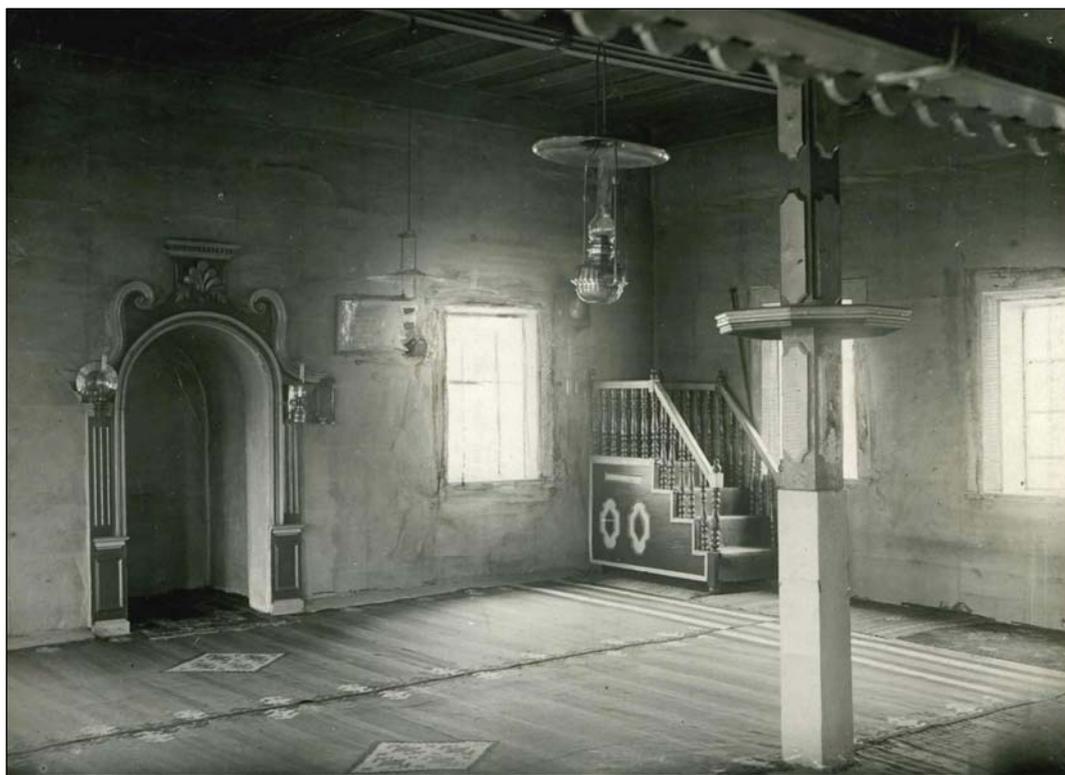

Рис. 3. Внутренний вид Средней мечети с. Большой Менгер.
АТССР, Арский кантон. 1923 г. НМРТ КППи – 117422

Таким образом, произведенные в ходе этнографических экспедиций по Арскому кантону ТССР фотографические источники и подробные наблюдения Н.И. Воробьева дают возможность всесторонне представить картину татарской деревни.

По указанию Общества Татароведения с 22 июля по 2 августа 1925 г. проводились историко-этнографические исследования в Мамадышском кантоне ТССР. В состав экспедиции под руководством Н.И. Воробьева вошли историк и этнограф М.С. Губайдуллин, этнограф К.С. Губайдуллина, историк С.Г. Вахидов, фотограф Центрального музея ТАССР Н.П. Засыпкин (Воробьев, 1927б: 194). В маршрут поездки входили поселения Олуяз, Утерняс (с экскурсией в д. Сунер), Мамалаево, Большие Тюлязи (с экскурсией в деревни Зюри, Казаклар (Уразлино), Баландыш, Елышево), Абди, Никифоровка (Чия-Баш), Белый Ключ, Нижняя Ошма, Средние Кирмени, Грахань, Соколки.

В кратком донесении Н.И. Воробьева об экспедиции упоминается, что при посещении более 20 поселений кантона были сфотографированы, зарисованы архитектура, быт, типажи татар и кряшен (Воробьев, 1926б: 94). Среди них виды деревень Олуяз, Тюлязи, Баландыш, Никифоровка.

Выполненная в деревне Баландыш фотография под названием «Дробление отцовской усадьбы у бедняков» (НМРТ КППи–117428/3) была опубликована в очерке Н.И. Воробьева «Казанские татары». Иллюстрируя этот фотоснимок, ученый отметил, что в некоторых деревнях бывшего Мамадышского уезда сохранился обычай разделения отцовской усадьбы. Объяснялось это тем, что крестьяне при женитьбе сына вынуждены были делить свое имение с новой семьей. При таком разделении усадьбы, к примеру, на семьи нескольких сыновей, происходило дробление хозяйства на более мелкие (Воробьев, 1953: 141).

Кряшен Мамадышского кантона характеризует групповой фотопортрет женщин и детей села Никифоровка. На снимке женщины одеты в повседневную рабочую одежду: в ситцевые и пестрядные платья, фартуки из пестряди в клетку, на головах повязаны платки, на ногах – лапти. Среди исследованных кряшенских поселений Н.И. Воробьев выделял село Никифоровка как «центр влияния миссионеров на кряшен», где «обрусение сколько-нибудь заметно» (Воробьев, 1927а: 158).

Так же 1926 г. командой, состоящей из Н.И. Воробьева, Л.М. Поздеевой и фотографа Н.П. Засыпкина, был взят курс на Челнинский, Спасский и Чистопольский кантоны. При исследовании поселений последнего кантона к экспедиции присоединился заведующий Чистопольским музеем А.К. Булич (Воробьев, 1927а: 194).

Исследовательские работы велись в поселениях казанских татар, кряшен, мишарей. Членами экспедиции было выполнено 70 фотографий и несколько десятков рисунков (Воробьев, 1927а: 195). Итогом данной работы стал очерк Воробьева «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР».

В Челнинском кантоне экспедиция посетила поселения Нижнее Бишево, Верхний, Средний и Новый Багряж, Поповка, Тонгузино. Выделяя деревню Верхний Багряж, ученый отмечает, что она «считается коренной кряшенской и является родоначальником всех остальных деревень» (Воробьев, 1927а: 159). В этой деревне этнографы сняли и изучили внутреннюю обстановку черной поло-

вины кряшенского дома (НМ РТ КППи–117427/4) (Рис. 4), которую подробно в деталях описал Н.И. Воробьев:

Вдоль стены, противоположной входной двери расположены нары того же устройства, что и у татар, но они не доходят до «переднего угла» около 1,5 метра и здесь ставится стол для еды, причем для сиденья с одной стороны используются нары, а с двух других сторон вдоль стен устраиваются лавки... В переднем углу устраивается божница... В сторону от двери в углу всегда устраиваются еще небольшие нары, совершенно такого же типа как русский «конник»... По линии печи, в сторону передней стены, часто устраивается балка или доска, не достоящие до потолка, куда кладут вещи (Воробьев, 1927а: 162).

Рис. 4. Интерьер крестьянской избы в д. Багряж.
АТССР, Челнинский кантон. 1926 г. НМРТ КППи – 117427/4

Заинтересовала исследователей деревня Нижнее Бишево, где проживали и татары, и кряшены. Здесь этнографами была сфотографирована группа кряшен – женщин и детей в повседневной одежде (Рис. 5, 1). Женщины одеты в ситцевые платья, фартуки и платки, обуты в лапти. Примечательно, что у трех женщин в центре платки повязаны высоко, поверх волосника головной убор *меленчек* с твердым прямоугольным налобником (НМ РТ КППи–116114). На другом снимке изображена кряшенка в праздничной одежде (Рис. 5, 2). На ней платье из пестряди, на голове фабричный жаккардовый платок, дополняют костюм шейное украшение – *тамакса*, и нагрудное – *девет* (НМ РТ КППи–116112).

1

2

Рис. 5. 1) Крестьянки-кряшенки с. Нижнее Бишево. АТССР, Челнинский кантон. 1926 г. НМРТ КППи – 116114;
2) Кряшенка в праздничной одежде. АТССР, Челнинский кантон, с. Нижнее Бишево. 1926 г. НМРТ КППи – 116112

В поселениях Спасского кантона во время экспедиции 1926 г. были сфотографированы улицы, дома, двор татарской усадьбы. Интерес представляет снимок дома зажиточного крестьянина в деревне Новые Челны, который описал Н.И. Воробьев. Ученый обратил внимание на отличительную от других районов ТССР черту при постройке дома в Закамье (НМРТ КППи–117428/6): в от-

личие от других районов ТССР при стройке дома часто использовались кирпичи (Воробьев, 1930: 199).

В этой же деревне был запечатлен двор зажиточного татарина. На снимке изображены постройки из бревен для животных, в открытом дворе которого стоят трое мужчин с лошастью. Конюшни татарского крестьянина были отделены от других животных (НМРТ КППи–117428/8). Традиционно под общей крышей из соломы устраивались помещения для крупнорогатого скота, сарай для хранения хозяйственных принадлежностей, *лапас* – помещение для ремесленных работ, у более зажиточных крестьян добавлялся амбар для хранения зерна.

По Чистопольскому кантону можно обратить внимание на две фотографии. На первом снимке изображен уголок чистой избы в деревне Ак Булат. Основной деталью данного интерьера можно считать сундуки, которые служили в качестве мебели для хранения праздничной одежды, украшений. Чаще всего оформленные разноцветными металлическими элементами декора сундуки ничем не покрывались и являлись гордостью хозяина дома. Пол в комнате застлан тканым в закладной технике ковром. Перегородка вдоль стены развешана одеждой. На левой стороне комнаты – стопка постельных принадлежностей, покрытая вышитой тамбуром накидкой.

Вторая фотография рассказывает о традиционном женском татарском костюме. На пожилой женщине надето ситцевое платье с длинным рукавом, камзол из адраса с меховой оторочкой, на голове – платок и меховая шапка *камчат бурек* (НМРТ КППи–116106).

В июле 1927 г. была предпринята еще одна этнографическая экспедиция с участием Н.И. Воробьева и Л.М. Поздеевой в Свияжский и Тетюшский кантоны. Основной базой выбрано село крещеных татар Молькеево-Курбаш.

Значительный интерес для ученых представляло население села Мордовские Каратаи. В своем отчете о поездке Н.И. Воробьев отметил, что жители данного села «говорят по-татарски, правда, с целым рядом диалектических особенностей, внешний вид имеют русский, но помнят еще твердо недавно ушедший чисто мордовский быт, а в области верований, несмотря на официальное христианство, хранят старинные мордовские взгляды» (Воробьев, 1928: 111).

Информация по отдельным деревням достаточно скудна. Недостаток средств не позволил произвести комплектование. Всего было выделено 100 рублей. Однако были накоплены информационные материалы, которые, по словам Н.И. Воробьева, дали «интересный результат по выяснению взаимоотношений различных народностей края» – мордва-каратаев, чувашей, кряшен, татар» (Воробьев, 1928: 111).

В 1929 г. по заранее намеченному плану Общества изучения Татарстана (ОИТ) была организована комплексная экспедиция для изучения экономики и населения Мензелинского и Челнинского кантонов ТАССР. Видные ученые и специалисты проводили исследования по разным направлениям, поэтому экспедиция была разделена на 10 отрядов. Задачи по изучению археологии, истории и

этнографии были возложены на культурно-бытовой отряд, руководителем которого был назначен Н.И. Воробьев (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39.Л. 1). Кроме него, в экспедицию вошли историки С.Г. Вахитов, З. Тагиров и Р. Тагиров, практиканты – лингвист П. Юсупов, этнограф Э. Надеева, фотограф Х.А. Апанаев (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42. Л. 12). При планировании полевых исследований Н.И. Воробьев включил в программу отряда пункт об изучении этнографии русских и мордвы на намеченной территории (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39.Л. 4). С руководителем фотосекции ОИТ Якубовым был согласован запрос о включении в состав экспедиции фотографа (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39. Л. 4).

На заседании Центрального совета ОИТ от 3 июня 1929 г. Н.И. Воробьев выступил с докладом «О музейном строительстве в Татарской Республике». В дополнение к его сообщению П.М. Дульский добавил, что материалы предстоящих экспедиций 1929 г. приобщатся к намеченной к десятилетию Татарской Республики выставке и, впоследствии, будут переданы в Музей (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27.Л. 49).

Н.И. Воробьев разработал план маршрутов культурно-бытового отряда. Он обозначил на карте Мензелинского кантона линии продвижения этнографической, историко-революционной и историко-лингвистической групп. Отправным и исходным пунктами экспедиции был город Мензелинск (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42. Л. 210).

В итоге, подготовленная в короткий срок комплексная экспедиция была плохо оснащена кадрами и недостаточно финансирована. По этой причине исследователи в лице членов совета ОИТ выражали недовольство, понимая, что столкнутся с трудностями (ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27.Л. 25). Возможно, поэтому работа культурно-бытового отряда несла преимущественно рекогносцировочный характер (ГА РТ. Ф. 447. Д. 42. Л. 21).

На расширенном заседании экспедиционного комитета Татарского национально-исследовательского экономического института (далее ТНИЭИ) от 26 мая 1930 г. Н.И. Воробьев предложил подать заявку об отпуске денег на обработку материалов, собранных культурно-бытовым отрядом в экспедициях 1929 г. Документов, подтверждающих выдачу средств по запросу ученого, обнаружить не удалось.

К сожалению, отчетные данные по исследованиям культурно-бытового отряда в составе комплексной экспедиции 1929 г. мало информативны при идентификации фотоисточников из рассматриваемой коллекции. Атрибуция данных фотоматериалов является работой предстоящих исследований.

Проходившие под руководством Н.И. Воробьева этнографические экспедиции в период с 1923 по 1929 гг. дали большой материал вещественных и фотографических источников, которые пополнили собрание ЦМ ТССР. Фотографии этнографического характера из коллекции Н.И. Воробьева в собрании Национального музея Республики Татарстан являются ценным визуальным источником и имеют важное значение при изучении материального быта народов Поволжья.

Трансформация Музея в 1929–1930 гг.

На протяжении второй половины 1920-х годов в Музее разрабатывались проекты полной реорганизации. Частично они воплотились в создании экономического отдела в 1928 г. Однако на этом работа не была завершена – Музей необходимо было привести к соответствию запросам государства. В связи с этим, в мае 1929 г. под руководством Н.И. Воробьева была принята первичная схема реструктуризации выставочной деятельности Музея. Согласно ей предполагалось формирование трех новых разделов: естественно-географического, социально-экономического и историко-культурного. Каждый из них должен был соответствовать последним достижениям в изучении края, современному для того периода развитию республики и ее месту в СССР. Художественный раздел задумывался вне комплексов, так как «Центральный Музей является центром художественных собраний общеповолжского значения и далеко неместного содержания» (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 47–47об.). Данный план не был принят к реализации, но существенные изменения все равно последовали: согласно распоряжению Главнауки, в октябре 1929 г. в спешном порядке был сформирован антирелигиозный отдел. Нехватка площадей привела к его размещению на месте экономического отдела, который был стремительно свернут и перемещен на хранение в тесные хранительские отделы в течение пары дней 22 и 23 октября (ГА РТ. Ф.Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 40).

Формирование антирелигиозного отдела стало одним из первых проявлений усиливающего давления на музеи со стороны государства. Тогда же, согласно постановлению Совнаркома СССР от 24 сентября 1929 г., музеи были переведены на непрерывную рабочую (производственную) неделю, что было необходимо для приведения их к образцам социалистического строительства. В ЦМ ТССР она была введена с 15 октября (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 3). Параллельно с этим, от Академцентра Татнаркомпроса Музей получил предписание активизироваться в вопросе социалистического соревнования. На это Ученый совет Музея постановил в чередующихся мероприятиях просить образующийся Общественно-политический совет Музея о создании специальной комиссии для руководства работы с посетителями (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 90. Л. 43об.).

Общественно-политический совет Музея был создан, согласно постановлению Главнауки, в декабре 1929 г. Его задачами стало:

- 1) усиление связи Музея с государством;
- 2) общественный контроль за музейной деятельностью;
- 3) вовлечение Музея в реконструкцию народного хозяйства;
- 4) проведение по заданию правительства социально-политических кампаний (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 119. Л. 1).

Приглашения к участию в его работе были разосланы 53 организациям Казани (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 119. Л. 2). В дальнейшем данный орган при Музее, из совещательного и рекомендующего Воробьеву в связи с нехваткой

денег писать письма в организации, трансформируется в опорный пункт по централизации всей музейной деятельности в Татарской Республике.

Своего пика усиление государственного надзора над Музеем достигло в начале осени 1930 г., когда его деятельность была проанализирована ТНИЭИ. Абсолютно бесспорно, что уже к середине 1930-х гг. подобный вердикт, вынесенный по итогам данной проверки, обернулся бы для директора крайне печальными последствиями: «Музей передан Институту в состоянии чрезвычайно далеком от тех требований, которые поставлены перед музеями Наркомпросом РСФСР и АТССР. Музей совершенно не увязан с пятилеткой социалистического строительства, в его составе фактически не существует отдела экономики» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 211).

По итогам проверки была создана комиссия «в целях перевода Центрального Музея АТССР на новые рельсы от самодовлеющего собирания раритетов к действительному служению текущим задачам государства хозяйственной и культурной жизни страны строящегося социализма» (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122. Л. 211). В ее состав вошли заведующий отделами Музея под председательством нового руководителя девятью месяцами ранее разобранного экономического отдела М.И. Борисова.

К этому моменту Николай Иосифович Воробьев фактически покинул Музей – последнее распоряжение, подписанное им в качестве директора, датируется 31 июля 1930 г. (ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 104. Л. 31). В сентябре произошла передача отделов Музея «вновь назначенному директору», которым стал уже упомянутый М.И. Борисов. Николай Иосифович перешел на работу в Казанский педагогический институт. Однако он на протяжении всей жизни сохранял тесную связь с Музеем. В послевоенный период он входил в состав Ученого совета Музея, принимая активное участие в его работе.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 27
- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 39
- ГА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 42
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 45
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 70
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 71
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 79
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 100
- ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 104

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 122

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 134

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 28

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 93

ГА РТ. Ф. Р–2021. Оп. 1. Д. 89

НМРТ. Архив сведений о этнографических коллекциях с 1924 г.

НМРТ. Воробьев Н.И. Авансовый отчет члена культурно-бытовой секции Татвысткома Н.И. Воробьева на получение от Татвысткома 122 рублей (машинопись)

НМРТ. Воробьев Н.И. Акт о передаче в Казанский Центральный музей коллекций и мебели Культурно-бытовой секции Татарского выставочного комитета.

НМРТ. Воробьев Н.И. Идеинный замысел Юбилейной выставки к 10-летию ТССР (машинопись).

НМРТ. Воробьев Н.И. Автобиография // Коллекция Николая Иосифовича Воробьева в документальном фонде Национального музея Республики Татарстан.

НМРТ. Документальный фонд. Папка 16. Л. 111.

ЛИТЕРАТУРА

Адлер Б.Ф. «Национальный» музей // Казанский музейный вестник. Казань: Первая Государственная типография, 1921. Вып. 1–2. С. 3–12.

Воробьев Н.И. Быт и культура татар на Всесоюзной сельскохозяйственной кустарно – промышленной выставке 1923 г. // Труд и хозяйство. Казань: Типография Татпечати «Красный печатник», 1923. Вып. 4. С. 3–7.

Воробьев Н.И. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры. 1926а. №4. С. 10–49.

Воробьев Н.И. Историко-этнографическая экспедиция в Мамадышский кантон ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры: 1926б. №4. С. 93–94.

Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань: Татгосиздат, 1953.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань: Татполиграф, 1930.

Воробьев Н.И. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестник Научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры. 1927а. №7. С. 157–172

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 года // Вестник Научного общества Татароведения. 1928. №8. С. 100–111.

Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Татарской АССР с 1920 по 1927 гг. // Этнография. 1927б. Т.3. №1. С. 194–196.

Дульский П.М. Выставка искусства народов СССР в Москве // Вестник научного общества Татароведения. Казань: Издание Дома Татарской культуры, 1928. №8. С. 153–162.

Дульский П.М. Искусство казанских татар. М.: Центр. Изд-во народов СССР, 1925.

Ко всем работникам земли // Вестник Главного выставочного Комитета Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. Вып. 3. М., 1923.

Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань: «Kazan-Kazan», 2002.

REFERENCES

- Adler B.F. (1921) “National” museum. *Kazanskiy muzeynyy vestnik* [Kazan museum bulletin]. Vol. 1–2: 3–12. (In Russ.)
- Dulskiy P.M. (1925) *The art of the Kazan Tatars*. Moscow: Central Publishing House of the USSR Peoples. (In Russ.)
- Dulskiy P.M. (1928) The arts of the USSR peoples exhibition in Moscow. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 8: 153–162. (In Russ.)
- Sinitsyna K.R. (2002) *Half a century of Kazan and Tatarstan museums. Chronicles of 1917–1967*. Kazan: Kazan Publ. (In Russ.)
- To all land workers (1923) *Vestnik Glavnogo vystavochnogo Komiteta Vserossiyskoy sel'skokozyaystvennoy i kustarno-promyshlennoy vystavki s inostrannym otdelom* [The main Exhibition Committee bulletin of the All-Russian Agricultural and Handicraft-Industrial Exhibition with the Foreign Department]. Vol. 3. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1927) Ethnographic research in the Tatar ASSR between 1920 and 1927. *Etnografiya* [Ethnography]. Vol. 3. No 1: 194–196. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1923) The everyday life and culture of Tatars at the All-Union Agricultural Handicraft and Industrial Exhibition in 1923. *Trud i khozyaystvo* [Work and economy]. Vol. 4: 3–7. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1926) Historical and ethnographic expedition to the Mamadysh canton. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 4: 93–94. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1926) Kazan Tatars' dwellings and settlements in the Arsk canton of the TSSR. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 4: 10–49. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1927) Some information on life of baptised Tatars (Kryashens) of the the TSSR Chelny canton. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 7: 157–172. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1928) Report on an ethnographic expedition to the Sviyazhsk and Tetyushsk cantons of the TSSR in the summer of 1927. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. Vol. 8: 100–111. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars*. Kazan: Tatpoligraf Publ. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Ледяева Марина Владимировна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-0095-5316>; e-mail: mled8@mail.ru

Мирсияпова Залия Нургалиевна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0003-4856-4964>; e-mail: ms.zalija81@mail.ru

Мухин Владислав Игоревич, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, Кремлевская 2, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0001-5967-198X>; e-mail: wladmukhin@yandex.ru

About the authors:

Marina V. Ledyayeva, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-0095-5316>; e-mail: mled8@mail.ru

Zaliya N. Mirsiyapova, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0003-4856-4964>; e-mail: ms.zaliya81@mail.ru

Vladislav I. Mukhin, Senior Research Fellow of the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan, 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0001-5967-198X>; e-mail: wladmukhin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 18.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 1.08.2024

Принята к публикации / Accepted 9.09.2024

ЭТНОГРАФИЯ ПОВОЛЖСКИХ ТЮРКОВ В ТРУДАХ Н.И. ВОРОБЬЕВА: СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.741-758>

EDN: DNPXOZ

Н.И. Воробьев и его роль в формировании академического татароведения в отечественной этнологии

С.В. Сулова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
sv_suslova@mail.ru*

Резюме. Важная роль в формировании академического татароведения принадлежит выдающемуся ученому начала-середины XX в. профессору Николаю Иосифовичу Воробьеву. Своими трудами он заложил основы системного подхода к изучению культуры и быта народа, особенно, референтной группы этноса – казанских татар. Использование данных смежных исторических и географических дисциплин позволило ему поставить и решить ряд важных вопросов этнокультурной истории народа. В знаковой его монографии «Казанские татары» (1953) особое внимание обращается на тесную корневую их связь с местной Булгарской цивилизацией – этнокультурной предысторией народа. Системность подхода заключалась в создании Н.И. Воробьевым первой этнокультурной дифференциации волго-уральских татар, в основу которой были положены изученные на тот период времени культурно-бытовые и языковые различия внутри этноса. Она проявилась в применении типологических подходов к классификации этнографического материала, что позволило исследователю рассмотреть в динамике устойчивые разновидности материальной культуры (типы), наметить аналоги им у других соседних и отдаленных этносов Евразии, выйти тем самым на решение вопросов, связанных с этно- и культурогенезом татарского народа. Системный подход Н.И. Воробьева был применен и усовершенствован в исследованиях и научно-организационной деятельности его учеников и последователей, в том числе авторами шеститомного академического издания «Историко-этнографический атлас татарского народа». Фундаментальные труды Н.И. Воробьева по этнографии волго-уральских татар заложили основу формирования тюрко-татарского вектора академической этнологии в Волго-Уральском регионе России. Они – бесценный источник для современных и будущих поколений исследователей.

Ключевые слова: волго-уральские татары, этнография, география, традиционная культура, системный подход, типология.

Для цитирования: Сулова С.В. Н.И. Воробьев и его роль в формировании академического татароведения в отечественной этнологии. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 741–758. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.741-758> EDN: DNPXOZ

N.I. Vorobyev and his role in the formation of academic Tatar studies in Russian ethnology

S.V. Suslova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
sv_suslova@mail.ru*

Abstract. The most important role in the formation of academic Tatar studies in domestic ethnology belongs to the outstanding scholar of the early-mid 20th century, Professor N.I. Vorobyev. With his works, he laid the foundations for a systematic approach to the study of the culture and life of the people, especially the reference group of the ethnic group – the Kazan Tatars. The use of data from related historical and geographical disciplines allowed him to pose and solve a number of important questions in the ethnic and ethnocultural history of the people. In his landmark monograph *The Kazan Tatars* (1953), special attention is given to their close root connection with the local Bulgarian civilisation – the ethnocultural prehistory of the people. The systematic approach consisted of the creation of N.I. Vorobyev’s first ethnocultural differentiation of the Volga-Ural Tatars, which was based on the cultural, everyday and linguistic differences within the ethnic group studied at that time. It was also manifested in the application of typological approaches to the classification of ethnographic material, which allowed him to present stable varieties of material culture (types) in dynamics, to outline analogues for them in other neighbouring and distant ethnic groups of Eurasia, and thereby to resolve a number of issues related to the cultural genesis of the people. The systematic approach was applied and improved in the research and scientific and organizational activities of his students and followers, including the authors of the volume “Historical and ethnographic atlas of the Tatar people”. Fundamental works of N.I. Vorobyev on the ethnography of the Volga-Ural Tatars laid the foundation for the formation of the Turkic-Tatar vector of academic ethnology in the Volga-Ural region of Russia. They are an invaluable resource for current and future generations of researchers.

Keywords: Volga-Ural Tatars, ethnography, geography, traditional culture, systems approach, typology.

For citation: Suslova S.V. (2024) N.I. Vorobyev and his role in the formation of academic Tatar studies in Russian ethnology. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 741–758. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.741-758> (In Russ.)

Формирование этнографического татароведения как особого направления исторических исследований в России связано с открытием в 1804 г. Казанского Императорского университета, и особенно с созданием при нем в 1878 г. широко известного научного сообщества – «Общества археологии, истории и этнографии» (ОАИЭ). В «Известиях» этого общества регулярно появляются заметки и

публикации, связанные с изучением культуры и быта различных этнографических групп татарского народа. Ведущая роль в становлении этой тематики принадлежала университетским ученым – профессорам Н. Катанову, К. Фуксу, работы которых исследователи совершенно справедливо относят к золотому фонду татарской историографии (Усманов, 1991: 10). В тесной связи с деятельностью ОАИЭ работали крупные татарские ученые и просветители Ш. Марджани, К. Насыри, известные исследователи Х. Фаисханов, Г. Ахмаров, Г. Губайдуллин, в публикациях которых нашли отражение отдельные проблемы этнографии татар. Этот этап этнографического изучения татар характеризуется современными исследователями лишь как начальный (Мусина, Сулова, 2012: 299).

Важнейшая роль в формировании этнографического татароведения в статусе академического, безусловно, принадлежит трудам профессора Николая Иосифовича Воробьева. В отличие от предшествующих исследователей, эпизодически и эмоционально обращавшихся к этнографии татар, он заложил основы системного подхода к изучению культуры и быта народа. Досконально с применением всех имеющихся на тот период времени данных различных областей исторической науки им была изучена референтная группа этноса – казанские татары.

Музейная и научно-организационная деятельность Н.И. Воробьева

Интерес к изучению этнографии тюркских народов и прежде всего татарского ярко проявился в период научной и административной деятельности Н.И. Воробьева в стенах Центрального музея Татарской АССР. При всей насыщенности и плодотворности музейный этап являлся вынужденным перерывом в активной академической и преподавательской деятельности ученого, связанным с возрастанием в те годы политического давления, обвинением отечественных этнографов в национализме (Решетов, 1994: 185–221).

Николай Иосифович приступил к работе в музее в 1921 г. в должности заведующего этнографическим и естественно-историческим отделом, а затем с 1923 по 1930 гг. его директором, связав свою научную карьеру с изучением этнографии татарского народа. Изначально его интересы склонялись к изучению народов Сибири, включая русских старожилов (Воробьев, 1926б: 59–112). Русская тематика, как известно, была успешно освоена его талантливыми учениками и коллегами – Е.П. Бусыгиным и Н.В. Зориным. Известный этнограф, доктор исторических наук В.И. Яковлев, сравнивая труды по этнографии татар Н.И. Воробьева и русских Е.П. Бусыгина, пишет: «По своему замыслу и научному содержанию монография Е.П. Бусыгина близка исследованиям Н.И. Воробьева ... где красной нитью проходит методологически важная концептуальная идея мирного сосуществования ... разных по языку, менталитету, культуре народов, живущих в Волго-Уральском природно-географическом ландшафте» (Яковлев, 2016: 8).

Центральный музей Татарской АССР к тому времени обладал богатейшими этнографическими материалами по народам Поволжья и, особенно, по тата-

рам. Это уникальные коллекции А.Ф. Лихачева, Л.О. Сиклера по искусству казанских татар, которые нуждались в профессиональном изучении, систематизации и постоянном пополнении. Н.И. Воробьев безотлагательно организует экспедиции практически во все районы ТАССР и другие места компактного проживания татар. Первая крупная экспедиция состоялась в 1923 г. в Арский кантон. Её целью был сбор этнографического материала по казанским татарам – устных сведений, предметов быта и народного декоративно-прикладного искусства. Наблюдая заметные различия в городской и сельской культуре казанских татар, в маршрут экспедиции ученым намеренно были включены районы и поселения, где меньше всего сказывалось влияние городского быта. Николай Иосифович большое внимание уделял сельской архитектуре, интерьеру жилых помещений, сбору материалов по народной одежде, прикладному искусству казанских татар. Все это отразилось в уникальных фотоматериалах экспедиции (Синицына, 1970: 4). За 1924–1927 гг. им были обследованы селения Арского, Мамадышского, Мензелинского, Челнинского, Чистопольского и ряда других кантонов республики. Во время этих экспедиций был собран огромный материал по этнографии не только казанских татар, но и татар-мишарей и кряшен. Фактически была создана богатейшая источниковая база, на основе которой в 1926–1929 гг. публикуются многочисленные статьи в научных журналах, обобщенные позже в его фундаментальных трудах. Так, статьи, посвященные жилищу и поселениям татар Арского кантона (Воробьев, 1926а), ткачеству глазовских татар (Воробьев, 1930), быту крещеных татар Челнинского кантона ТАССР (Воробьев, 1927) публикуются в «Вестнике научного общества татароведения»; статьи по технике орнаментации тканей, искусству татарской вышивки – в «Материалах Центрального музея ТАССР» (Воробьев, 1928). В журнале «Труд и хозяйство» издается знаковая работа по сравнительной характеристике культуры и быта татар-мусульман и кряшен (Воробьев, 1929).

Первым обобщающим трудом, подготовленным в музейный период его деятельности, стала книга «Материальная культура казанских татар», опубликованная в 1930 г. (Воробьев, 1930). Спустя четверть века после её публикации М.Г. Сафаргалиев – автор известной монографии «Распад Золотой Орды», упоминая книгу в журнале «Советская этнография», писал: «Работа проф. Н.И. Воробьева «Материальная культура казанских татар», несомненно, сыграла положительную роль как единственный в этом роде образец изложения фактического материала, не утративший своего значения и в настоящее время» (Сафаргалиев, 1954: 171). Заметим, что не утратила она своего значения в качестве источника и сейчас, почти сто лет спустя. Музейный этап творчества В.И. Воробьева в целом можно охарактеризовать, как период накопления им историко-этнографических источников и формирования на этой основе идей, научных концепций, изложенных в основных трудах последующего, важнейшего этапа научной деятельности исследователя.

Н.И. Воробьев возобновляет «полноценные» исследования в области татарской этнографии в сотрудничестве с Татарским научно-исследовательским

Институтом языка, литературы и истории, который с 1939 г. являлся основным центром исследований по культуре и быту татарского народа. В отделении (секторе) истории работала небольшая группа этнографов, в том числе Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов; они и начали планомерные исследования по этнографии татар в послевоенные годы. В январе 1946 г. ИЯЛИ входит в состав Казанского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ КФАН СССР).

Научно-исследовательскую деятельность в Институте и преподавательскую работу в высших учебных заведениях Казани (университет, педагогический институт) профессор Воробьев совмещал с административно-организационной работой, являясь одновременно заместителем директора ИЯЛИ КФАН СССР по научной работе. В мае-июне 1946 г. им была организована первая совместная с университетскими учеными этнографическая экспедиция. В состав экспедиции вошли научный сотрудник ИЯЛИ Г.М. Хисамутдинов и ассистенты Казанского университета Е.П. Бусыгин и Г.В. Юсупов: изучалось население закамских районов ТАССР – татары, русские и чуваша. Экспедиционная работа проводилась традиционными методами с помощью наблюдения, опроса информаторов, съёмки планов поселений и жилищ, различных хозяйственных сооружений, сбора иллюстративного материала (Бусыгин, Зорин, 2002: 109–110).

Спектр неизученных проблем зарождающегося академического направления татароведения был чрезвычайно широк: от вопросов этно- и культурогенеза до исследования современности, исходя из чего в Институте в 1961 г. было создано специальное подразделение – сектор археологии и этнографии. Его возглавил Н.И. Воробьев. Под его руководством впервые была сформирована группа ученых, непосредственно занимающихся проблемами татарской этнографии. Исследовательской работой занимались его ученики, ставшие впоследствии выдающимися ученые-татароведы. Это кандидат исторических наук Гумер Мухетдинович Хисамутдинов, который занимался современной этнографией колхозников и рабочих Татарской АССР и особенно семейно-общественными отношениями и духовной культурой казанских татар. Учеником профессора был и другой сотрудник сектора – Ахат Абдрахманович Загидуллин, защитивший в 1966 г. кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете на тему «Семейный быт татарских крестьян северо-западных районов ТАССР», специализирующий впоследствии в области семейно-родственных отношений волго-уральских татар. С 1958 г. сотрудником ИЯЛИ КФАН СССР, коллегой и соратником Николая Иосифовича являлся Гарун Валеевич Юсупов – участник Великой Отечественной войны, выдающийся ученый-тюрколог, Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники (1994, удостоен посмертно). Его научная деятельность была связана с изучением и составлением свода болгаро-татарских эпиграфических памятников Поволжья и Предуралья XIII–XIV вв., которые представляют собой важный источник для изучения происхождения татарского народа (Юсупов, 1951; Юсупов, 1971). Эта проблема, как известно, глубоко интересовала и Н.И. Воробьева. В апреле 1946 г. в Москве на Научной сессии Академии наук

СССР, посвященной вопросу происхождения казанских татар, он выступает с докладом «Происхождение татар по данным этнографии». Материалы выступления изданы в журнале «Советская этнография» (Воробьев, 1946: 75–86).

Заметным явлением в работе формирующегося научного подразделения ИЯЛИ КФАН СССР была возглавляемая профессором Воробьевым совместная с Г.В. Юсуповым и Г.М. Хисамутдиновым экспедиция в северо-западные районы Башкирии для сбора материала «по весьма слабо изученному... и несколько отличному этническому типу татар Приуралья». Итоги опубликованы в журнале «Советская этнография» (Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов, 1962: 124–129).

Учеником Николая Иосифовича был сотрудник сектора Ф.Х. Валеев – впоследствии доктор искусствоведения и знаковая фигура для тюрко-татарской ветви российского искусствознания. В соавторстве и под руководством профессора им были подготовлены первые научные доклады и исследования в области народного декоративно-прикладного искусства (доклад на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, 1964; раздел «Народное изобразительное искусство» в монографии «Татары», 1967). Именно это направление стало основным исследовательским полем последующей деятельности Ф.Х. Валеева, а позже и его дочери – Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой.

На юбилейном вечере Н.И. Воробьева. 1964 г.

Сидят – Н.И. Воробьев, Д.Г. Вазеева. Стоят – Р.Г. Мухамедова, Р.К. Уразманова, Н.В. Бикбулатов, А.И. Глуховцева, Г.Р. Ишмуратова, З.А. Акчурина.

Успешной ученицей и фактически преемницей профессора Воробьева являлась Р.Г. Мухамедова – известный исследователь этнографии татар-мишарей – субэтнической группы, проживающей на западе Волго-Уральского региона. После ухода Н.И. Воробьева она возглавила этнографическое направление, продолжая заложенные им основы формирования академических исследований

в области этнографии татар. В 1971 г. Р.Г. Мухамедова стала руководителем фундаментального исследования – «Историко-этнографический атлас татарского народа», представляющего собой репрезентативный корпус этнорегиональных источников, необходимых для углубленного изучения этнической истории, этнографии и культурогенеза народа (Сулова, 2018: 361–374).

Одной из последних аспиранток Н.И. Воробьева стала Р.К. Уразманова – известный впоследствии исследователь духовной культуры татарского народа, автор нескольких монографий, в том числе и соответствующего тома историко-этнографического атласа (Уразманова, 2001). По окончании в 1964 г. аспирантуры она становится активным сотрудником сектора археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР.

Под руководством Николая Иосифовича коллектив ученых сектора археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР осуществил колоссальную работу по созданию научной базы и подготовке к печати капитального труда, знаменитой «красной книги» – «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», опубликованной под редакцией Н.И. Воробьева и Г.М. Хисамутдинова в Москве в издательстве «Наука» (Татары, 1967). В национальной историографии это был первый академический труд по этнографии татар, в котором наряду со сведениями о численности, территориальном размещении этнических и этнографических групп, были отражены разные стороны их материальной и духовной культуры, общественной жизни и бытового уклада. Книга представляла собой результат многолетних исследований не только этнографов ИЯЛИ КФАН СССР, но и фольклористов (Х.Х. Ярмухаметов, Ф.И. Урманчеев), музыковедов (М.Н. Нигметзянов), и в целом она являлась ярким событием в культурной жизни татарского народа.

Вклад Н.И. Воробьева в становление академического татароведения

Труды Н.И. Воробьева явились фундаментом для последующих этапов изучения культуры и быта татарского народа. Основным его трудом, до сих пор являющимся настольной книгой историков, этнологов, искусствоведов, соприкасающихся в своих исследованиях с научной литературой по этнографии татар, является монография «Казанские татары» (Воробьев, 1953). Исследование было выполнено на хронологически глубоком историческом фоне, включая археологические периоды предистории народа, вплоть до современности. В основе монографии лежат главы опубликованной ранее книги «Материальная культура казанских татар» (Воробьев, 1930), дополненные новыми фактическими и аналитическими материалами с критически пересмотренными выводами, и одноименной докторской диссертации. Диссертационная работа «Материальная культура казанских татар» была защищена в 1946 г. в Москве в Институте этнографии Академии наук СССР. «Это была первая в Поволжском регионе докторская диссертация представителя Казанской этнографической школы по специальности «этнография» (Яковлев, 2016: 3–9).

В монографии с исключительной тщательностью и системностью описываются и прослеживаются в динамике основные категории традиционной культуры и народного декоративно-прикладного творчества татар; в контексте историко-этнографического анализа приводятся разносторонние этнографические данные и о других народах Поволжья, с которыми этот народ находился в постоянных контактах и у которых этнография, как наука, на тот период была в зачаточном состоянии.

Основой материальной культуры казанских татар Н.И. Воробьев считал «сложный комплекс местных оседло-земледельческих и пришлых кочевнических культурных форм, которые слились настолько тесно, что их трудно отделить друг от друга» (Воробьев, 1953: 347).

Основными компонентами татарской культуры (по Н.И. Воробьеву) являются болгарский и алано-сарматский, сформировавшиеся на основе более ранних местных культур – срубной и андроновской. Исследователем подчеркнуты кочевнические вторжения на протяжении длительного периода, которые наложили отпечаток на культуру волжских болгар, а затем и казанских татар. По мнению современников профессора, особая ценность этого труда состоит в том, что в нем «на основе анализа богатейшего материала опровергнута существующая ранее теория, связывающая происхождение казанских татар с Золотой Ордой и доказана генетическая их связь с более древним местным населением – земледельческих и степных кочевых племен» (Бусыгин, Зорин, Терентьева, 1968: 204).

Книга вызвала большой интерес среди специалистов разных областей; появилось множество отзывов и рецензий, в том числе в центральных академических журналах, нередко и с критикой. Так, в журнале «Советская этнография» в разделе «Критика и библиография» были опубликованы сразу две такие рецензии – ведущего московского археолога-булгароведа А.П. Смирнова и историка из Саранска М.Г. Сафаргалиева, автора известной монографии «Распад Золотой Орды.» Последний, например, даже ставит вопрос о правомерности употребления Н.И. Воробьевым термина «татары» для народа с длительным бытованием самоназвания «булгары» (Сафаргалиев, 1954: 171–172). Заметим, что современный академический уровень татароведения, безусловно, внес заметные коррективы в теорию этнической и политической истории татар (Татары, 2001), но эти теоретические изыскания, так или иначе, начинают свой отсчет от «происхождения казанских татар» по Воробьеву – первого серьезного опыта такого рода исследований.

В своей обстоятельной рецензии А.П. Смирнов писал: «В книге поставлены и решены вопросы истории, в частности проблема этногенеза, при выяснении которых использованы смежные исторические дисциплины – археология, лингвистика, история письменных документов, антропология. Такая широта охвата источников придает построениям автора большую убедительность» (Смирнов, 1954: 168). Одновременно исследователь отметил некоторые, на его взгляд, неточности, например, в трактовке путей формирования национального

орнамента. По мнению Н.И. Воробьева, у татар-мусульман не мог сохраниться противоречащий канонам ислама зооморфный орнамент, на что рецензент приводит примеры, свидетельствующие о наличии различных зооморфных мотивов даже в прикладном искусстве болгар. «Это дает основание утверждать, что изображения животных в прикладном искусстве казанских татар применялись еще в конце XIV – начале XV вв., хотя мусульманство неохотно допускало эти мотивы» (Смирнов, 1954: 170). Позднее мнение археолога было обосновано работами этнографов и искусствоведов: зооморфные мотивы в действительности редко встречаются в татарской традиции, в основном в резьбе по дереву, хотя они известны и в ювелирном искусстве, и в вышивке, и в золотном шитье. Это мотивы птиц, летучих мышей; схематические изображения парных коней, седоков, а также личин хищников (львов, тигров) и баранов. Не убедительным представляется профессору Смирнову и утверждение о том, что растительный орнамент, применявшийся в татарской вышивке, был занесен в Среднее Поволжье из степных районов от тюрок. «Растительный орнамент неодинаков по своему характеру. Наряду с восточным ... у татар был широко распространен орнамент, воспринятый от русских еще в период XII–XIII вв.» (Смирнов, 1954: 4) Справедливость этого замечания также подтверждаются работами современных исследователей: русский след в орнаменте и технологиях прослеживается, например, на материалах татарского золотного шитья (Фасхутдинова, 2011: 98–109; Фасхутдинова, 2015: 169–176), и ювелирного искусства (Донина, Сулова, 2018: 69–81). Эти и другие неточности были учтены позднее – при написании разделов монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья».

Н.И. Воробьев является автором первой развернутой и достаточно обоснованной этнокультурной дифференциации волго-уральских татар. Впервые она была представлена на Итоговой сессии ИЯЛИ КФАН СССР в 1963 г. (Воробьев, 1964: 44–48), а в полном виде опубликована в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (Татары, 1967: 38–56). Многие десятилетия, вплоть до публикации в 2002 г. этнографами Института истории им. Ш. Марджани АН РТ комплексных карт и обобщающих материалов Историко-этнографического атласа татарского народа (Этнотерриториальные..., 2002), она являлась настольным документом отечественных этнографов. По этой классификации, в основу которой были положены изученные на тот период языковые и культурно-бытовые различия, этноструктура народа выстраивалась следующим образом. Волго-уральские татары – этнос; основные его группы – казанские татары и мишари; крупные территориальные группы в составе основных групп, внутри которых обозначались подгруппы. В качестве своеобразной группы выделялась группа татар-христиан – крещенотатарская. У казанских татар было выделено семь территориальных групп: северо-западная, елабужская, юго-восточная, приуральская, пермская, чепецкая; к казанским татарам из-за недостатка фактического материала, но с определенным обоснованием, были отнесены касимовские, которых Н.И. Воробьев представлял «как бы переход от казанских татар к мишарям». Особенно четкое обоснование принадлежности к казанским татарам получили пермские и чепец-

кие татары. У мишарей были выделены четыре территориальные группы: окская, правобережная, левобережная (заволжская) и приуральская. Из-за слабой изученности к тому времени традиционной культуры и языка мишарей это внутреннее подразделение, по собственной оценке Н.И. Воробьева, было «до некоторой степени, условным и неокончательным» (Татары, 1967: 46). Позднее исследование этой группы волго-уральских татар Р.Г. Мухамедовой (Мухамедова, 1972) дополнили предложенную им этнокультурную дифференциацию. В среде крещенотатарской общности достаточно обоснованно были обозначены предкамская, восточно-закамская, елабужская, чистопольская, молькеевская, нагайбакская группы. Уточнить некоторые моменты классификации позволили исследования традиционной культуры кряшен, касимовских татар, предпринятые в 1980–1990-е годы прошлого века Ю.Г. Мухаметшиным (Мухаметшин, 1977) и Ф.Л. Шарифуллиной (Шарифуллина, 1991).

Особенно четко обозначить все достоинства и значимость этнокультурной дифференциации волго-уральских татар и внести в нее дополнительные коррективы позволило полномасштабное обследование в рамках «Историко-этнографического атласа татарского народа». В этнорегиональном аспекте были изучены и в разные годы опубликованы тома атласа: «Хозяйство» Н.А. Халиковым (Халиков, 1995), «Ткачество» Ф.Ш. Сафиной (Сафина, 1996), «Костюм» С.В. Сусловой и Р.Г. Мухамедовой (Сулова, Мухамедова, 2000), «Обряды и праздники» Р.К. Уразмановой (Уразманова, 2001), «Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала» (Этнотерриториальные..., 2002), «Поселения и жилища» Ю.Г. Мухаметшиным и Н.А. Халиковым (Мухаметшин, Халиков, 2011). Авторы этого академического труда в 2003 г. были удостоены звания «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники».

На основе томов атласа, детально отражающих материальную и духовную культуру этноса, в составе Волго-Уральской историко-этнографической области Д.М. Исхаковым были выделены этнокультурные общности татар различных таксономических рангов: субэтнического уровня, уровней этнографических групп и подгрупп (Исхаков, 2002а: 57). В преамбуле исследователь особо подчеркивает, что такое детальное обоснование этнокультурных таксонов всех уровней возможно лишь на основе картографирования элементов традиционной культуры. В составе этнокультурной области волго-уральских татар им выделяются подобласти – казанско-татарская, мишарская, касимовско-татарская, крещено-татарская и смешанная (с двумя подобластями). Первые три из них Д.М. Исхаков связывает с субэтносами волго-уральских татар, а крещенотатарскую – с субконфессиональной общностью кряшен. Первичными подобластями являются казанско-татарская и мишарская. Касимовско-татарская в эту группу относится лишь с оговорками. Остальные подобласти отнесены исследователем к числу вторичных. Особенностью крещено-татарской подобласти является отсутствие у нее сплошной территории, что связано с историей образования группы крещеных татар (Исхаков, 2002б: 63–69). В целом, было уточнено место татар-мишарей, касимовских татар и кряшен в структуре татарского этноса.

Казанская этнографическая семья. 2002 г. Сидят – Р.Н. Мусина, С.В. Суслова, Р.Г. Мухамедова, Р.К. Уразманова, Е.П. Бусыгин, З.Н. Сайдашева. Стоят – И.Р. Газизуллин, Н.А. Халиков, Ф.Л. Шарифуллина, Л.С. Токсубаева, Д.М. Исхаков, З.Н.Яруллина, Л.В. Сагитова, В.И. Яковлев, Ф.Ф. Гулова, Т.А. Титова, Р.Б. Тагиров, Г.Р. Столярова.

Лауреаты Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники. 2003 г. Сидят – Р.К. Уразманова, Р.Г. Мухамедова, С.В. Суслова. Стоят – Д.М. Исхаков, Р.Н. Мусина, Н.А. Халиков.

Исследования профессора Воробьева явились основой для будущего сравнительно-исторического изучения материальной культуры казанских татар и кряшен. Причину различий в комплексах их этнической культуры он видел не в «разном происхождении, а в различных культурных влияниях, связанных с разностью религий, под которыми находились эти группы в продолжение более трех столетий» (Воробьев, 1929: 16).

В своих исследованиях ученый вплотную подошел к пониманию важности изучения материальной культуры на базе типологической классификации элементов культуры, особенно таких важных категорий, как жилище, одежда, ткачество. Разработка и применение принципов типологической классификации становится методологической основой этнологических исследований значительно позднее (Чеснов, 1979: 195), особенно, при составлении историко-этнографических атласов. Использование типологических подходов к систематизации фактического материала позволяет исследователям показать устойчивые разновидности этнической культуры в динамике, наметить истоки и аналоги им у других народов и тем самым выйти на решение вопросов, связанных с генезисом традиционных культур.

Типологические наработки Н.И. Воробьева явились отправными при изучении важной категории, связанной с исследованием усадьбы, жилища, его внешнего оформления и внутреннего интерьера. Его статья, посвященная вопросам типологии сельских жилищ, была опубликована в «Вестнике научного общества татароведения» еще в 1926 г. (Воробьев, 1926). На рубеже веков появляется серия фундаментальных работ по этнографии татарского жилища с применением его наработок, в том числе упомянутый выше том атласа (Мухаметшин, Халиков, 2011) и кандидатская диссертация Д.Н. Сулеймановой «Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика» (Сулейманова, 2007).

Труды Н.И. Воробьева явились основополагающими в деле типологического изучения ткачества волго-уральских татар. В 30-е годы XX столетия в статье по ткачеству чепецких татар (Воробьев, 1930: 181–183) он впервые описал древний «примитивный», практически вышедший из употребления тип горизонтального стана с неразвитой рамой. Фиксация этого типа в бытовой культуре татар – заслуга Николая Иосифовича. Позднее в соответствующих разделах его основных монографий были даны описания трех типов ткацких станов, бытующих у татар Заказанья, причем типологическое описание традиционного татарского стана стало первым; большое внимание уделено технике и инструментарию прядения, приемам обработки волокон, орудиям ткачества (Воробьев, 1953: 112–117). Ф.Ш. Сафина – автор тома «Ткачество» отмечала, что «важной заслугой Н.И. Воробьева был примененный им метод сравнительно-исторического анализа компонентов ткачества» (Сафина, 1996: 11), то есть типологический метод.

Указанные подходы Н.И. Воробьева четко просматриваются в главах его трудов, посвященных изучению традиционной одежды и украшений татарского

народа – важнейшей символически-знаковой категории этнических культур. На обширном фактическом материале он не просто описывает предметы костюма, а систематизирует их, выделяя типичные элементы. Исследователь стремится преподнести устойчивые элементы (типы) в динамике, проследить эволюцию их форм и конструкций, наметить истоки и аналоги им у соседних и отдаленных народов Евразии. Так он определяет круг вопросов, связанных с выявлением и изучением векторов этно- и культурогенеза татарского народа. Эта работа была затруднена в силу недостаточной на тот период изученности костюма волго-уральских татар, особенно, с точки зрения его этнолокальных и региональных особенностей. Все важнейшие идеи и практические наработки Николая Иосифовича в области типологии татарского костюма использованы в трудах его учеников и последователей, в том числе, в томе атласа «Народный костюм» (Мухамедова, 1972; Сулова, 1980; Сулова, Мухамедова, 2000).

Труды Николая Иосифовича являются отправными для исследований самых различных видов народного декоративно-прикладного творчества (ткачества, вышивки, ювелирного дела и др.). Знаковой в этом отношении представляется его совместная с Е.П. Бусыгиным работа «Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем» (Воробьев, Бусыгин, 1957), инициирующая начало подобных изысканий в разных районах Среднего Поволжья.

* * *

Важнейшая роль в формировании академического татароведения в отечественной этнологии принадлежит выдающемуся ученому начала-середины XX в. профессору Н.И. Воробьеву. Своими трудами он заложил основы системного подхода к изучению культуры и быта народа, особенно, референтной группы этноса – казанских татар. Использование данных смежных исторических и географических дисциплин позволило исследователю поставить и решить ряд важных вопросов этнокультурной истории татарского народа. В знаковой его монографии «Казанские татары» (1953) особое внимание обращается на тесную корневую их связь с местной Булгарской цивилизацией – этнокультурной предысторией народа. Системность подхода заключалась в создании Н.И. Воробьевым первой обоснованной этнокультурной дифференциации волго-уральских татар, в основу которой были положены изученные на тот период времени культурно-бытовые и языковые различия внутри татарского этноса. Она проявилась и в применении типологических подходов к классификации этнографического материала, что позволяло ученому рассмотреть устойчивые разновидности материальной культуры (типы) в динамике, наметить аналоги им у других соседних и отдаленных этносов Евразии и выйти тем самым на решение вопросов, связанных с этно- и культурогенезом татар. Системный подход Н.И. Воробьева впоследствии был применен и усовершенствован в исследованиях и научно-организационной деятельности его учеников и последователей. Его фундаментальные труды по этнографии волго-уральских татар заложили основу формирования тюрко-татарского вектора академической этноло-

гии в Волго-Уральском регионе России. Они – бесценный источник для современных и будущих поколений исследователей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань: Изд-во КГУ, 2002.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Терентьева Л.Н. Николай Иосифович Воробьев // Советская этнография. 1968. №1. С. 203–205.

Воробьев Н.И. Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТАССР // Вестник научного общества татароведения. 1926а. №4. С. 17–35.

Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Воробьев Н.И. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТАССР // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 160–168.

Воробьев Н.И. Некоторые данные о технике вышивок казанских татар // Материалы Центрального музея ТАССР. 1928. №2. Казань.

Воробьев Н.И. Кряшены и татары (некоторые данные по сравнительной характеристике быта) // Труд и хозяйство. 1929. №5. С. 12–24.

Воробьев Н.И. Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири: Население Причунского края (Енисейск. губ.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. 33. Вып. 2–3. Казань, 1926б. С. 59–112.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар: опыт этнографического исследования. Т. 2. Казань: Издание Дома татарской культуры, 1930.

Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Советская этнография. 1946. № 3. С. 75–86.

Воробьев Н.И. Ткачество у глазовских татар // Вестник научного общества татароведения. 1930. № 9–10. С. 181–183.

Воробьев Н.И. Этнические группы татар Среднего Поволжья и Приуралья // Итоговая сессия Казанского ИЯЛИ АН СССР за 1963 г. Краткое содержание докладов. Казань, 1964. С. 44–48.

Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. Казань: Гос. Музей Татар. АССР, 1957.

Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В. Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии // Советская этнография. 1962. № 6. С. 124–129.

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья // Историческая этнология. 2018. Т. 3. №1. С. 69–80. <https://orcid.org/10.22378/he.2018-3-1.69-80>

Исхаков Д.М. Общие методологические аспекты проблемы структуры этноса // Этно-территориальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань, 2002а. С. 52–62.

Исхаков Д.М. Проблемы этнокультурной дифференциации волго-уральских татар // Этно-территориальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань, 2002б. С. 63–69.

Мусина Р.Н. Сулова С.В. Н.И. Воробьев и его вклад в этнографию татарского народа // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа, 2012. С. 299–302.

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972.

Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1977.

Мухаметшин Ю.Г., Халиков Н.А. Усадьба тюркских народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Серия «Современная тюркология». Астана: Полиграфия, 2011.

Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб: 1994. С. 185–221.

Сафаргалиев М.Г. О книге Н.И. Воробьева «Казанские татары» // Советская этнография. 1954. № 3. С. 171–172.

Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала (конец XIX– начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: «Фэн», 1996.

Синицына К.Р. Музейное строительство в Татарской АССР (1917–1967): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1970.

Смирнов А.П. Н.И. Воробьев. Казанские татары // Советская этнография. 1954. № 3. С. 168–171.

Сулейманова Д.Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика : автореферат дисс. кандидата исторических наук. Чебоксары. 2007.

Сулова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1980.

Сулова С.В. К 95-летию Рамзии Гиниатовны Мухамедовой // Историческая этнология. 2018. Т.3. № 2. С. 361–374.

Сулова С.В. Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: «Фэн», 2000.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. *Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов.* М.: Наука, 1967.

Татары. Серия «Народы и культуры» / Отв. ред. *Р.К. Уразманова, С.В. Чещко.* М.: Наука, 2001.

Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX-XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2001.

Усманов М.А. Несколько слов об историко-этнографических трудах Карла Фукса (предисловие) // Казанские татары. Репринтное воспроизведение трудов К. Фукса. Казань, 1991. С. 5–10.

Фасхутдинова Л.Ф. Золотное шитьё татар-мишарей: особенности техники и орнамента // Этнографическое обозрение. 2015. №4. С. 169–176.

Фасхутдинова Л.Ф. К вопросу об этнокультурных параллелях в татарском и русском золотном шитье // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. V. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 98–109.

Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 189–203.

Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.

Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ПИК «Дом печати», 2002.

Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 217–232.

Юсупов Г.В. Татарские эпиграфические памятники XV в. (к вопросу о происхождении казанских татар) // Эпиграфика Востока. Вып. V. М., 1951. С. 78–94.

Яковлев В.И. Казанская этнографическая школа: историографический контекст // Бусыгинские чтения. Вып. 9. Народы в поликультурном взаимодействии. Материалы Международной научно-практической конференции. 5 декабря 2016 года. Казань, 2016. С. 3–9.

REFERENCES

Busygin E.P., Zorin N.V. (2002) *Ethnography at Kazan University*. Kazan: Kazan State University Publ. (In Russ.)

Busygin E.P., Zorin N.V., Terentyeva L.N. (1968) Nikolay Iosifovich Vorobyev. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 1: 203–205. (In Russ.)

Chesnov Ya.V. (1979) On the principles of typology of traditional everyday culture. In: *Problems of typology in ethnography*. Moscow: Nauka Publ.: 189–203. (In Russ.)

Donina L.N., Suslova S.V. (2018) Tatar Jewelry Art: Question of Tatar-Russian Syncretism in Handicraft Traditions of Kazan Volga Region. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 3. No. 1: 69–80. <https://orcid.org/10.22378/he.2018-3-1.69-80> (In Russ.)

Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and issues of their formation. Historical and ethnographic atlas of the Tatar people. (2002) Kazan: PIK House of Printing Publ. (In Russ.)

Faskhutdinova L.F. (2011) On the issue of ethnocultural parallels in Tatar and Russian gold embroidery. In: *Ethnological studies in Tatarstan*. Vol. 5. Kazan: RT Academy of Sciences Sh. Marjani Institute of History: 98–109. (In Russ.)

Faskhutdinova L.F. (2015) Gold embroidery of the Mishar Tatars: features of technique and ornament. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 4: 169–176. (In Russ.)

Iskhakov D.M. (2002) General methodological aspects of the problem of the ethnos structure. In: *Ethnoterritorial groups of the Tatars of the Volga and Ural regions and issues of their formation*. Kazan: 52–62. (In Russ.)

Iskhakov D.M. (2002) Problems of ethnocultural differentiation of the Volga -Ural Tatars. In: *Ethnoterritorial groups of Tatars of the Volga and Ural regions and issues of their formation*. Kazan, 2002: 63–69. (In Russ.)

Mukhamedova R.G. (1972) *The Mishar Tatars. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Mukhametshin Yu.G. (1977) *The Kryashen Tatars. Historical and ethnographic study of material culture (mid-19th – early 20th century)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Mukhametshin Yu.G., Khalikov N.A. (2011) *Estate of the Turkic peoples: rural dwelling of the Tatars of the Volga region and the Urals (late 19th – early 20th centuries)*. *Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Modern Turkology Series. Astana: Printing Publ. (In Russ.)

Musina R.N., Suslova S.V. (2012) N.I. Vorobyev and his contribution to the ethnography of the Tatar people. In: *Ethnos. Society. Civilization: Kuzeevsky readings. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Ufa: 299–302. (In Russ.)

Reshetov A.M. (1944) Repressed ethnography: people and destinies. *Kunstkamera. Etnograficheskiye tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. Vol. 4. St. Petersburg: 185–221. (In Russ.)

Safargaliev M.G. (1954) About the book by N.I. Vorobyev “The Kazan Tatars”. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 171–172. (In Russ.)

Safina F.Sh. (1996) *Weaving of the Tatars of the Volga region and the Urals (late 19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fän Publ. (In Russ.)

Sharifullina F.L. (1991) *The Kasimov Tatars*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)

Sinitsyna K.R. (1970) *Museum construction in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (1917–1967)*. Abstract of Diss. Cand. Hist. Sciences. Kazan: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin. (In Russ.)

Smirnov A.P. (1954) N.I. Vorobyev. The Kazan Tatars. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 168–171. (In Russ.)

Suleymanova D.N. (2007) *Interior of the home of the Volga-Ural Tatars: development and ethnocultural specifics*: Abstract Diss. Cand. Hist. Sciences. Cheboksary. (In Russ.)

Suslova S.V. Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid–19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fän Publ. (In Russ.)

Suslova S.V. (1980) *Women’s jewelry of the Kazan Tatars of the mid–19th – early 20th centuries. Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Suslova S.V. (2018) To the 95th anniversary of Ramzia Giniatovna Mukhamedova. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Vol. 3. No. 2: 361–374. (In Russ.)

Tatars of the Middle Volga and the Urals. (1967) N.I. Vorobyev, G.M. Khisamutdinov (eds.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Tatars. (2001) Peoples and Cultures Series. R.K. Urazmanova, S.V. Cheshko (eds.). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Urazmanova R.K. (2001) *Rituals and holidays of the Tatars of the Volga region and the Urals (Annual cycle of the 19th–20th centuries). Historiographic atlas of the Tatar people*. Kazan: PIK House of Printing Publ. (In Russ.)

Usmanov M.A. (1991) A few words about the historical and ethnographic works of Karl Fuchs (preface). In: *The Kazan Tatars. Reprint reproduction of the works of K. Fuchs*. Kazan: 5–10. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1926) Dwellings and settlements of the Kazan Tatars of the Arsk canton of the TASSR. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 4: 17–35. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1927) Some data on the life of baptised Tatars (Kryashens) of the Chelny canton of the TASSR. In: *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 7: 160–168. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1928) Some data on the embroidery technique of the Kazan Tatars. In: *Materials of the Central Museum of the TASSR*. No. 2. Kazan. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars. An ethnographic study of the material culture of the pre-October period*. Kazan. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1926) Materials on the life of the Russian old-timer population of Eastern Siberia: Population of the Prichuny region (Eniseysk Province). *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University]. Vol. 33. Issue 2–3. Kazan: 59–112. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1929) Kryashens and Tatars (some data on comparative characteristics of life). *Trud i hozyaystvo* [Labour and economy]. No. 5: 12–24. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars: An ethnographic study*. Kazan: House of Tatar Culture Publ. Vol. 2. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1930) Weaving among the Glazov Tatars. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 9–10: 181–183. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1946) Origin of the Kazan Tatars according to ethnographic data. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 75–86. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1964) Ethnic groups of the Tatars of the Middle Volga region and the Urals. In: *Final session of the Kazan IYALI of the USSR Academy of Sciences for 1963. Summary of reports*. Kazan: 44–48. (In Russ.)

Vorobyev N.I., Busygin E.P. (1957) *Artistic crafts of Tatarstan in the past and the present*. Kazan: Tatar ASSR State Museum Publ. (In Russ.)

Vorobyev N.I., Khisamutdinov G.M., Yusupov G.V. (1962) Historical and ethnographic studies of the population of the north-western regions of Bashkiria. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 6: 124–129. (In Russ.)

Yakovlev V.I. (2016) Kazan ethnographic school: historiographical context. In: *Busygin readings. Vol. 9. Peoples in multicultural interaction. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. December 5, 2016*. Kazan: 3–9. (In Russ.)

Yusupov G.V. (1951) Tatar epigraphic monuments of the 15th century (on the question of the origin of the Kazan Tatars). In: *Epigraphy of the East*. Vol. 5. Moscow: 78–94. (In Russ.)

Yusupov G.V. (1971) Bulgar-Tatar epigraphy and toponymy as a source of research into the ethnogenesis of the Kazan Tatars. In: *Questions of the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region*. Kazan: 217–232. (In Russ.)

Сведения об авторе: Сулова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>; e-mail: sv_suslova@mail.ru

About the author: Svetlana V. Suslova, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-5950-8576>; e-mail: sv_suslova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 12.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 14.06.2024

Принята к публикации / Accepted 2.07.2024

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773>

EDN: IDVWDB

Этногенез чувашей в трудах Н.И. Воробьева: особенности трактовки

В.П. Иванов

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация
human2000@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматривается вклад профессора Н.И. Воробьева в научное изучение сложных аспектов этногенеза чувашского народа. Ученый по праву считается одним из видных исследователей проблемы происхождения чувашей. Будучи одним из руководителей и авторов первого тома коллективной монографии «Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая» (1956 г.), Н.И. Воробьев изложил в ней свою т.н. «автохтонную теорию» этногенеза чувашей, как о народе в основе своем финно-угорском, но с тюркским болгарским языком. В статье освещаются не всегда однозначные взгляды ученого на происхождение чувашей, изложенные им в публикациях 1930, 1950, 1953 гг. Отмечается, что в то время как немало ученых в начале научных поисков придерживались концепции финно-угорского происхождения чувашей, а впоследствии заняли позицию Н.И. Ашмарина, то Н.И. Воробьев изначально скорее склонялся болгарской теории, а уже позже стал автохтонистом. Указывается, что одним из слабых мест в трактовке ученым вопросов этногенеза являлось игнорирование фактора их языка болгарского типа. Для Н.И. Воробьева главным основанием для суждений о происхождении чувашей служила материальная и отчасти духовная культура, которая имела очень много общего с марийской. В статье указывается также на тот факт, что ученый не обратил внимание на фактор языческой религии в этнической истории чувашей. Вместе с тем следует отметить, что в поисках истоков чувашского народа он довольно широко привлекал материалы из известных археологических памятников Чувашского края. Особое внимание в статье уделено освещению критических оценок взглядов Н.И. Воробьева со стороны чувашских историков – В.Ф. Каховского и В.Д. Димитриева.

Ключевые слова: этногенез, болгары, чувашы, финно-угры, автохтонная и болгарская теории, Чувашский край.

Для цитирования: Иванов В.П. Этногенез чувашей в трудах Н.И. Воробьева: особенности трактовки. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 759–773. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773> EDN: IDVWDB

Ethnogenesis of the Chuvash in the works of N.I. Vorobyev: peculiarities of interpretation

V.P. Ivanov

Chuvash State Institute of Humanities

Cheboksary, Russian Federation

human2000@yandex.ru

Abstract. The article examines the contribution of Professor N.I. Vorobyev to the scientific study of complex aspects of the ethnogenesis of the Chuvash people. The scientist is rightfully considered one of the prominent researchers of the problem of the origin of the Chuvash. Being one of the leaders and authors of the first volume of the collective monograph “The Chuvash. Ethnographic research. Part One” (1956), N.I. Vorobyev outlined in it his so-called “autochthonous theory” of the ethnogenesis of the Chuvash, as a people based on Finno-Ugric, but with the Turkic Bulgarian language. The article highlights the scientist's not always unambiguous views on the origin of the Chuvash, as set out by him in publications of 1930, 1950, 1953. It is noted that while many scientists at the beginning of scientific research adhered to the concept of the Finno-Ugric origin of the Chuvash, and subsequently took the position of N.I. Ashmarin, N.I. Vorobyev initially rather inclined to the Bulgarian theory, and only later became an autochthoniste. It is pointed out that one of the weak points in the scientist's interpretation of the issues of ethnogenesis was the ignoring of the factor of their Bulgarian-type language. For N.I. Vorobyev, the main basis for judgments about the origin of the Chuvash was the material and partly spiritual culture, which had a lot in common with the Mari. The article also points to the fact that the scientist did not pay attention to the factor of pagan religion in the ethnic history of the Chuvash. At the same time, it should be noted that in search of the origins of the Chuvash people, he quite widely attracted materials from famous archaeological sites of the Chuvash region. Special attention is paid in the article to the coverage of critical assessments of N.I. Vorobyev's views by Chuvash historians V.F. Kakhovsky and V.D. Dimitriev.

Keywords: ethnogenesis, Bulgars, Chuvash, Finno-Ugrians, autochthonous and Bulgarian theories, Chuvash region.

For citation: Ivanov V.P. (2024) Ethnogenesis of the Chuvash in the works of N.I. Vorobyev: peculiarities of interpretation. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 759–773. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.759-773> (In Russ.)

По признанию практически всех исследователей, связанных с изучением истории чувашского народа и его культуры, постижение истины дается с невероятным трудом. Этногенетические истоки чувашей лежат в весьма глубоких пластах истории, они нерасторжимо и порой причудливо переплетены с корнями многих других народов. Основным предметом споров продолжает оставаться болгарская теория происхождения чувашей. На основании многочисленных исторических, культурных и языковых данных большинство исследователей признают чувашей потомками болгарских и суварских племен, появившихся на Средней Волге в VII–VIII вв. (Чуваши, 2017: 11–14).

Одним из видных исследователей проблем этногенеза чувашского народа по праву считается казанский этнограф Н.И. Воробьев. В изданной в 1956 г.

монографии «Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая», подготовленной коллективом авторов под руководством доктора исторических наук, профессора Н.И. Воробьева, лично им был написан краткий обзор истории изучения чувашского народа, очерк по истории формирования этноса, раздел о природных условиях места его обитания. Для тех, кто вовлечен в проблематику этногенеза чувашей, по сей день особый интерес представляют взгляды Н.И. Воробьева на специфику происхождения этноса, изложенные им в разделе «Формирование народа, его культуры и быта» (Чуваши, 1956: 23–44). Исследование этнографии чувашей, древности их истории проводилось во время экспедиций 1949–1953 гг., которые осуществлялись Чувашским НИИ языка, литературы и истории и Чувашским краеведческим музеем при содействии и участии Казанского филиала АН СССР под научным руководством профессора Н.И. Воробьева. За его огромный вклад в изучение этнографии народа чувашские ученые не перестают выражать ему свою благодарность (Чуваши, 2009, Т. 1: 16).

Нас интересуют взгляды Н.И. Воробьева по вопросу этногенеза чуваш, его «автохтонная теория» происхождения народа. Как отмечает известный исследователь проблемы этногенеза чувашей В.Ф. Каховский, «в основе этой теории лежала мысль о том, что определяющим этническим компонентом чувашской народности являлось местное финно-угорское население, которое испытывало культурное и языковое влияние со стороны пришлых тюркоязычных племен. При этом формирование двух этнографических групп чувашского народа относилось к доболгарскому периоду, рассматривая процесс их сложения изолированно друг от друга. Эта точка зрения последовательно проводилась и в коллективном труде «Чуваши», написанном под общей редакцией Н.И. Воробьева. Авторы этого историко-этнографического исследования также утверждали, что «чувашаи как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных первобытных племен, занимавшихся мотыжным земледелием, имевших небольшое по размерам скотоводство, а также являющихся охотниками». Что касается пришлых болгарских племен, то их роль в этногенезе чувашей будто бы сводилась, главным образом, к языковому влиянию на аборигенов. По утверждению Н.И. Воробьева, болгарские племена только в XIV–XV вв., в связи с разорением центральных областей Болгарского государства, стали переселяться в лесные районы между Волгой и Свиягой» (Чуваши, 1970: 297).

Надо признать, что Н.И. Воробьев буквально на 12 страницах первого тома «Чуваши» (1956 г.) осуществил великолепную академическую аналитику вопроса происхождения чувашей на основе научного материала, имевшегося к тому времени. Ученый кратко и объективно раскрыл общеизвестную историографию проблемы:

Н.И. Ашмарин заложил основы болгарской теории происхождения чуваш. Она была выдвинута ориенталистом Н.И. Ильминским взявшим за основу мысль Х. Файезханова о сходстве некоторых слов в болгарских эпитафиях XIV в. с чувашскими. Эту теорию поддержи-

вал академик Куник, позднее А.А. Шахматовой другие ученые. В первое десятилетие после Октябрьской революции эту теорию искаженно использовали чувашские буржуазные националисты. Новейшие археологические, этнографические, антропологические и лингвистические материалы позволяют более обоснованно подойти к решению вопроса о происхождении чувашской народности. Чуваши как народность сформировались на месте своего современного обитания из местных первобытных племен... На эти племена оказали большое влияние, особенно языковое, пришлые из южных и юго-восточных степных областей племена кочевников-скотоводов... Вопрос о первобытных племенах – предках чуваш – весьма подробно рассмотрен в работах П.Н. Третьякова, и в работах на ту же тему А.П. Смирнова. На данных этих работ мы в основном и опираемся в изложении вопроса о первоначальном периоде формирования чувашского народа (Чуваши, 1956: 27).

Как нам представляется, вступив в дискуссию по указанной проблеме, Н.И. Воробьев допустил одну «непростительную» ошибку, что, конечно же, до сих пор ему «аукается» в публикациях чувашских авторов (Димитриев, 2004: 12). Дело в том, что Н.И. Воробьев сделал обычно не принятое в научном сообществе категоричное заявление:

При рассмотрении вопроса о формировании чувашской народности **надо решительно** (выделено нами – В.И.) отбросить выдвигавшиеся до революции «теории» о том, что чуваши пришли на место своего современного обитания с какой-то прародины в уже сформировавшемся в народ виде, имеющими свое современное имя, тот же язык и основу той культуры, которая известна у них в течение двух-трех последних столетий (Чуваши, 1956: 26).

В одной из самой первой значительной работе «Материальная культура казанских татар (1930 г.) Н.И. Воробьев был не прочь придерживаться основной линии теории Н.И. Ашмарина, хотя, в действительности, он скорее держался нейтральной позиции. Отмечая, что среди болгар, кроме собственно них, были и другие группы (эсегель, берсула и др.), Н.И. Воробьев отсылает читателя к мнению Н.И. Ашмарина:

Однако, так как все эти названия по-видимому служили для отличия различных частей одного и того же народа лишь по местам, ими занимаемым, по именам некоторых рек и урочищ, т.е. в чисто географическом отношении, то позволительно думать, что, племенные отличия этих групп могли быть весьма незначительны». По вопросу, кто такие были болгары в этническом отношении, существует ряд теорий, из которых наибольшим успехом в настоящее время пользуется теория о том, что болгары были предками современных чуваш (Воробьев, 1930: 17).

На определенные метания Н.И. Воробьева касательно этногенеза чувашей обратили внимание чувашские ученые. «Ряд этнографических параллелей между чувашским и татарским народами установил Н.И. Воробьев, который в своих ранних этнографических исследованиях стоял на точке зрения болгарского происхождения чувашского народа» (Каховский, 2003: 42).

По прошествии двух десятков лет в своем монументальном труде «Казанские татары» (1953 г.) Н.И. Воробьев отчетливо утверждает, что предками чувашей были племена правобережья Волги.

Булгарское население южной части Волго-Свияжского междуречья, к которому присоединялись болгары, перешедшие во время монголо-татарского завоевания с левого берега Волги, в некоторой своей части ушло дальше к северо-западу, в лесные районы бассейна рек Цивиля и Суры. Здесь эта группа тесно сблизилась с местными племенами – **предками современных чуваш** (выделено нами – В.И.) (Воробьев, 1953: 15).

В сущности, в разделе «Формирование народа, его культуры и быта» тома «Чуваши» (1956 г.) Н.И. Воробьев изложил практически несколько препарированные собственные основные концептуальные положения, опубликованные им еще в 1950 г. в статье «Этногенез чувашского народа по данным этнографии» в журнале «Советская этнография» (Воробьев, 1950). В то же время очевидно, что в томе «Чуваши» Н.И. Воробьев существенно расширил круг материалов по археологии Чувашского края. При этом, в отличие от классических этнографов, обычно игнорирующих археологические памятники, он впервые в истории исследования прошлого чувашей, ввел в научное обсуждение уже известные на тот период археологические культуры палеолитического и неолитического эпох, памятники фатьяновской, абашевской, срубно-хвалынской, позднегородецкой культур. Н.И. Воробьев пытался связать происхождение предков чувашей с этими культурами, в особенности с абашевскими.

В северной и северо-западной части территории Чувашии имеются также многочисленные языческие кладбища XVI–XVIII вв. (*кивё сйва*). Раскопки некоторых из них дают остатки женских костюмов, имеющих некоторые особенности, сближающие их со старинной одеждой местного чувашского населения и марийской. Встречающиеся здесь многочисленные старинные «кереметища» близки к таковым же на марийской территории. Это говорит о том, что с древнейших времен население севера и особенно северо-запада ЧАССР было связано с населением смежных, лесных районов, расположенных к западу, северу и частично востоку. Возможно, что, **начиная с абашевцев** (выделено нами – В.И.) тянется непрерывная культурная цепь до современного населения (Чуваши, 1956: 30).

Н.И. Воробьев был приглашен правительством Чувашской АССР для научного руководства подготовкой первого тома «Чуваши», скорее всего, на основании того факта, что он в 1953 г. издал академически безупречно написан-

ную монографию «Казанские татары». При этом никаких особых указаний от вышестоящего республиканского начальства по вопросу трактовки этногенеза чувашей Н.И. Воробьев не получил. По крайней мере, на этот счет нет соответствующих документов. Пospорить с профессором по концептуальным вопросам этногенеза чувашей местные историки не осмелились, в республике на тот момент еще не было сколько-нибудь достойных с ним по научному уровню специалистов-этнографов. Но основная часть чувашских ученых, прежде всего, языковедов, крепко держалась ашмаринской позиции по болгарскому происхождению чувашей. Один из первых основательных научных популяризаторов этнической истории чувашей М.П. Петров (псевд. *Тинехпи*) – яростный сторонник концепции о чувашах, как прямых потомках болгаро-суварских племен, написавший в 1925 г. добротный труд «О происхождении чуваш», еще в 1938 г. умер в тюрьме, будучи обвиненным в «буржуазном национализме».

Первым фундаментальным комплексным исследованием проблематики этногенеза чувашей стала монография В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа», в которой впервые был обобщен и проанализирован значительный историко-этнографический и археологический материал (Каховский, 1963; 1965; 2003). Комплексный характер работы заключается, прежде всего, в одновременном сочетании анализа археологических данных, в результате чего ученый пришел к однозначному выводу о болгаро-суварском происхождении чувашей.

Между тем один из соратников В.Ф. Каховского чувашский историк В.Д. Димитриев полагает, что, согласно выводам исследований последнего времени, некоторые положения основного труда В.Ф. Каховского нуждаются в коррекции. «Он, как в свое время известный советский археолог А.П. Смирнов, ограничивал формирование чувашского этноса территориальными рамками нынешней Чуваши» (Димитриев, 2004: 32), что, конечно же, не корректно с научной точки зрения.

Главный вывод Н.И. Воробьева по вопросу «Кто есть чуваш?» им был сформулирован еще в 1950 г. (Воробьев, 1950). В целом, он имеет научно достоверный характер. Ученый, во-первых, обратил внимание на переоценку сторонниками ашмаринской концепции фактора болгарского языка. Во-вторых, на примере чувашей он указал на необходимость учета неоднозначного характера процесса этногенеза любого народа.

Имеется достаточно данных говорить совершенно определенно, что чувашский народ, как и все другие народы края, формировался здесь на месте из различных как местных, так и пришлых компонентов, которые, тесно сближаясь между собой, претерпевая сложные изменения в процессе развития народа, и дали современную культуру чувашей. Можно с достаточной уверенностью говорить, что в основе быта чувашей, прежде всего, лежат чисто местные корни – культура издавна обитавших в крае племен, а также не менее древние бытовые формы пришельцев из южных степных пространств. На эти древние

корни позднее наслоились влияния восточнофинские (марийские и мордовские) и тюркские (от татар Поволжья). ... Таким образом, в период XII–XIV вв. и смогло произойти то тесное сближение местных племен с булгарами, которое привело к созданию чувашского народа, с его в основном тюркским языком, со значительным количеством южных бытовых форм. Но, несмотря на это, у него осталось также немалое число древних местных элементов, сближающих чувашей с финскими народами (Воробьев, 1950: 67–68).

По мнению В.Д. Дмитриева, встречающиеся в литературе сообщения о том, что якобы существуют гипотезы или даже теории о финно-угорском и другом происхождении чувашского народа, не имеют фактической основы. «На самом деле таких гипотез фактически не было. Есть только высказывания отдельных авторов XVIII–XX вв., сделанные созерцательно, но не путем исследования фактов. Подобие гипотезы имеется лишь у В.А. Сбоева и М.Г. Худякова» (Димитриев, 2004: 12). Такая радикальная постановка обсуждаемого вопроса не может не вызывать возражения.

Немало ученых в начале собственных поисковых исследований этногенеза чувашей придерживались концепции автохтонного происхождения чувашей и впоследствии заняли позицию Н.И. Ашмарина. Н.И. Воробьев изначально скорее склонялся к теории болгарского происхождения чувашей, а позже стал автохтонистом. Известный московский археолог А.П. Смирнов первоначально тоже пребывал в партии автохтонистов, являлся сторонником финно-угорского происхождения чувашей. 21–22 мая 1956 г. в Чебоксарах состоялась научная сессия, посвященная вопросам происхождения чувашского народа. Одним из двух основных докладчиков выступил ведущий археолог-булгаровед А.П. Смирнов с темой «Археологические памятники Чувашии и проблема происхождения чувашского народа». По его мнению, пришельцы-булгары ассимилировали местное финно-угорское население, а пришлый тюркский язык стал господствующим. Суть дискуссии на сессии сводилась к вопросу о том, какой компонент оказался решающим в формировании чувашей – финно-угорский или болгарский. В 1956 г. ученый еще сомневался в болгарском происхождении чувашей и высказывался как сторонник автохтонности народа: «Приведенные мной археологические материалы свидетельствуют о близости предков современных мари и чуваш»¹.

Как известно, П.Н. Третьяков придерживался мнения о том, что этнографические группы чувашей – верховые (*вирьял*) и низовые (*анатри*), имеют различное происхождение (Третьяков, 1950). Н.И. Воробьев на этот счет высказал собственные предположения, хотя и не отвергающие в полной мере утверждения П.Н. Третьякова: «Сколько-нибудь серьезное освоение юго-востока Чувашии булгарами, как уже нами отмечалось, началось не ранее XII века, и наибо-

¹ Каховский Б., Михайлов Е. У истоков чувашской археологии // Республика. № 23. 11 июня 2024. С. 6.

лее интенсивным оно стало с конца XIII века, уже после монголо-татарского разгрома Булгарии. Поскольку основному разорению со стороны монголо-татар подвергались закамские земли Булгарии, то значительная часть населения оттуда бежала не только в лесные земли Предкамья, но и на правобережье Волги, усилив там болгарский элемент. ...Часть болгар, переселившаяся на Правобережье, вместе с жившими там ранее родственными племенами и составила то население, которое известно по археологическим данным в юго-восточных районах ЧАССР, и, возможно, носило имя **сувазов** (выделено нами – В.И.).

Во второй половине XIV века сравнительно мирному периоду жизни Булгарии был положен конец. Ее территория подвергается разгрому Булат Тимура, и войсками Тамерлана, и походами русских князей, и набегами кочевников. ...Обезлюжены были также и южные земли правобережья, в том числе юго-восточные районы Чувашии. Об этом говорит и тот факт, что в названных районах надмогильных камней позже конца XIV века уже не встречается. По мере того, как население закамских болгарских земель в период падения Булгарского государства переходило в Предкамье и частично на правый берег Волги, расселяясь в лесных районах между Волгой и Свиягой, аборигены лесостепных районов, к западу от Свияги, принуждены были уходить к северу» (т.е. в зону расселения горных марийцев – В.И.) (Чуваши, 1956; 35).

Интересен один факт научных исканий В.Ф. Каховского, о котором в 2004 г. публично поведал его соратник, известный чувашский историк и стойкий ашмаринист В.Д. Дмитриев.

В конце 1956 г. в беседе между Н.И. Воробьевым, В.Ф. Каховским и нами (В.Д. Дмитриевым) Василий Филиппович, как и Николай Иосифович, придерживался гипотезы автохтонного этногенеза чувашей. Тогда нами было ему предложено: «Примитесь за написание докторской диссертации о происхождении чувашского народа. Так и выясните: автохтонами являются чувашаи или потомками волжских болгар». Вскоре В.Ф. Каховский принялся за исследование этой важнейшей проблемы, пришел к противоположным своему первоначальному представлению объективным выводам и в 1963 г. выпустил монографию «Происхождение чувашского народа». Однако из-за ухудшения в то время отношений с Китаем власти признали, что писать о древних этнических связях предков чувашей с китайцами не следует, и весь тираж книги пустили под нож. В 1965 г. книга В.Ф. Каховского была издана без параграфа «Хунны – древнейшие тюркоязычные племена» с изъятием текста о китайском влиянии на предков чувашей (Дмитриев, 2004: 28).

Чувствуется, что часть главы тома «Чуваши» касательно этногенеза чувашей писалась Н.И. Воробьевым с трудом. В работе он опирается на собственную статью по данной теме, опубликованную в 1950 г. в журнале «Советская этнография» с отсылками на «мнение» И.В. Сталина. Возможно, ученый полагал, публикация в ведущем советском академическом журнале означала соот-

ветствие научных взглядов «правильной линии». После выхода монографии «Чуваши» (1956 г.), в которой доминировала концепция Н.И. Воробьева об автотонном, а по сути финно-угорском происхождении чувашей, началась работа над второй частью издания, посвященной духовной культуре народа. Она была опубликована в 1970 г. Между публикациями первого и второго томов «Чуваши» чувашские историки, языковеды и этнографы попытались переосмыслить концепцию Н.И. Воробьева. В результате в 1963 г. появилась монография В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа» (последнее издание осуществлено в 2003 г.), в которой высказан однозначный вывод о болгаро-чувашской этногенетической, этноязыковой и этнокультурной преемственности.

Во втором томе «Чуваши» (1970 г.) В.Ф. Каховский практически подтвердил, опираясь на имевшиеся на тот период археологические материалы, тезисы Н.И. Воробьева о генетических связях предков чувашей с абашевскими племенами, которые «впоследствии вошли в состав населения городецкой культуры, а также явились одним из компонентов ананьинской культуры», а в V–VI вв. протекал процесс проникновения уже позднегородецкой культуры в бассейн р. Свияга» (Чуваши, 1970: 297–298).

Однако В.Ф. Каховский весьма критично отозвался о позиции Н.И. Воробьева по вопросу происхождения чувашей:

Следует отметить, что авторы «Чуваши», анализируя материальную культуру чувашей, приходят к выводу, что чувашская народность сложилась в результате слияния двух ее предков – финно-угорских и тюркских племен – в единый народ, при этом они играли якобы одинаковую роль. «По нашим взглядам, – пишут они в «Заключении», – чуваша сформировались в результате сближения местных племен, близких по языку и быту к соседним угро-финнам, и племен или народов тюркоязычных, бытовые особенности которых складывались не в лесном по преимуществу Среднем Поволжье, а в условиях, удобных для кочевого скотоводства и частично степного земледелия» (Каховский, 2003: 362). Далее В.Ф. Каховский с ударением подчеркивает: «Таким образом, заключают авторы книги (имеется ввиду том «Чуваши» – В.И.), этнографический анализ быта чуваш не дает никакого права считать чуваш чисто тюркской народностью. По их мнению, местные предки чувашей при сближении с булгарами получили от последних только основу языка, сохранив некоторые черты своего древнего языка, а быт и культура подверглись болгарскому влиянию якобы в меньшей степени (Чуваши, 1970: 363).

По твердому убеждению В.Ф. Каховского, тезис о двух основных предках чувашского народа не находит подтверждения в этнографическом материале, ибо материальная и духовная культура чувашей сложилась на базе болгарской культуры. Что касается влияния культур соседних народов на чувашей, то они имели лишь локальный характер. Например, влияние марийцев отчетливо про-

слеживается лишь в среде части верховых чувашей, главным образом в северо-западной подгруппе вирьялов (Каховский, 2003: 363).

Знаменательно, что Н.И. Воробьев, еще до начала сколько-нибудь серьезного изучения А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским крупных археологических памятников болгарской эпохи, по крайней мере в юго-восточных районах Чувашии – Тигашевского и Большетоябинского городищ X–XIII вв. – пришел к однозначному выводу о том, что

почти до конца XIV столетия юго-восточная часть Чувашии и прилегающие к ней районы Татарии входили в состав крупного болгарского феодального княжества, по развитию хозяйства и культуры мало уступающего основным левобережным частям Булгарии. ... В юго-восточных поселениях встречается типичная болгарская посуда, сделанная на гончарном круге, и хорошего обжига, встречаются и другие многочисленные предметы, характерные для болгарских городищ того времени (Чуваши, 1956: 32).

Что касается физического типа чувашей, то здесь наблюдается много различий. Антрополог К.Ю. Марк пришла к выводу о том, что марийцы занимают промежуточное положение между мордвой и удмуртами, более приближаясь к последним. Исследовательница обнаружила у марийцев «большое сходство с чувашами», объясняя это участием марийцев в этногенезе чувашей, так и «тем, что марийцы, по всей вероятности, смешивались в некоторой степени с болгарями» (Димитриев, 2004: 104–105).

Главный вопрос заключается в том, почему у чувашей, несмотря на то, что они представляли результат тюркско-финно-угорской ассимиляции, болгарский язык закрепился, прочно сохранился и не поддавался влиянию финно-угорской языковой культуры. Наоборот, в чувашском языке совершенно ничтожным оказалось количество марийских заимствований. Вывод может быть только один: массив болгар, участвовавших в этногенезе чувашей, был, во-первых, количественно достаточно внушительным и, во-вторых, продолжал устойчиво сохранять в массовом сознании историко-культурную и языковую преемственность от болгарских предков.

Разногласица в вопросе этногенеза чувашей продолжает сохраняться по сей день. Главным дискуссионным вопросом была и остается проблема языка. Почему татарам, как полагают, прямым наследникам волжских болгар, не удалось сохранить болгарский Р-язык, а чувашам, которым ряд авторов отказывают в болгарском происхождении, это удалось? По нашему мнению, охранительную роль сыграло многовековое язычество чувашей. Молитвы, идущие из глубины веков, читались на языке предков. По-другому это и не могло происходить, поскольку по представлениям чувашей, молитвы не имели бы силу, а игнорирование родного языка рассматривалось как грех. Часть болгар, принявших ислам и мусульманские традиции, произнося молитвы на арабском языке,

в последующем став татарами и перейдя на «З»-язык, полностью потеряла основы болгарского языка. Арабографические надписи с чувашизмами на надгробных камнях XIII–XIV вв. теперь характеризуются как язык т.н. «койне». Объяснить, почему у чувашей сохранился болгарский язык, у казанских татар – нет, по-другому пока не удается.

Н.И. Воробьев практически не касается проблематики специфики языка чувашей. Для него главным основанием для суждений о происхождении чувашей служит материальная и отчасти духовная культура, которая имела очень много общего с марийской. Впрочем, традиционная татарская сельская материально-бытовая и хозяйственная жизнь так же особо сильно не отличалась от таковой у чувашских, марийских и удмуртских крестьян.

Проблема наследия языка волжских болгар до сих пор остается дискуссионной. Аргументированным является мнение о том, что на территории Болгарии функционировало два языка. Один из них – собственно болгарский, естественный – это язык огурского типа (тюркский язык с ротацизмом, ламбдаизмом и другими архаичными чертами). Он использовался какой-то частью болгарского населения и аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях. Об этом свидетельствуют надгробные эпитафии XIII–XIV вв. с территории Болгарии с текстами, написанными на этом языке арабской графикой. Окончательное исчезновение языка произошло в период Золотой Орды (втор. пол. XIV в.), причем под воздействием этнических процессов и экстралингвистических факторов (Татары, 2017: 84). Этот язык сохранился у чувашей.

В.Д. Дмитриев осуществил подборку примеров языкового взаимодействия чувашей-болгар и финно-угров. Он отмечает, что еще в VIII–IX вв. в соседстве с болгарями в Прикамье жили венгры, переселившиеся на Дунай в конце IX столетия. От этого времени, по данным А. Рона-Таша, в венгерском языке сохранилось около 600 слов, сходных с чувашскими. В нем еще в 1912 г. З. Гомбоцем было обнаружено 230 чувашизмов. Такие слова, как «бык», «теленк», «свинья», «курица», «плуг» (*ака*), «серп», «мялка» в венгерском языке являются чувашскими. Можно утверждать, что уже в IX в. болгары были оседлым народом, занимавшимся земледелием и скотоводством. Венгерский лингвист Г. Берецки, составляя этимологический словарь марийского языка, насчитал 1500 чувашских слов. Финский лингвист М. Ряснен в 1920 г. обнаружил в марийском языке более 500 чувашских слов. Среди них относящихся к скотоводству – 30, земледелию – 37, к средствам передвижения – более 20, к строительной терминологии – 20, к ремеслам и домашней утвари – 50, к пище и приготовлению ее – 15, к одежде – 17, к общественному быту, религии – более 20, к названиям родства – около 10. В удмуртском языке выявлено около 500, коми языке – порядка 300 чувашских слов. То, что вошло в указанные языки, было у самих болгар. Чувашизмы свидетельствуют о большом прогрессивном влиянии болгарской цивилизации на финно-угорские народы (Димитриев, 2004: 75).

С указанным выводом перекликаются наблюдения Р.Г. Ахметьянова:

Общность лексики, духовной культуры у народов Среднего Поволжья совокупно с другими языковыми, этнографическими и прочими данными позволяет утверждать, что культура всех этих народов сложилась из двух генетических элементов – тюркского (возможно – тюрко-монгольского) и финно-угорского (у каждого народа в разных пропорциях). Финно-угорский культурный элемент больше представлен у мордвы, тюркский – у башкир. Из финно-угорских народов наибольшей долей тюркской примеси обладают марийцы, а из тюркских народов наибольшей долей финно-угорской примеси – чувашаи. При этом у марийцев и чувашей угадывается еще некая монгольская культурная струя, отсутствующая у других народов». Тюркские примеси в культуре марийцев – в основном результат их слияния с болгарами (Ахметьянов, 1981: 129; Димитриев, 2004: 105).

Касательно этногенеза чувашей Н.И. Воробьев был честен, не кривил душой. Слабой стороной в его выводах об автохтонном (не болгарском) происхождении этого народа была доминантная опора на сходство материальной культуры чувашей и марийцев. Это не удивительно, ибо ученый являлся крупным специалистом по этой части культур народов Среднего Поволжья. Н.И. Воробьев во многом прав, указывая на то, что чувашаи – народ гибридный.

Этническое взаимодействие болгаро-чувашей и горных марийцев чувашские историки и этнографы объясняют так: в правобережье пришельцы-чувашаи (т.е. болгары) вытеснили часть горных марийцев в левобережье, а другую часть ассимилировали путем брачных связей и совместного проживания. В результате образовалась этнографическая группа верховых (*вирьял*) чувашей, у которых в материальной культуре отчетливо закрепилось марийское влияние. Основная часть правобережных чувашей и все левобережные чувашаи, в наиболее чистом виде сохранившие болгарскую материальную и духовную культуру, составили группу низовых чувашей (*анатри*). Позднее, в правобережье, между верховыми и низовыми чувашами образовалась группа средненизовых (*анат енчи*) чувашей. Участие марийцев в этногенезе чувашей имело место быть, причем в приличном объеме.

Н.И. Воробьев был одним из видных специалистов по материальной культуре народов Среднего Поволжья. Его увлеченность этой темой довлекла над его размышлениями об этногенезе чувашей. Материальная культура чувашей и марийцев, по сути, не сильно отличающаяся друг от друга, подсказывала ему единое этническое происхождение этих народов.

На наш взгляд, одним из слабых мест в этнографических изысканиях Н.И. Воробьева по этнической истории чувашей является его игнорирование фактора многовекового (вплоть до конца XVIII – середины XIX вв.) функционирования у них языческой религии. Имеющиеся источники, а также труды

П.В. Денисова, А.А. Трофимова, А.К. Салмина и Е.А. Ягафовой позволяют утверждать, что дохристианская религия чувашей была явлением гораздо более сложным, чем обычно понимается под религией, и о ней нельзя судить как о фрагментарном, несистемном явлении. В специфических условиях дохристианской эпохи в истории чувашей языческая религия выступала не только средством удовлетворения духовных потребностей, но и выступала в качестве единственной этноконсолидирующей идеологии. В условиях территориальной рассеянности и постоянной угрозы отатаривания (вплоть до начала кампании насильственной христианизации сер. XVIII в.) принадлежность к язычеству являлась, наряду с языком, главным этническим маркером чуваш.

Вклад Н.И. Воробьева в изучение этнографии чувашского народа пока не оценен в полной мере. На уровне знаний о чувашах середины XX в. им была проделана колоссальная работа по освещению основных характеристик материальной культуры народа. Огромная заслуга ученого в том, что он практически явился первым исследователем, предпринявшим попытку изложения разных версий этногенеза чувашского народа. Своими «автохтоничными», «финно-угорскими» идеями по данной проблеме он в какой-то мере простимулировал к творчеству молодых чувашских историков – В.Ф. Каховского и В.Д. Дмитриева.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (Опыт этнографического исследования). Казань: Дом татарской культуры, 1930. Т. II.

Воробьев Н.И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 66–78.

Воробьев Н.И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953.

Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары: Чув. НИИЯЛИЭ, 1984.

Дмитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. 3-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003.

Мессарош Дюла. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000.

- Никольский Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004.
- Петров М.П. (Тинехпи). О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925.
- Татары. 2-е изд. М.: Наука, 2017.
- Третьяков П.Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 44–53.
- Трофимова Т.А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 55–65.
- Чуваши. Этнографическое исследование. Часть первая. Чебоксары: Чуваш. госиздат., 1956.
- Чуваши. Этнографическое исследование. Часть вторая. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970.
- Чуваши. История и культура. Историко-этнографическое исследование в двух томах. Том 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
- Чуваши. М.: Наука, 2017.

REFERENCES

- Akhmetyanov R.G. (1981) *General lexicon of the spiritual culture of the Middle Volga region peoples*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- The Chuvash (2017). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Dimitriev V.D. (2004) *Questions of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people*. Collection of articles. Cheboksary: Chuvash University Publ. (In Russ.)
- Dmitriev V.D. (1984) On the last stages of the ethnogenesis of the Chuvash. In: *The Bulgars and the Chuvash*. Cheboksary: Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics Publ. (In Russ.)
- Kakhovsky V.F. (2003) *Origin of the Chuvash people*. 3rd ed. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)
- Messaros Gyula (2000). *Monuments of the old Chuvash faith*. Cheboksary: ChGIGN Publ. (In Russ.)
- Nikolskiy N.V. (2004) *Collected works in four volumes*. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)
- Petrov M.P. (Tinekhipi) (1925). *About the origin of the Chuvash*. Cheboksary. (In Russ.)
- The Tatars* (2017). 2nd ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- The Chuvash. An ethnographic study* (1956). Part one. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)
- The Chuvash. An ethnographic study* (1970). Part two. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)
- The Chuvash. History and culture. Historical and ethnographic study in two volumes* (2009). Vol. 1. Cheboksary: Chuvash Book Publ. (In Russ.)
- Tretyakov P.N. (1950) The question of the origin of the Chuvash people in the light of archaeological data. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 44–53. (In Russ.)
- Trofimova T.A. (1950) Anthropological materials on the question of the origin of the Chuvash. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 55–65. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars (An ethnographic study)*. Vol. 2. Kazan: House of Tatar Culture Publ. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1950) Ethnogenesis of the Chuvash People based on ethnographic data. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 3: 66–78. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1953) *The Kazan Tatars: An ethnographic study of the material culture of the pre-October period*. Kazan: Tatgosizdat Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Иванов Виталий Петрович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Московский пр., 29, корп. 1, Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-2097-9905>; e-mail: human2000@yandex.ru

About the author: Vitaly P. Ivanov, Doctor Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Fellow of the Ethnology Section of the historical direction, Chuvash State Institute of Humanities (29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-2097-9905>; e-mail: human2000@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 23.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 6.09.2024

Принята к публикации / Accepted 9.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787>

EDN: MJGYIK

Вклад Н.И. Воробьева в районирование этнографических групп чувашей (по данным этнографии)

Г.Б. Матвеев*Чувашский государственный институт гуманитарных наук**Чебоксары, Российская Федерация**matweev.georgij@yandex.ru*

Резюме. Н.И. Воробьев внес большой вклад в сравнительное изучение истории расселения и традиционной культуры этнографических групп чувашей, их межэтнического взаимодействия с контактируемыми этносами. Основой для выделения им трех этнографических комплексов послужили особенности, как обладавшие архаическим признаком, так и вновь образованные. Касаясь истории формирования этнографических групп, исследователь утверждал, что население северо-востока Чувашского Поволжья восприняло в своем быту больше южных тюркских влияний. Оно стало отличаться по языку и быту от северо-западного населения, хотя и сохранило с ним общность в главных элементах языка, культуры и быта. Нельзя считать обоснованным вывод Н.И. Воробьев о том, что основные этнографические группы чувашей, какими он считал верховых *вирьял* и низовых *анатри*, окончательно формируются в течение XV в. в северных районах Чувашии в результате сближения коренного населения этих районов с пришельцами с юга. Работа этнографических экспедиций по районам Чувашии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. показала, что архаический комплекс был наиболее характерен для костюма средненизовых чувашей *анат енчи*, которых Н.И. Воробьев считал средней или смешанной этнографической группой. В целом эту группу он представлял как часть *анатри*, которые изменили свой быт под влиянием заимствований у татар. Авторским коллективом под руководством ученого была подробно разработана классификация чувашей по группам и подгруппам на основе народного костюма. Н.И. Воробьев впервые выделил три подгруппы в составе *анатри*. Пограничная зона между *анатри* и *анат енчи*, которая нешла четкого определения у предшественников, в частности Г.И. Комиссарова, Н.И. Воробьевым также не была обозначена. Костюм верховых сформировался в результате взаимодействия с горными марицами, хотя и в нем не были вытеснены многие признаки, объединяющие его прежде всего с костюмом *анат енчи*. Исследователи подчеркивают, что разительные внешние отличия, которые фиксировались у верховой чувашки северо-западной подгруппы и низовой чувашки *хирти*, не нарушали единой культурной общности чувашского народа. Следует отметить актуальность нерешенной экспедициями конца 1940-х – начала 1950-х гг. задачи более детального обоснования культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе этнографических групп чувашей, подразделяющихся на четыре подгруппы в верховой зоне и по три в средненизовой и низовой.

Ключевые слова: этнографические группы и подгруппы чувашей, татары, марицы, народный костюм.

Для цитирования: Матвеев Г.Б. Вклад Н.И. Воробьева в районирование этнографических групп чувашей (по данным этнографии). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 774–787. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787> EDN: MJGYIK

N.I. Vorobyev's contribution to the zoning of ethnographic groups of the Chuvash (according to ethnography)

G.B. Matveev

Chuvash State Institute of Humanities

Cheboksary, Russian Federation

matveev.georgij@yandex.ru

Abstract. N.I. Vorobyev made a great contribution to the comparative study of the history of settlement and traditional culture of the ethnographic groups of the Chuvash, their interethnic interaction with the contacted ethnoses. He identified three ethnographic complexes based on the features, both those that had archaic signs and newly formed ones. Regarding the history of the formation of ethnographic groups, the researcher argued that the population of the north-east of the Chuvash Volga region perceived more southern Turkic influences in their everyday life, began to differ in language and way of life from the north-western population, although they retained commonality with it in the main elements of language, culture and lifestyle. His conclusion that the main ethnographic groups of the Chuvash, as he considered the upper Viryal and lower *Anatri*, were finally formed during the 15th century in the northern regions of Chuvashia as a result of the rapprochement of the indigenous population of these areas with newcomers from the south, cannot be considered justified. The work of ethnographic expeditions in the Chuvash regions in the late 1940s and early 1950s, she showed that the archaic complex was most characteristic of the costume of the middle-aged Chuvash *Anat enchi*, although N.I. Vorobyev considered them an average or mixed ethnographic group. In general, he represented that group as part of the *Anatri*, who changed their way of life under the influence of borrowing from the Tatars. The author's team, under the guidance of the scholar, developed in detail the classification of the Chuvash into groups and subgroups based on folk costume. N.I. Vorobyev for the first time identified three subgroups as part of *anatri*. The border zone between *Anatri* and *anat yenchi*, which was not clearly defined by its predecessors, in particular G.I. Komissarov, N.I. Vorobyev, was also not resolved. The riding costume was formed as a result of interaction with the mountain Mari people, although many features that unite it primarily with the *anat Enchi* costume were not replaced in it. The authors emphasise that the striking external differences that were recorded in the riding Chuvash northwestern subgroups and grassroots chuvashki *hirti*. They did not violate the common cultural community of the Chuvash people. It should be noted that the task of a more detailed substantiation of cultural and linguistic areas at the level of subgroups within the ethnographic groups of the Chuvash, divided into four subgroups in the upper zone and three in the middle and lower ones, unresolved by the expeditions of the late 1940s – early 1950s, remains relevant.

Keywords: ethnographic groups and subgroups of the Chuvash, Tatars, Mari, folk costume.

For citation: Matveev G.B. (2024) N.I. Vorobyev's contribution to the zoning of ethnographic groups of the Chuvash (according to ethnography). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 774–787. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.774-787> (In Russ.)

Экспедиции 1949–1953 гг., проводившиеся Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, Чувашским краеведческим музеем и Казанским филиалом Академии наук СССР, были призваны оживить изучение материальной и духовной культуры чувашей по всем этно-

графическим группам и подгруппам. Вопрос о разделении чувашей на группы и сравнительно-историческом изучении отдельных подразделений этого народа поднял Н.И. Ашмарин. Из этнографов проблему впервые серьезно поставил и в целом удачно осветил Г.И. Комиссаров, которым были сформулированы основные принципы районирования специфических черт языка и культуры чувашей в Чувашском Поволжье. Работая над составлением этнографической карты Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии, ученый внимательно изучал особенности костюма, диалектов верховых чувашей, менее глубоко – «центральную» и «восточную» группу (средненизовые), лишь в общих чертах – низовую зону (Комиссаров, 1911). «Низовых чувашей Г.И. Комиссаров, как и большинство дореволюционных этнографов, изучил менее подробно и не разделил их на подгруппы», – подчеркивал Н.И. Воробьев (Воробьев и др., 1956: 76). По мнению исследователя, самое подробное описание чувашских одеяний сделано Г.И. Комиссаровым и Н.В. Никольским, хотя по работам последнего трудно получить полное представление об одежде отдельных групп. Краткая, но в то же время четкая характеристика женского костюма дана в научном отчете Н.И. Гаген-Торн (Воробьев и др., 1956: 17–19).

Таким образом, более детальное изучение культурно-языковых ареалов на уровне подгрупп в составе трех этнографических групп чувашей (в структуре чувашского этноса таксон «субэтнос» отсутствует) представлялось неотложной задачей. Отрядами указанной экспедиции под руководством профессора Н.И. Воробьева было проведено обследование всех основных этнографических групп чувашей и их подгрупп. Различия между подгруппами послужили основой этнографического районирования. Было выявлено, что определенные отличия одежды внутри основных групп в большинстве случаев совпадают с распространением отдельных диалектных особенностей и говоров (Воробьев и др., 1956: 251). Действительно, картосхемы этнографических групп и диалектов, выполненные этнографами и лингвистами, по признанию специалистов, совпадают в значительной степени. Н.И. Воробьев полагал, что еще в недавнем прошлом целый ряд языковых (диалектальных) и бытовых отличий представлял собой наследие древнейших времен (Воробьев и др., 1956: 76).

Вслед за Н.И. Ашмариным Н.И. Воробьев указывает на большую близость отношений северо-западной подгруппы верховых чувашей и горных марийцев, вплоть до перекрестных браков, бытовавших в изучаемый период (середина XX в.). Предположение ученых о тесном контакте с марийцами развивал чувашский лингвист М.Р. Федотов (Федотов, 1990: 43). Эволюция чувашского языка на этапе становления этнографических групп лингвистами связывается, прежде всего, с северной половиной современной Чувашии.

Н.И. Воробьев уточнил границы расселения низовых чувашей до присоединения к Русскому государству и отметил, что *анатри* занимали северо-восточную часть современной Чувашии «и, возможно, северо-западную часть Правобережья Татарстана до реки Свияги – на восток и реки Кубни – на юг».

Он опирался на материалы исторических преданий: «Здесь среди современного татарского населения сохранялись предания, что их предки селились среди чуваш, а последние частью отатарились, а частично же ушли в другие места» (Воробьев и др., 1956: 36). Предания свидетельствуют о том, что на Свяиге чувашаи являлись старожилами.

В этнокультурных признаках юго-восточных *анатри* Н.И. Воробьев видел в основном тюркские формы, которые он называет характерными «местными формами», то есть генетическими. В южном населении он признавал «в основном болгарский быт». «Незначительные примеси» у низовых «северных бытовых форм» связывал с этнокультурными признаками верховых чувашей (Воробьев и др., 1956: 36). Такое соотношение признаков историком В.Д. Дмитриевым объясняется тем, что в период освоения «дикого поля» на юго-восток переселялись средненизовые чувашаи *мал енчи* (восточные), с верховой зоны *кай енчи* (западные) переселенцев на дикое поле было незначительно. В формировании подлесной подгруппы низовых чувашей участвовали обе группы – и средненизовые и верховые (Дмитриев, 2004: 97).

Этнографическая группа средненизовых *анат енчи* неоднозначно трактуется чувашскими лингвистами и этнографами. Многие языковеды характеризуют ее как среднюю или переходную группу (СД–диалект) между верховыми и низовыми. В частности, названия подгрупп средней (средненизовой) группы Т.М. Матвеев не определил четко из соображения того, что она не более чем переходная (Матвеев, 1960: 53–54). Эту слабую сторону в классификации этнографических групп исправил Н.И. Воробьев, заметивший, что большинство лингвистов и этнографов эту группу не выделяет (Воробьев и др., 1956: 36). Между тем, еще Н.И. Ашмарин подчеркивал, что средненизовые ранее назывались *анатри*. На первых порах он полагал, что эта группа составляет как бы переходную зону от *вирьял* к *хирти* (степная или юго-восточная подгруппа низовых) (Ашмарин, 1960: 65).

Н.И. Воробьевым была отмечена заслуга этнографа Г.И. Комиссарова, который впервые достаточно точно локализовал группу *анат енчи* и подчеркивал, что по языку она (точнее, ее северо-западная подгруппа) ближе к верховым, а по быту, особенно по женской одежде, к низовым, но все же отличается и от тех, и от других. Ее представители отличают себя от обеих основных групп и называют себя *анат енчи*. Н.И. Воробьев справедливо полагал, что эта группа сохранила большое количество древних бытовых черт низовых чувашей. Например, здесь бытовали такие особенности одежды, о которых у *анатри* имеются только воспоминания. Последние изменили свой быт, много позаимствовав у татар, с которыми живут рядом в течение длительного времени и влиянию которых они подвергались (Воробьев и др., 1956: 37).

Предложенный Н.И. Воробьевым вариант выделения трех подгрупп в структуре средненизовых имеет определенные основания. Это хорошо видно при сопоставлении с картой диалектологов. Северо-западную часть этой группы специалисты относят к верховому диалекту, в связи с чем сочетание окаю-

щего говора и тех этнографических признаков, которые сближают ее с другими подгруппами *анат енчи*, могут быть основанием для выделения отдельной нижнецивильской подгруппы. Она охватывает зону нижнего течения Большого Цивилия и его левых притоков Унга и Рыкша, на западе граничит с выловолжской или средней группой верховых по линии Кугеси-Синьялы, на юго-востоке ее территория ограничена лесополосой. Следует отметить, что во второй половине XVI–XVII вв. с территории бывших Рунгинской, Сундырской, Кошкинской, Кувшинской, Шерданской (центр – д. Яндашево) волостей Чебоксарского уезда (зона *анат енчи*), на запад и на юг направлялись потоки мигрантов. Распределение материнских селений по этнографическим группам в первой четверти XVIII в. представляется таким: средненизовая зона – не менее 300 пунктов, верховая – около 100, низовая – более 100 деревень¹.

Н.И. Воробьев одним из первых касался вопроса заселения южной части Чувашии и образования новых селений. Он опирался на материалы опубликованных источников, а также топонимики и исторические предания. С середины XVI в., после возведения укрепленных линий, чувашаи с северных районов переселяются на юг. Вновь образованные селения назывались по-новому, нередко сохранив названия материнских деревень. Население новых территорий оформлялось как низовое, с некоторыми отличиями от *анатри* северных районов, образующих отдельную подгруппу (Воробьев и др., 1956: 41). Следует отметить, что Н.И. Воробьев не учитывал переселение чувашей из Казанского уезда, которыми были основаны многие чувашские селения Тетюшского уезда Казанской губернии, Буинского и Симбирского уездов Симбирской. Историком В.Д. Дмитриевым одновременно с томом «Чуваши» (1956 г.) была издана работа, посвященная образованию в XVI–XVIII вв. новых поселений в южной части Чувашии (Дмитриев, 1956: 173–218).

Н.И. Воробьев обратил внимание на особенности межэтнических контактов при формировании двух новых подгрупп низовых чувашей – степной *хирти* (юго-восточная часть) и подлесной (вдоль сурских лесов), последнее название было предложено им. *Хирти* имели более тесное соприкосновение с казанскими татарами, которые «переселялись на юг из района Свияжска, и восприняли у них некоторые бытовые черты. А подлесные, соприкасавшиеся с мордвой и татарами-мишарями, в свою очередь, переняли некоторые мордовские и татаро-мишарские бытовые элементы» (Воробьев и др., 1956: 41). Такие выводы Н.И. Воробьева были объективные, хотя и требуют уточнения. В частности, особенность говоров степной подгруппы (локализуется в пределах Чувашии, Предволжья Татарстана и северной части Ульяновской области) языковедами объясняется чересполосным характером расселения четырех этносов: чувашей, татар (носители казанско-татарского и мишарского диалектов), мордвы (представлены и мокшанский, и эрзянский диалекты), русских. В контактных зонах При-

¹ Подсчитано нами по: (Дмитриев, 2006: 4–34, 41–43).

связья исследователями были выявлены следы их взаимовлияния (Сергеев, 2007: 291–292; Долгова, 2015: 87–111; Егоров, 2017: 400).

В томе «Чуваши» размещена карта расселения народов на территории Чувашии с районированием этнографических групп и подгрупп (Воробьев и др., 1956: 75). Карта очень мелкого формата (менее половины страницы), однако она снабжена градусной сеткой. В основу картосхемы положена «Этнографическая карта» Г.И. Комиссарова и объяснительная записка к ней (Комиссаров, 1911; Комиссаров, 1912: 448–455). Не вызывают особых возражений границы зоны расселения верховых чувашей, показанных на картосхеме Н.И. Воробьева (Воробьев и др., 1956: 75). В целом карта совпадает с районированием Т.М. Матвеева и П.И. Орлова (корреспондента Н.И. Ашмарина) (Ашмарин, 1929: 224–225).

В составе верховых чувашей Н.И. Воробьевым были выделены четыре подгруппы: 1) северо-западная (сундырская), 2) красночетайская (курмышская), 3) средняя, 4) юго-восточная. Исследователь опирался на картосхему Т.М. Матвеева, выделившего из средней подгруппы курмышскую (Матвеев, 1930: 110–111). В этнической специфике курмышской подгруппы Н.И. Воробьев отмечал черты, образовавшиеся в результате контактов с русскими. Северо-западная подгруппа *вирьял* отделилась от средней подгруппы благодаря более тесному культурному сближению с горными марийцами (Воробьев и др., 1956: 74–76). Языковеды О.А. Мудрак и А.В. Савельев выдвигают версию о первичном делении прачувашского языка на северо-западный диалект и общечувашский (Мудрак, 1993: 95; Савельев, 2018: 101–102). Соответственно культурно-языковой комплекс северо-западной подгруппы имеет специфические, в т.ч. прачувашские, особенности. Чувашские языковеды подчеркивают, что в формировании этой подгруппы более значителен горномарийский субстрат, чем у средней подгруппы. На рубеже XIX – нач. XX вв., когда Н.И. Ашмарин изучал говор сундырской подгруппы, продолжалось активное взаимодействие и взаимовлияние чувашей и марийцев (Ашмарин, 1898: 73–74). Красночетайская (курмышская) подгруппа была образована выходцами из сундырской (северо-западной) подгруппы *вирьял*, вместе с тем в нее вошли мигранты из зоны расселения *анат енчи* (территория Чебоксарского и Свияжского уездов) (НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 191. Л. 1422–1432). Н.И. Воробьев не определил особенность юго-восточной подгруппы *вирьял*. Как отмечает Е.А. Ягафова, первичные признаки традиции лучше сохранились в южной части верховой зоны (Ягафова, 2007: 355). Эти четыре подгруппы верховых указаны в томе «Чуваши» (2017 г.).

При обозначении подгрупп средненизовых чувашей Н.И. Воробьев в целом присоединился к мнению Г.И. Комиссарова, который картографировал в составе *анат енчи* две подгруппы: северо-западную и юго-западную. Ученый считал, что расположенные южнее низовые чувашаи расселены на значительной территории и занимают часть северо-востока и весь юг республики. Северо-западную границу низовых, отделяющую их от *анат енчи* и *вирьял*, он проводит от устья Большого Аниша в сторону п. Вурнары. Н.И. Воробьев не без ос-

нования отмечал, что в группе *анат енчи* по ряду признаков можно выделить *козловскую* подгруппу в границах Козловского района (Воробьев и др., 1956: 74).

На картосхеме Н.И. Воробьева в отличие от Г.И. Комиссарова граница между *анат енчи* и *анатри* проведена южнее: по линии Вурнары – Чурачики Цивильского – Андреево-Базары и Тюрлема Козловского районов (ныне муниципальных округов). Бассейны рек Малого Цивилия и Ари им были включены в низовую зону. Н.И. Воробьев не принял во внимание данные П.И. Орлова, который границу между *анат енчи* и *анатри* прослеживал по железнодорожной линии Ибреси-Тюрлема, примерно совпадающей с бывшей лесополосой, разделявшей «дикое поле» от бассейна реки Цивилия (Ашмарин, 1928: 224–225; Родионов, 217: 180).

Н.И. Воробьев констатировал, что границы не только между подгруппами чувашей, но и группами чувашей представляются условными, резких переходов между ними практически не имеется, да и само население, отличая себя от других групп, обычно не в состоянии достаточно точно обозначить границы групп и подгрупп. Как показали этнографические экспедиции 1950-х гг., отличия между группами по диалектным особенностям языка, по признакам традиционной одежды постепенно стирались (Воробьев и др., 1956: 73).

Следует отметить, что у этнографов, языковедов и музыковедов имеются расхождения в районировании границы между *анат енчи* и *анатри*. В частности, Н.И. Гаген-Торн при картографировании костюмных комплексов чувашей границу между *анат енчи* и *анатри* указывала южнее – по реке Кубня (Гаген-Торн, 1960: 30–33). Группу низовых говоров Т.М. Матвеев также определял территорией к югу от этой реки (Матвеев, 1960: 59). Е.А. Ягафова переходную зону между ареалами данных групп разграничивает междуречьем Уты/Ари и Кубни (Ягафова, 2017: 89), музыковеды ее фиксируют в бассейне реки Ута, что близко к варианту разграничения по лесополосе (Кондратьев, 1982: 112–125).

Экспедициями 1950-х годов было выявлено, что специфические черты подгрупп низовых (северная, степная, подлесная) по этнографическим особенностям, в отличие от языковых, выступают весьма ясно. Южная граница северной подгруппы была определена бассейном реки Урюм. Подгруппа *хирти* (степные) на картосхеме Н.И. Воробьева была обозначена к востоку от линии Тобурданово (ныне Канашского МО) – Шемурша до южной границы республики (Воробьев и др., 1956: 76). Однако авторами тома «Чуваши» были оставлены без внимания *анатри* южной периферии низовой зоны. Не были районированы чуваша, проживающие в Буинском, Тетюшском и Дрожжановском районах ТАССР и Цильнинском районе Ульяновской области.

Этнокультура подгрупп низовых чувашей, как показывают полевые исследования второй половины XX – нач. XXI вв., является результатом взаимодействия и трансформации культурных комплексов средненизовых (в большей степени) и верховых чувашей (в меньшей степени). Этнокультурные комплексы подгрупп *анатри* сложились в первую очередь на основе традиций *анат енчи*

аниш-кубнинского междуречья (юго-восточной и козловской подгрупп) (Ягафова, 2007: 166).

Картографирование этнографических материалов, как отмечено выше, наиболее успешно проводилось по чувашскому костюму. Н.И. Воробьев предполагал существование изначального единства структуры прежде всего костюмов *анат енчи* и *анатри*. Архаический комплекс, как он считал, можно связывать с болгарскими предками и он наиболее характерен для костюма *анат енчи*. В костюме *анатри*, в котором сохранялись архаические признаки, было сильным татарское влияние (Воробьев и др., 1956: 341–342).

Исследователи единодушны в том, что костюм верховых чувашей сформировался в результате взаимодействия с горными марийцами, хотя и в нем сохранились многие признаки, объединяющие его прежде всего с костюмом *анат енчи*. В целом общечувашский комплекс в тех или иных вариациях четко просматривался в традиционном костюме во всех этнографических группах. В томе «Чуваши» картографируются как отдельные элементы одежды и украшений, так и территориальные костюмные комплексы (Воробьев и др., 1956: 335–342). Однако, как отмечает Е.А. Ягафова, проблема типологии чувашского традиционного костюма авторами не была до конца разрешена, то есть характеристика комплексов костюма всех групп и подгрупп требовала уточнений (Ягафова 2007: 48–49).

Сурпан – один из показательных головных уборов этнографических групп, различавшиеся по размерам, ориентации, способам ношения. В основном сходными были сурпаны *анат енчи* и *анатри*, другими были внешний вид и характер ношения данного убора у верховых чувашек, которые голову сурпаном не закрывали. *Сурпан* подчеркивал различия между подгруппами. Сурпаны *анат енчи* и *анатри* представляли второй тип (первый тип – сурпаны *вирьял*). Они соответствуют татарским тастарам первого типа. Способ ношения сурпана – средненизово-низовой. Полное сходство наблюдается между сурпанами низовых и тастарами молькеевских кряшен, сходство в композиции декора конечной части убора – с тастарами мишарей (Воробьев, 1927; Ягафова, 2007: 55). Группы *вирьял* и *анат енчи* объединяет *масмак* (длинный у первых и короткий у вторых), к которому прикреплялся *сурпан*. Н.И. Воробьев полагал, что *масмак* достался чувашам от финно-угорских предков. По данным чувашских языковедов, от чувашей марийцами был заимствован (точнее, трансформирован) ряд терминов, обозначающих предметы одежды и украшений, например: *хушпу/хошпу* > *ошпу* головной убор, *пёркенчёк* > *вёргенчык* / *пёртенчык* покрывало, *сурпан* > *шарпан* полотенчатый головной убор, *масмак* > *нашмак* (Федотов, 1990: 69). Тем не менее, Е.А. Ягафова допускает генетическую связь *масмака* с финно-угорской традицией (Ягафова, 2007: 56).

В томе «Чуваши» авторами были выделены вариации женского костюма всех групп и подгрупп. Так, в северо-западной подгруппе верховых рубашки носились с большим напуском, считающимся финно-угорским признаком ношения рубахи. С севера на юг расселения *вирьял* напуск рубашки уменьшался.

Полотенчатый головной убор *сурпан* обтягивал шею средней частью и прикалывался к концам длинной налобно-теменной повязки *масмак*. Носили нагрудное украшение *хёрес сакки* с крестом, *ама* (также нагрудное украшение) встречалась реже.

В средней группе напуск рубахи был меньше, существовало несколько типов ношения сурпана, одевали *хушпу* цилиндрической формы и перевязь первого типа чаще. Больших размеров достигали нагрудные украшения, восходящие к фибулам, – *шўлкеме* и *сурпан сакки*.

В красночетайской подгруппе рубашка не имела напуска, *сурпан* носился несколько иначе, отличался декоративностью свадебный костюм. В юго-восточной подгруппе тип ношения сурпана имел сходство со средненизовыми. *Хушпу* здесь бытовало как на твердой основе цилиндрической формы (более архаический тип), так и на мягкой. Другие авторы отмечают переходной характер костюма данной подгруппы. В костюме чувашей юга верховой зоны традиционные элементы сохранились лучше, чем в ее северной части (Ягафова, 2007: 58). В частности, здесь бытовали сурпаны, сходные со способом повязывания тастаров касимовских татар и мишарей Темниковского уезда (Суслова, Мухамедова, 2000: 155).

Авторы тома «Чуваши» подчеркивают сходство сорпанов северо-западной и средней подгрупп с шарпаном горных марийцев. Чувашские нагрудные украшения *шўлкеме* и *сурпан сакки* восходят к шумящим подвескам, представленным у мордвы-мокши и горных марийцев (Гаген-Торн, 1960: 77). Невысокий головной убор *хошпу* группы *вирьял* имел сходство с *ошпу* марийцев, бесермян (*кашпу*), мишарей (*кашпау*) и башкир (*кашмау*).

Н.И. Воробьев подчеркивал, что трудным является вопрос о близости первой подгруппы к одежде горных марийцев. Считать этот комплекс влиянием чувашей на марийцев, или наоборот, весьма сложно. Можно предположить, что этот комплекс создавался представителями обоих народов совместно (Воробьев и др., 1956: 340). Действительно, старинный костюм у *вирьял* в XVIII в. был вытеснен другим комплексом одежды, который можно называть вирьяльско-горномарийским. Единообразие костюма сундырской подгруппы и горных марийцев создавалось в результате тесного взаимодействия и совместного творчества представителей двух народов. Как отмечал С.М. Михайлов, в Козьмодемьянском уезде «костюмы в старину были такие, какие ныне у низовых чуваш (*анат енчи*) Цивильского и Чебоксарского уезда» (Михайлов, 1972: 78). В плане культурной реконструкции происходили обоюдные языковые заимствования между северо-западной подгруппой *вирьял* и горными марийцами (Савельев, 2021: 8).

Сходные черты в одежде и орнаментированном искусстве средненизовых и низовых чувашей и луговых марийцев, по мнению А.А. Трофимова, отражают более древние времена, чем те, когда складывались отношения между верховыми чувашами и горными марийцами (Трофимов, 1977: 38). Большое сходство

с чувашским, в частности, с северной подгруппой *анатри*, имеет костюм моркинской подгруппы луговых марийцев (Молотова, 1992: 60).

Рубашка *анат енчи* и *анатри* рядом деталей, в частности, со скошенными боковыми клиньями, нагрудными вышивками и расшивкой рукавов, отличалась от рубашки верховых. По мнению Н.И. Воробьева, она была рубашкой болгар, живших в бассейне р. Свияги (Воробьев и др., 1956: 340). Болгарскими же костюмом комплексе *анат енчи* и *анатри* могут являться, как он предполагал, головные уборы *сурпан*, *хушпу*, *пуç тутри*, *чалма* (у *анат енчи*), *тухъя*. От болгарских предков чувашаи получили ожерелья, перевязь, браслеты и т.п. О болгарском происхождении указанных вещей у чувашей говорят приводимые В.Н. Белицер факты близости одежды чувашей и бесермян (Белицер, 1951: 100–106).

Женщины носили *хушпу* цилиндрической или конической формы. Головную повязку *чалма* (или *пуç тутри*), отличавшуюся по типам, повязывали поверх сурпана женщины восточной подгруппы *анат енчи* и юго-восточной подгруппы *вирьял*, северные и южные *анатри*. У казанских татар *тастар* также закреплялся повязкой *аулык*. Существует мнение, что подобное соединение головных уборов у чувашей произошло по аналогии с предками казанских татар. Н.И. Воробьев не исключал, что так его носили отатарившиеся чувашаи (Воробьев и др., 1956: 313).

В южной части *анат енчи* было заметно влияние *анатри*, где носили рубашки с оборками. В козловской подгруппе отличием являлся особый тип *масмака*, близкого к башкирскому *хараусу*, более высокое одевание *сурпана*. Северная подгруппа *анатри* по костюму сближалась с *анат енчи*, у которых больше сохранялись пережитки прошлого.

У чувашей всех групп встречалось несколько типов перевязи *тевет*. К одному типу относились перевязи ряда подгрупп верховых и средненизовых, второй тип был представлен у низовых и северо-западной подгруппы верховых. Это украшение объединяет чувашей с тюркскими народами (Воробьев и др., 1956: 328–329). В северной и степной подгруппах *анатри* перевязь называют *касите / хасите*, что имеет аналоги с перевязями *дэвэт* и *хэсите* казанских татар (Суслова, Мухамедова, 2000: 234). Чувашки подгруппы *хирти* в некоторых местностях заимствовали от татар длинный вязаный колпак, надеваемый женщинами на *хушпу* (Воробьев и др., 1956: 312).

Тюркские черты в костюме Н.И. Воробьев определял преимущественно по поздним заимствованиям от татар. Они отмечены в рубашках, головных уборах и украшениях низовых чувашей. Так, рубашка претерпела существенные изменения в крае и декоре с появлением пестряди, оборок. Новые элементы вначале были зафиксированы в районах тесных контактов с татарами, затем распространялись на север и запад, охватив все группы *анатри* и южную зону *анат енчи*. Е.А. Ягафова отмечает непоследовательность Н.И. Воробьева в картографировании костюма, вслед за языковедами считавшего основными верховой и низовой комплексы при игнорировании средненизового как базового, которому были присущи старинные тюркские признаки (Ягафова, 2007: 49). Промежу-

точный характер одежды *анат енчи* был очевиден на позднем этапе – так считал И. Воробьев. С вирьяльским имел сходство костюм северо-западной подгруппы, *анатри* – остальных подгрупп *анат енчи*. Старинные типы рубахи *анат енчи* и *анатри* не отличались, они носили один пояс (у *вирьял* одновременно употреблялись три вида поясов) (Воробьев и др., 1956: 263–277).

Н.И. Воробьев ограничился описанием *хушпу* на мягкой основе, хотя старинные были на кожаной, но оба сосуществовали, представляя два разных типа головных уборов (Ягафова, 2007: 57). Однако он отметил эволюцию твердых конусообразных уборов в *хушпу* на мягкой основе, сохранение первоначальной формы (высокие у большей части *анат енчи* и *анатри*). У *анатри* два типа *хушпу* выступают в числе элементов при районировании подгрупп: конусообразные (северная и степная) и полусферическое (подлесная) (Воробьев и др., 1956: 310).

Н.И. Воробьев справедливо отмечает, что многие элементы костюма окончательно сформировались на базе прежних черт уже в свияжско-сурском междуречье. Костюм верховых представляет собой продукт совместного творчества чувашских и горномарийских женщин, в нем сохранилось немало рудиментов, остатков старины, в том числе *сорпан*, *сарй*, *масмак*, имеется множество фактов и признаков бытования хошпы (формы цилиндра) и тохьи в прошлом. Влияние татар распространилось на низовых чувашей, особенно на юго-восточную подгруппу *хирти*, оно не дошло до верховых чувашей (Воробьев и др., 1956: 387).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

НА ЧГИГН. Отд. 3. Ед. хр. 191. Л. 1422–1432.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 65–79.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Казань: Красный печатник, 1928. Вып. I. С. 224–225. Статья «Анатри чăваш».

Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник научного общества татароведения. № 8. Казань, 1928. С. 100–112.

Воробьев Н.И., Львова А.Н., Романов Н.Р., Симонова А.Р. Чуваша. Этнографическое исследование. Ч. 1. Материальная культура / под ред. М.Я. Сироткина и В.Л. Кузьмина. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956.

- Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.
- Димитриев В.Д.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. XIV. С. 173–218.
- Димитриев В.Д.* К вопросу о сложных общинах Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. Вып. XXIII. С. 196–228.
- Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII в. Справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2006.
- Долгова А.П.* Этноязыковая культура чувашей Присвияжья // Чуваши Присвияжья: история и культура / под ред. В.П. Иванова, Г.Б. Матвеева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 87–111.
- Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое Время, 2017. Книга 1.
- Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954.
- Комиссаров Г.И.* К «Этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов» (Объяснительная записка) // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4–5. С. 448–455.
- Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань: Типо-литография Имп. университета, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 311–432.
- Кондратьев М.Г.* К вопросу о диалектологии чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 112–125.
- Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Яфетический сборник. Л.: Изд-во АН СССР. 1930. Вып. VI. С. 100–151.
- Матвеев Т.М.* Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1.
- Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972.
- Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1992.
- Мудрак О.А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
- Савельев А.В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // XI Международный симпозиум «Языковые контакты народов Поволжья и Урала»: сб. статей / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 95–104.
- Савельев А.В.* Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива // Урал-алтайские исследования. 2021. № 1. С. 77–100.
- Сергеев Л.П.* Чăваш диалектологийĕ: словарь-справочник. Шупашкар: Чăваш патш. пед. ун-чĕ, 2007.
- Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – XX вв.). Казань: Фен, 2000.
- Трофимов А.А.* О чувашской вышивке XVIII века // О чувашском искусстве. Вып. 75. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. С. 38–53.
- Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. С.И. Галкина. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990.
- Чуваши. М.: Наука, 2017.

REFERENCES

- Ashmarin N.I. (1928) *Dictionary of the Chuvash language*. Article “Anatri chävash”. Kazan: Red Printer. Vol. I: 224–225. (In Russ.)
- Ashmarin N.I. (1960) Notes on Chuvash dialectology. In: *Materials on Chuvash dialectology*. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash State Publishing House, 1960: 65–79. (In Russ.)
- Belitser V.N. (1951) *Udmurt folk clothes*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- The Chuvash* (2017). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Dimitriev V.D. (1963) On the issue of complex communities of Chuvashia. In: *Scientific notes of the ChNII*. Cheboksary: Chuvash Book Publ. Vol. 23: 196–228. (In Russ.)
- Dimitriev V.D. (2006) *Chuvash maternal villages of Sviyazhsky, Kokshaysky, Cheboksary, Kozmodemyansky, Tsivilsky, Yadrinsky, Kurmyshsky and Simbirsk districts of the first half of the 18th century*. Reference book. Cheboksary: ChGIGN Publ. (In Russ.)
- Dimitriyev V.D. (1956) On the settlement of the south-eastern and southern parts of Chuvashia. In: *Scientists notes of the ChNII*. Cheboksary: Chuvashia State Publishing House, 1956. Vol. 14: 173–218. (In Russ.)
- Dimitriyev V.D. *Issues of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people* (2004). Cheboksary: Chuvashia University Publ. (In Russ.)
- Dolgoва A.P. (2015) Ethnolinguistic culture of the Chuvash of the Prisviyazhye region. In: *The Chuvash of the Prisviyazhye region: history and culture*. V.P. Ivanov, G.B. Matveev (eds.). Cheboksary: Chuvash Book Publ.: 87–111. (In Russ.)
- Egorov N.I. (2017) *Selected works on ethnolinguogenesis and ethnic history of the Chuvash people*. Cheboksary: Novoye Vremya Publ. Book 1. (In Russ.)
- Egorov V.G. (1954) *Modern Chuvash literary language in comparative historical light*. Part 1. Cheboksary: Chuvash State Publishing House. (In Russ.)
- Fedotov M.R. (1990) *Chuvash-Mari language relations*. S.I. Galkina (ed.). Saransk: Saransk University Publ. (In Russ.)
- Komissarov G.I. (1911) The Chuvash of the Kazan Trans-Volga region. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. Kazan: Imperial University Typo-lithography, Vol. 27. No. 5: 311–432. (In Russ.)
- Komissarov G.I. (1912) To the “Ethnographic map of the Kozmodemyansk, Tsivilsk, Cheboksary and Yadrinsk districts” (An explanatory note). *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. Kazan, 1912. Vol. 28. Pp. 4–5: 448–455. (In Russ.)
- Kondratyev M.G. (1982) On the issue of dialectology of the Chuvash folk song. In: *Questions of the history and theory of the Chuvash art*. Cheboksary: 112–125. (In Russ.)
- Matveev T.M. (1930) Brief overview of Chuvash dialects. In: *Japhetic collection*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. Vol. 6: 100–151. (In Russ.)
- Matveev T.M. (1960) *Materials on Chuvash dialectology*. Cheboksary: Chuvash State Publishing House. Vol. 1. (In Russ.)
- Mikhailov S.M. (1972) *Works on the ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples*. Cheboksary: ChNII Publ.
- Molotova T.L. (1992) *Mari folk costume*. Yoshkar-Ola: Mari Book Publ. (In Russ.)
- Mudrak O.A. (1993) *Historical correspondence of Chuvash and Turkic vowels: an attempt at reconstruction and interpretation*. Moscow. (In Russ.)
- Savelyev A.V. (2018) Towards a clarification of the scenario of Chuvash-Mari contacts. In: *The 11th International symposium "Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals": collection of articles*. A.M. Ivanova, E.V. Fomin (eds.). Cheboksary: Chuvash University Publ., 2018: 95–104. (In Russ.)

Savelyev A.V. (2021) Starochuvashsky monument with distinction between dative and accusative. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai studies]. No. 1: 77–100. (In Russ.)

Sergeev L.P. (2007) *Chuvash dialectology: dictionary-reference book*. Shupashkar: Chuvash State Pedagogical University Publ. (In Chuv.)

Suslova S.V., Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – 20th centuries)*. Kazan: Fän Publ. (In Russ.)

Trofimov A.A. (1977) About the Chuvash embroidery of the 18th century. In: *About the Chuvash art*. Vol. 75. Cheboksary: ChNII Publ.: 38–53. (In Russ.)

Vorobyev N.I. (1928) Report on a trip for ethnographic purposes to the Sviyazhsky and Tetyushsky cantons of the TSSR in the summer of 1927. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 8. Kazan: 100–112. (In Russ.)

Vorobyev N.I., Lvova A.N., Romanov N.R., Simonova A.R. The Chuvashes. *Ethnographic research. Part 1. Material culture* (1956). M.Ya. Sirotkin, V.L. Kuzmin (eds.). Cheboksary: Chuvashia State Publishing House. (In Russ.)

Сведения об авторе: Матвеев Георгий Борисович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Московский пр., 29, корп. 1, Чебоксары, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

About the author: Georgy B. Matveev, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow in the historical field, Chuvash State Institute of Humanities (29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 3.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 22.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Переводная статья / Translated paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.788-795>

EDN: OCCRSW

Book review “N.I. Vorobyev. Kazan Tatars. Kazan: Tatgosizdat, 1953”¹

A.P. Smirnov

The work under review is devoted to the characteristics of the material culture of the Kazan Tatars of the late 19th – early 20th centuries. The author set himself the task to identify the main elements of the Kazan Tatars’ material culture, trace the history of its formation, and analyse its characteristic territorial and class differences. The work is based on the monograph of the same author, *Material Culture of the Kazan Tatars*, published in 1930. Since that time, the author has accumulated new material, critically revised previous conclusions, and essentially produced a new work (cit.: Smirnov A.P. (1954) N.I. Vorobyev. The Kazan Tatars. Tatgosizdat, Kazan, 1953. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3: 168–172. (In Russ.)).

Keywords: N.I. Vorobyev, book review, Kazan Tatars.

For citation: Smirnov A.P. (2024) Book review “N.I. Vorobyev. Kazan Tatars. Kazan: Tatgosizdat, 1953”. Transl. by D.R. Sharifullina. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 788–795. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.788-795>

Рецензия на книгу «Н.И. Воробьев. Казанские татары. Казань: Татгосиздат, 1953»²

А.П. Смирнов

Рецензируемая работа посвящена характеристике материальной культуры казанских татар конца XIX – начала XX в. Автор поставил перед собой задачу выявить основные элементы материальной культуры казанских татар, проследить историю сложения, проанализировать присущие ей территориальные и классовые различия. Основой работы послужила монография того же автора «Материальная культура казанских татар», опубликованная в 1930 г. С того времени автор накопил новый материал, критически пересмотрел прежние выводы и дал по существу новую работу (цит. по: Смирнов А.П. Н.И. Воробьев. Казанские татары. Татгосиздат, Казань, 1953. *Советская этнография*. М., 1954. №3. С.168–172).

Ключевые слова: Н.И.Воробьев, рецензия на книгу, казанские татары.

¹ The article was first about: Smirnov A.P. (1954) N.I. Vorobyev. The Kazan Tatars. Tatgosizdat, Kazan, 1953. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3: 168–172. (In Russ.)

² Опубликовано: Смирнов А.П. Н.И. Воробьев. Казанские татары. Татгосиздат, Казань, 1953. *Советская этнография*. М., 1954. №3. С.168–172.

Для цитирования: Smirnov A.P. Book review “N.I. Vorobyev. Kazan Tatars. Kazan: Tatgosizdat, 1953” / пер. Д.Р. Шарифуллиной. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 788–795. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.788-795> EDN: OCCRSW

The work under review is devoted to the characteristics of the material culture of the Kazan Tatars of the late 19th – early 20th centuries. The author set himself the task to identify the main elements of the Kazan Tatars’ material culture, trace the history of its formation, and analyse its characteristic territorial and class differences. The work is based on the monograph of the same author, *Material Culture of the Kazan Tatars*, published in 1930. Since that time, the author has accumulated new material, critically revised previous conclusions, and essentially produced a new work.

The positive feature of the given work is involving materials from neighboring peoples of the Volga region and the Russian people, with whom, as indicated in the monograph, the Tatars had been associated for a long time.

The book raises and resolves some key historical issues, in particular the problem of ethnogenesis, the clarification of which involved related historical disciplines – archeology, linguistics, the history of written documents, and anthropology. Such a breadth of coverage of sources makes the author’s constructions more persuasive.

The monograph contains eight chapters. Chapter One, “An essay on the formation of the people and culture,” is devoted to defining the place of the Kazan Tatars in the group of Turkic-speaking peoples. Using materials starting from the Paleolithic era and consistently examining all stages in the history of the local region, the author clearly identifies the main stages of the historical process of the union of tribes formation, the formation of a nationality, the creation of a bourgeois nation and its development up to the Great October Socialist Revolution. Thus, this chapter serves as a kind of introduction to the following chapters.

Some of the author’s statements require clarification. For instance, the author dates the appearance of man in the region to the Upper Paleolithic era (p. 8), while subsequent archaeological research shows that the Volga region was populated by man already in the Lower Paleolithic period, i.e., in the early Pleistocene (Panichkina, 1953: 264). It is also impossible to agree that the first Bulgar inhabitants in the Middle Volga region appeared during the formation of the Azov Bulgar union (p. 9). The appearance of the Bulgars in the Middle Volga region can be dated, according to indirect written data, to the end of the 7th century, and, on the basis of archaeological materials obtained by the Kuibyshev expedition, to the 8th–9th centuries. This can be determined by the Tarkhan burial ground, covered by N.F. Kalinin within the TASSR territory, and in the Kaibel burial ground, where burials from the 8th–9th centuries were discovered.

The author is clearly mistaken in claiming that in the 9th century the tribal union of the Kama Bulgars was already known as the state of the Kama Bulgars. Meanwhile, the state of the Volga Bulgars arose at the beginning of the 10th century, and it

was at that time that feudal relations were fully formed among the Bulgars. The author repeats the same mistake further (p. 10), mentioning relations with the south during the formation of the Bulgar union of tribes and the state of Kama Bulgaria. The author does not distinguish between the concepts of ‘union of tribes’ and ‘state’, while the former is characteristic of a pre-class society, mainly for its last stage, and the latter is typical of a class society. There is also no reason to assume that the state of the Kama Bulgars united neighboring tribes on the principle of union (p. 11). The unification of tribes in those historical conditions could only be carried out on the principle of subordination.

Discussing the ethnic composition of the Bulgarian state, the author touches upon the issue of the Slavic element. Explaining the opinion of Ibn Fadlan, who called the Bulgar ruler the king of the Slavs, he writes, “The presence of Slavic elements in the Bulgars is not excluded, firstly, because they used to live in the Azov region, next to the Slavic Tmutarakan principality”. In this case, the chronology is confused. The Bulgars lived in the Azov region at a time when there was no Tmutarakan principality there. True, Slavic tribes lived next to the Bulgars on the Don, and they determined the Slavic touch in the culture of the Azov Bulgars.

In this chapter, the author gave an exhaustive description of the Bulgar economy, which allows us to understand some features in the culture of the Kazan Tatars of the 19th–20th centuries. He also dwells on the political events of the 11th–14th centuries. When describing the Mongol conquest, the issue of the territory occupied by the Bulgars is mentioned. It is indicated that the center of the state remained in Zakamye, the author points out that part of the population moved to new places (p. 15): “Thus, on the right bank of the Volga there are a large number of monuments of this period...”. The right bank of the Volga is one of the territories inhabited by the Bulgars from an early time. The Tarkhan burial ground seems to indicate this. Undoubtedly, the Temtyuzi, mentioned in the Russian chronicle, lived on the right bank of the Volga. There was the city of Oshel, destroyed by Russian princes in 1220. The description of the campaign by the Russian chronicler makes it possible to specify the location of this city on the right bank of the river quite accurately. On top of that, the Bulgars appeared in the Pre-Kama region in pre-Mongol times.

The author's interesting point regarding the appearance of new nomads in the territory of Zakamye during the Golden Horde period explains the presence of remnants of nomadic life in the culture of the Kazan Tatars of the 19th–20th centuries. Apparently, the author is right in believing that the issue of the significant cultural influence of the Tatars on their neighbors and their gradual merging with them is not related to the process of Islamisation. Focusing sufficiently on the issue of the influence of Russian culture on the Tatars at different stages of the history of the local region and, in particular, after the annexation of the Volga region to the Russian state, the author points out that the Russians brought higher forms of economy to the region. It is a pity though that he does not expand on this important thesis. Interesting

material is provided to characterise the ties with Khorezm and Bukhara in the 18th–19th centuries, and the conservative nature of those ties is emphasised.

Sufficient attention is paid to the formation of capitalist relations that led to the emergence of the Tatar bourgeois nation. The point about the progressive nature of capitalism of that time and new ideas, which penetrated into the village and weakened the influence of the Muslim clergy and *bais*, who instilled religious fanaticism in the Tatars, is a valuable observation.

The development of capitalist relations was accompanied by the strengthening of Russia’s influence. The working masses of the Tatars were drawing closer to the Russian working class. The author pointed out the great progressive role of Kazan, which was the center of representatives of first democratic and then proletarian ideology in the late 19th – early 20th centuries. This chapter highlights the activities of V.I. Lenin, V.M. Molotov, S.M. Kirov, which found a response in Tatar society and influenced the development of the culture of the Tatar people. Briefly yet comprehensively, the changes that occurred in Tatar society and its culture as a result of the Great October Socialist Revolution have been formulated.

The second chapter provides an overview of research and literature. The author covers all literature from the 10th century to the present day. The works of medieval authors, such as Plano Carpini, Rubruquis, Marco Polo, deserve a more detailed critical assessment. Their descriptions cannot be called thorough, as the author does (p. 34). *The Tale of the Kazan Kingdom* by Prince Kurbsky, as well as the Kazan chronicler, should have been given more attention, revealing what observations concerning the life of the Kazan Tatars are of interest to researchers. The works of a later time, the 16th–19th centuries, are analysed distinctly better.

The third chapter, “Natural conditions of the habitats of the Tatars and demographic data on the nationality”, examines the influence of the natural environment on the formation of the culture of the people. However, when assessing the phenomena, the author took into account the modern natural environment, without taking into account the historical changes that were revealed in special studies devoted to the given issue. In particular, the work of V.D. Avdeev *On the Origin and Nature of Modern Steppe Vegetation in Western Zakamye* (Moscow, 1952), which provides a history of the natural environment over a long period of time, beginning with the Bronze Age. It is worth noting the wealth of material provided by the author of the reviewed work when characterising demographic data.

The fourth chapter, “The main economic base of the Kazan Tatars”, is devoted to the economy during the period of capitalism. Much emphasis is given to agriculture, the process of ruin of the working peasantry has been outlined clearly. The statistical data illustrating the author’s main points are of great interest. Less attention is paid to trades. The chapter ends with a brief description of the changes that occurred as a result of the Great October Socialist Revolution.

Chapter five describes the technology of agriculture and trades to a quite full extent and reveals their national characteristics. Unfortunately, the author did not take into account new data obtained by archaeologists and historians who studied the technology of agriculture among the Bulgars and in the Kazan Khanate. It has now been established that the fallow system started to be used as early as the Golden Horde era. This is supported by the finds of weed seeds typical of old arable soils, together with cereals. Therefore, it is completely wrong to assert, as was done on page 98, that only in the 16th century, with the advent of the Russians, new methods of farming (three-field system) appeared, replacing the fallow system that was dominant in the Volga-Kama region and was used when there were large reserves of land. Certainly, one cannot assume that the three-field system was applied everywhere already in the era of the Golden Horde. Undoubtedly there were areas where more primitive farming systems were practiced – these were the outskirts of the Bulgar Kingdom. More advanced technology is typical of only the central regions.

The pages devoted to the characteristics of the crafts are noteworthy. Shoemaking, weaving, embroidery, metal and wood processing are described in detail. It is hardly possible to agree with the author's assertion that the plant ornament used in embroidery was brought to the Middle Volga region from the steppe regions by the Turks. Plant ornaments are not uniform in their nature. Along with the oriental ornament, typical for the monuments of applied art of the Turkic peoples of Central Asia, the Tatars widely used an ornament adopted from the Russians back in the 12th–13th centuries.

The assertion that zoomorphic ornamentation could not have been preserved by the Tatars is also faulty. The reference to archaeological materials allegedly showing that such ornamentation disappeared under the influence of Islam is incorrect (p. 124). The latest excavations in Bulgar have provided irrefutable evidence of the use of various zoomorphic motifs in the applied art of the Bulgars of the 14th century. Among them, one can notice, for example, a plate with a realistic image of a reindeer (Brief Communications..., 1951: 22, fig.3), images of birds on the walls of vessels (collections of the State Historical Museum and the Museum of the TASSR). All this gives grounds to assert that images of animals in the applied art of the Kazan Tatars were used as early as the end of the 14th – beginning of the 15th centuries, although Islam was reluctant to allow these motifs.

Chapter six describes the dwellings and settlements of Tatars. The territorial features of the settlements are specified and the dwellings of various social groups are shown. Comparative data from history and archaeology are given, indicating the deep local roots of the types of dwellings. A great deal of material is provided to characterise the decorative elements that reveal a connection to the city's building art. Unfortunately, having given a detailed description of numerous elements that have no prototypes in earlier building art, the author does not reveal their origin. Such elements include the following: complete sheathing of walls with horizontal boards and dormer

windows on the pediments. These windows are decorated with architraves, often they look like balconies with a beautiful lattice, columns and aisles above the semicircular middle part. Dormer windows were usually larger than a normal window in the house (pp. 172–173). This ornamental motif is typical of wealthy houses and was widespread in Zakamye. The author suggests that the introduction of such architectural details is due to the presence of high fences, from behind which only the pediments and upper part of the windows are usually visible, that is why they were decorated in the most sophisticated way. This explanation is hardly fair. It would be more correct to consider this method of decorating a building as the influence of urban architecture in the Empire style, which is characterised by this kind of balconies with arches. Wall paneling with horizontal boards is also typical of urban houses. Certainly, in village architecture all the techniques were simplified. The porches of rich houses, decorated with two columns on the sides, also reflect the influence of the Empire style. Decorative techniques in the Empire style became known to village builders from the Russians. It would be important to identify the degree of influence of the neighboring peoples' architecture and the nature of the processing of borrowed motifs in order to get a clear picture of the uniqueness of the Tatar village 'Empire style'.

The data on the colouring of Tatar houses with a unique selection of colours, which created the so-called 'Tatar taste', is of interest. The author noted the typical features of this method of decorating a building, expressed not only in the selection of colours, but also in the manner of avoiding halftones. For some reason, he sees this as the influence of the medieval urban culture of Turkestan with its unique colouring of buildings. In our opinion, there is no need to go such a long way to look for comparative data. Bulgar architecture provides the same set of colors, which is defined as characteristic of Tatar architecture. At the same time, Bulgar architecture had its own unique features and was different from Central Asian.

Considerable attention is paid to the analysis of the internal structure of the home and the description of its decoration. The author specifies the characteristic details that determine the uniqueness of the Tatar culture. In the analysis of the architecture of the home and its decoration, the emphasis is placed on the social differences of the owners.

Chapter seven, “Clothing and decorations”, provides a detailed analysis of fabrics, clothing, and manufacturing techniques, with indication of social differences. Changes observed in clothing types during the 19th–20th centuries have been pointed out. The distinctive features of clothing in different regions of Tatarstan and differences from the corresponding clothing types of neighboring peoples of the Volga region have been shown.

To clarify the origin of Tatar headdresses, materials collected by Georgi, as well as data from archaeological excavations, are provided. Comparisons with the cap from the Ananyinsky burial ground and with headdresses on embroidery from Bulgaria and on Kyiv frescoes are well-executed. The author also pointed out that the

headresses of the Kazakhs, Uzbeks, and Turks of Eastern Turkestan are close to them.

The materials which characterise the jewelry are of particular interest. Many of them have prototypes in archaeological finds. For instance, the braids, reminiscent of similar jewelry of the 13th–14th centuries, earrings, close to those found in the burial ground ‘Babiy Bugor’ in Bulgar, dating back to the 11th–12th centuries (Brief communications ..., 1947: 102). The same applies to bracelets and clasps. Undoubtedly, with the early jewelry known in the culture of local tribes, one can compare the ‘yaka chylbyry’, reminiscent of rustling jewelry, which became especially widespread in the 10th century AD. Their manufacturing technique is no different from the techniques of Bulgar artisans.

Chapter eight, “Food”, contains a description of the diet of various classes of Tatar society in the 19th–20th centuries. Data are provided characterising the everyday and festive cuisine of various social groups of Tatars. The author mentioned cult prohibitions in food.

The conclusion formulates the main findings drawn by the researcher. He indicates that the main components of the Tatar culture are the Bulgar and Alan-Sarmatian, which developed from the earlier cultures of the Volga region – the Srubnaya and Andronovo. The author points out nomadic invasions over a long period, which left their mark on the culture of the Volga Bulgars, and then the Kazan Tatars. Quite a lot of attention is given to the issue of the penetration of Russian influence and the close connection of the working classes of the Russian and Tatar peoples, which especially intensified during the era of capitalism. The historical prerequisites for the development of the Tatar socialist culture, which has much in common with the culture of the Russian people, which became the basis of the socialist culture of all the peoples of the USSR, have been well identified.

The book by N.I. Vorobyev *The Kazan Tatars*, despite some shortcomings, gives a fair idea of the development of the culture of the Kazan Tatars and contains valuable material for clarifying the ethnogenesis of the peoples of the Volga region. Unfortunately, Tatgosizdat did not pay due attention to the design of the publication. The book is printed on poor paper. The illustrations are grey and inexpressive. Particularly disadvantageous are drawings 18 and 19, which do not create any impression of the difference between the old and modern villages.

Transl. by D.R. Sharifullina

Перевод на англ. Д.Р. Шарифуллиной

REFERENCES

Brief Reports of the Institute of the Material Culture History of the USSR Academy of Sciences (1947). Vol. XXVII. (In Russ.)

Brief Reports of the Institute of the Material Culture History of the USSR Academy of Sciences (1951). Vol. XL. (In Russ.)

Panichkina M.Z. (1953) Paleolithic exploration on the Middle Volga. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. Vol. XVIII: 233–264. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРА

Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XXVII. М., 1947.

Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XL. М., 1951.

Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге // Советская археология. Вып. XVIII. М., 1953. С. 233–264.

Сведения об авторе: Смирнов Алексей Петрович (1899–1974), профессор, доктор исторических наук.

About the author: Aleksey P. Smirnov (1899–1974), Professor, Doctor Sc. (History).

Сведения об авторе перевода: Шарифуллина Диляра Рашитовна, кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); e-mail: dilara.ksu@gmail.com

About the translation author: Dilyara R. Sharifullina, Cand. Sc. (Philology), Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); e-mail: dilara.ksu@gmail.com

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.796-809>

EDN: OGBLKP

Художественно-образные зарисовки Л.М. Поздеевой из экспедиций с Н.И. Воробьевым

Д.Ф. Гатина-Шафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Резюме. В статье анализируются экспедиционные зарисовки профессионального художника Людмилы Михайловны Поздеевой из фондов Национального музея Республики Татарстан и Центра письменного наследия «Мирасханэ» Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, сделанные мастером во время экспедиций 1926 и в 1927 гг. под руководством Н.И. Воробьева. Анализу подлежат костюмные комплексы татар разных субэтнических и этнографических групп. Особое внимание уделяется научной составляющей творчества Л.М. Поздеевой, соответствию зарисовок письменным источникам, музейным материалам и экспедиционным фотографиям.

Автором статьи выявлено девять акварелей и одна зарисовка графитным карандашом, на которых изображена одежда мужчин и женщин разных возрастов. Работы были выполнены в Челнинском, Чистопольском, Свияжском, Тетюшском кантонах, в таких поселениях, как Нижнее Бишево, Каинлы, Акбулатово, Старый Татарский Адам, Молькеево, Старый Курбаш и Бакорчи (Бакрчи). Некоторые изображения продублированы фотографиями, ставшими визуальным сопровождением текстов научных публикаций Н.И. Воробьева. Найденные автором статьи зарисовки Л.М. Поздеевой полностью соответствуют фотоизображениям, что является свидетельством точного воспроизведения увиденного ею в экспедициях. Художник выбирал разные ракурсы персонажей в национальной одежде, создавая тем самым не просто этнографическую копию, а художественный образ.

Ключевые слова: Л.М. Поздеева, Н.И. Воробьев, изображения, акварели, рисунки, экспедиция, татары.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Художественно-образные зарисовки Л.М. Поздеевой из экспедиций с Н.И. Воробьевым. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 796–809. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.796-809> EDN: OGBLKP

Artistic and figurative sketches by L.M. Pozdeeva from expeditions with N.I. Vorobyev

D.F. Gatina-Shafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

golocen@yandex.ru

Abstract. The article analyses expedition sketches of professional artist Lyudmila Mikhailovna Pozdeeva from the collections of the National Museum of the Republic of Tatarstan and the “Miraskhane” Written Heritage Center of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences, which were made by the master during the expeditions of 1926 and 1927 under the leadership of N. I. Vorobyev. Costume complexes of Tatars of different subethnic and ethnographic groups are analysed. Particular attention is paid to the scientific component of L. M. Pozdeeva’s work, the consistency of the sketches to written sources, museum materials and expedition photographs. The author of the article identified nine watercolours and one graphite pencil sketch, which depict the clothes of men and women of different ages. The pieces were made in the Chelny, Chistopol, Sviyazhsk, and Tetyush cantons, in settlements such as Nizhneye Bishevo, Kainly, Akbulatovo, Stary Tatarsky Adam, Molkeevo, Stary Kurbash, and Bakorchi (Bakrchi). Some images are duplicated by photographs, which became the visual accompaniment to the texts of N.I. Vorobyev’s academic publications. The sketches by L.M. Pozdeeva found by the author of the article fully correspond to the photographic images, which is evidence of the precise reproduction of what she saw during the expeditions. The artist chose different angles of the characters in national clothing, thereby creating not just an ethnographic copy, but an artistic image.

Keywords: L.M. Pozdeeva, N.I. Vorobyev, images, watercolours, drawings, expedition, Tatars.

For citation: Gatina-Shafikova D.F. (2024) Artistic and figurative sketches by L.M. Pozdeeva from expeditions with N.I. Vorobyev. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 796–809. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.796-809> (In Russ.)

Практика изображения во время этнографических экспедиций одежды народов Российской империи имеет давние традиции. Ещё в XVIII столетии благодаря выездам, организуемых Петербургской или Императорской академией наук, ученые и приглашённые художники зарисовывали традиционные костюмы разных народов страны. В XIX в. мастера самостоятельно или в составе исследовательских групп выезжали в самые дальние уголки России. Благодаря такой работе появлялись рисованные альбомы костюмов коренных народов – альбом А.Ф. Залесского и Ф.М. Чернышева «Башкирия, Киргизия и Средняя Азия» хранится в Государственном историческом музее; альбом С.П. Павлова «Рисунки костюмов и типов народов, обитающих в России» – в фонде научной библиотеки Российской академии художеств; «Елабужский альбом» К.Ф. Гуна, выкупленный Академией художеств, позднее переданный в Государственный Русский музей. Традиция не прервалась и в советское время.

Н.И. Воробьев – основоположник системного изучения культуры и быта тюркских народов Волго-Уральского региона – нередко в состав экспедиционных коллективов включал художников. Одним из них была Людмила Михайловна Поздеева – будущий коллега Николая Иосифовича. Она родилась в 1892 г., окончила казанскую художественную школу, была преподавателем в женской гимназии, трудилась в советских школах. В 1920-е годы Поздеева работала в Центральном музее ТССР в отделе этнографии и являлась участником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) (Сидорова, 2014: 229). Л.М. Поздеева не была посторонним для этнографической науки человеком, она принимала активное участие в научной и музейной работе, в том числе в исследовательской деятельности. Перу Людмилы Михайловны принадлежит статья о татарском женском шейно-нагрудном украшении *яка чылбыры*, подготовленной по материалам музейных коллекций Центрального музея ТССР, Русского музея, Центрального музея народоведения (закрыт постановлением Совета министров РСФСР от 15.07.1948 г.). В публикации она выстраивает аналогии татарского украшения с украшениями у туркмен и якутов (Поздеева, 1930: 20–25).

В нашей статье изображение рассматривается как приоритетный для анализа источник при изучении костюмного комплекса татар Волго-Уральского региона. В работе решаются две задачи:

– на основании сохранившихся акварелей и зарисовок карандашом Л.М. Поздеевой выявить и описать воспроизведённые типы одежды татарского народа;

– осуществить сравнительный анализ зарисовок и письменных источников, музейных материалов, экспедиционных фотографий.

Специфика решаемых задач обозначила привлечение соответствующей методологии исследования. В исследовании применен сравнительно-исторический метод, а для изучения костюма в изображениях, определения типов и видов одежды – типологический анализ. Искусствоведческий подход выстраивался на понимании созданного автором художественного образа.

Экспедиции

Как и в работе музея, так и в деятельности ОАИЭ большое место занимали полевые выезды, во время которых исследователи фиксировали традиционную культуру, её бытование и ушедшие из повседневной жизни формы. За счет них пополнялись музейные коллекции. Участие Л.М. Поздеевой в экспедициях зафиксировано в опубликованной статье Н.И. Воробьева об этнографических исследованиях в закамских кантонах ТССР. Он писал, что с 1 по 22 июля 1926 г. по поручению ОАИЭ и на средства Академического Центра ТНКИ была совершена этнографическая поездка в Челнинский, Чистопольский и Спасский кантоны ТССР. В ее состав вошли: руководитель Н.И. Воробьев, художник Л.М. Поздеева, фотограф Н.П. Засыпкин, в Чистопольском кантоне – заведующий Чистопольским музеем А.К. Булич (Этнографические исследования...,

1927: 108). В Чистопольском и Спасском кантонах изучались особенности культуры и быта татар разных субэтнических и субконфессиональных групп – казанских, кряшен и мишарей. В Челнинском кантоне экспедиционная группа занималась изучением культуры и быта кряшен. Особое внимание в исследовании уделялось старокрещеным татарам. Эта группа, по мнению Воробьева, развивалась без влияния ислама и смогла сохранить многие бытовые особенности, присущие татарам до русского завоевания (Воробьев, 1927а: 157). В статье-отчёте за 1920–1927 гг. Н.И. Воробьев собрал обобщающие данные по выездам, в которых он указал, что в результате поездки в Челнинский, Чистопольский и Спасский кантоны было выполнено 70 фотографий и несколько десятков рисунков (Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 3).

С 14 по 25 июля 1927 г. Л.М. Поздеева сопровождает участников экспедиции в Свяжский и Тетюшский кантоны. Однако в связи со слабым финансированием поездки исследователи смогли охватить меньшее количество селений, чем планировалось. По итогам публикуется статья «Отчет о поездке с этнографической целью в Свяжский и Тетюшский кантоны...» (Воробьев, 1928: 100–111).

Таким образом, в период с 1926 по 1927 г. Л.М. Поздеева как профессиональный художник неоднократно участвовала в экспедициях по разным кантонам ТАССР. Учитывая практику сдачи экспедиционных материалов в музейные фонды, изображения должны были поступить в музей. В настоящее время в коллекции Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ) хранятся зарисовки, сделанные Людмилой Михайловной. Это собрание включает акварельные рисунки с воссозданием чувашских вышивок, татарского населения и строений. Татары представлены четырьмя работами, все они с личной подписью художника, описанием места исполнения и именем изображённого, под №№ НМ РТ КППИ–117621, 117624, 117625, 117626 и 2 акварели под №№ НМ РТ КППИ–117622, 117623 на которых показана молодая женщина, держащая на руках маленького ребенка. Они не имеют подписей, но сделаны в манере и технике Л.М. Поздеевой.

Кроме НМ РТ работы Л.М. Поздеевой представлены в «Мирасханэ» – научном Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ. Эта коллекция появилась благодаря супруге Н.И. Воробьева Юлии Вячеславовне, которая передала архив ученого после его смерти в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (место его последней работы).

В фонде «Мирасханэ» хранится папка с экспедиционными зарисовками «Поздеева и др. Альбом этнографических рисунков (карандаш, тушь, акварель) 1921–1927 гг.», всего 35 листов (Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70.). Не на всех работах есть подписи их авторов. Среди зарисовок встречаются пейзажи, жилые и нежилые постройки, предметы хозяйственного быта, внутренний интерьер и схема жилища, изображения людей, отдельные элементы и детали костюма. Для нашего исследования, наиболее информативными являются пять работ, на

которых воспроизведены жители исследуемых селений – Нижнее Бишево, Кайнлы, Акбулатово, Старый Татарский Адам, Старый Курбаш, Молькеево, Бакорчи (Бакрчи). Каждый рисунок имеет авторскую подпись, имя изображенного, нередко, возраст и место, где он был выполнен (Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 14, 22, 23, 31, 32). Из общего ряда выделяется акварель, где изображён интерьер деревенского дома и женщина, работающая на ткацком станке (Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 10).

В Челнинском кантоне экспедиция 1926 г. посетила поселения Нижнее Бишево, Верхний, Средний и Новый Багряж, Поповка, Тонгузино (Воробьев, 1927а: 159). Самая ранняя, из выявленных акварелей Л.М. Поздеевой, находится в собрании НМ РТ, под № КППи–117624 от 5 июля 1926. Она атрибутирована как выполненная в д. Нижнее Бишево и с изображением «кряшенки М. Игнатъевой» (Рис. 1). Эту женщину зафиксировала не только Л.М. Поздеева. Ее сфотографировали во время экспедиции, а позже в черно-белом цвете опубликовал Н.И. Воробьев в приложении к статье «Некоторые данные по быту крещеных татар...» (Воробьев, 1927а: вкладка, рис. 6., после с. 172). Исследователь не указал имя изображенной, а лишь подписал: «Кряшенка в праздничном наряде. На голове богатый *сурска*, на груди *тамакса* и *девет*. На шее – *яка челбыры*». Для Н.И. Воробьева весьма значимыми являлись конкретные элементы костюмного комплекса, в статье он много внимания уделяет особенностям одежды и украшений, в частности, описанию праздничного головного убора замужней кряшенки (Воробьев, 1927а: 164–172).

Рис. 1. Кряшенка М. Игнатъева.
Д. Нижнее Бишево, Челнинский кантон
ТАССР. 5.07.1926. Худ. Л.М. Поздеева.
НМ РТ КППи–117624.

Акварельная работа Л.М. Поздеевой представляет собой изображение по пояс сидящей женщины, сложившей руки на коленях. Её голову покрывает многочастный убор *баш бэйләү*, состоящий из покрывала *сүрәкә*, наушников *чигәчә* обшитых монетами с закруглённым краем и венчающим по верху красным платком (?). Рубаха полностью скрыта украшениями до пояса: воротничковой застёжкой *яка*, нагрудником с нашитыми по всему периметру монетами, и, возможно, шейным украшением *тамакса*. Из-за обилия монет невозможно понять точное количество элементов. Об этом писал Н.И. Воробьев в статье, указав на то, что внешний вид разного типа нагрудников *сакал* и *девет*, носимый вместе с шейным украшением *тамакса* при одевании, совершенно одинаков (Воробьев, 1927а: 171). На женщине разноцветный из домоткани в желто-красную клетку фартук. Верхняя одежда – *жилән* из черной ткани, с длинными сужающимися к запястью рукавами.

Следующие два изображения были сделаны Л.М. Поздеевой с разницей в один день в д. Каинлы Челнинского кантона. В настоящее время они хранятся в разных местах – в фонде «Мирасханэ» и НМ РТ. На карандашной зарисовке от 9 июля 1926 г. (Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 14) показан молодой человек «Саубан Сулейманов. 17 лет» (Рис. 2б). Несмотря на схематичность исполнения, просматривается головной убор юноши – шляпа с полями, возможно, валяная. Этнографы С.В. Сулова и Р.Г. Мухамедова подтвердили, что распространенным летним головным убором у татар являлись валяные (катаные) шляпы с полями *эшләпә* (Сулова, Мухамедова, 2000: 73). Рубаха на юноше скрыта за застегнутой верхней укороченной одеждой с небольшим отложным воротником и длинными рукавами. Штаны полностью прикрывают ноги, обувь отсутствует. Вторая работа из этой же деревни хранится в НМ РТ под № НМРТ КППи–117625, от 10 июля 1926 г. Это погрудной портрет женщины в головном уборе по типу калфака, декорированного золотной вышивкой по очелью и бордовой шалью с кистями поверх (Рис. 2а). Других рисованных работ костюмных комплексов из Челнинского кантона не найдено.

Как следует из отчетов Н.И. Воробьева, в Чистопольском и Спасском кантонах были исследованы следующие поселения: г. Чистополь, дд. Толкиш, Акбулатово, Старый Татарский Адам, Билярск, Новые Челны, Ямбухтино, Спасский Затон (Этнографические исследования...: 1927: 108). Следуя за хронологией исполнения изображений, ещё одна акварель от 15 июля 1926 была сделана в д. Акбулатово, хранится в НМ РТ под № НМРТ КППи–117621. Она воспроизводит сидящую пожилую женщину. Подпись к работе – «Крестьянка-татарка Кубзямал Сабитова» (Рис. 3а). Кроме этой акварели в фондах НМ РТ хранится черно-белая фотография под № НМРТ КППи–116106 с этой же женщиной. На её голове фабричного производства белый, с разноцветным узором платок, подвязанный под подбородком, поверх него с меховой опушкой надета шапка *камчат бурек*. На женщине рубаха с длинными прямыми рукавами из однотонной ткани и безрукавный камзол с меховой оторочкой по бортам, сшитый из азиатского адраса с абровым узором. В музейных коллекциях сохрани-

лось не так много камзолов из этой ткани. Н.И. Воробьев отмечал, что у татар чаще всего употребляется эдрес (адрас), камзолы из которого до последнего времени (первая треть XX в.) являлись любимыми у татар обоего пола (Воробьев, 1930: 308). На акварели художник изобразил только сложенные вместе руки, на фотографии же видно, что женщина держит четки.

Рис. 2. а) Татарка Мамдуха Файзуллина. Д. Каинлы, Челнинский кантон ТАССР. 10.07.1926. Худ. Л.М. Поздеева. НМ РТ КППи–117625.

б) Саубан Сулейманов, 17 лет. Д. Каинлы, Челнинский кантон ТАССР. 9.07.1926. Худ. Л.М. Поздеева. Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.

16 июля 1926 г. была выполнена другая работа, в селении Старый Татарский Адам, хранится под № НМРТ КППи–117626. На рисунке изображен Салах Гинятуллин (Рис. 3б). Показан профиль и верхняя часть торса пожилого мужчины. В собрании НМ РТ представлена также и фотография под № НМРТ КППи–117426/5, на которой, возможно запечатлен тот же самый человек. Сомнения возникают из-за деталей, так как при общей схожести элементов костюма, всё же наблюдаются некоторые различия. Чалма в работе Л.М. Поздеевой немного отличается – намотка тюрбана чуть меньше (вероятно, из-за разных ракурсов в изображениях), чем на снимке, на котором не виден конусообразный нижний убор, детально порисованный художником. Ткань халата в обоих вариантах одинаковая – в тонкую полоску, что было типично для *чапанов*.

Рис. 3. а) Крестьянка-татарка Кубзямал Сабитова. Д. Акбулатово, Чистопольский кантон ТАССР. 15.07.1926. Худ. Л.М. Поздеева. НМ РТ КППи-117621.

б) Салах Гинятуллин. Д. Старый Татарский Адам Чистопольский кантон ТАССР. 16.07.1926. Худ. Л.М. Поздеева. НМ РТ КППи-117626.

Следующие акварели относятся к другому экспедиционному выезду 1927 г., начавшемуся в двух расположенных рядом населённых пунктах Молькеево и Курбаш, входивших в 1920-х гг. в состав Молькеевской волости Свияжского кантона ТАССР. В отчете о поездке Н.И. Воробьев писал: «Имея базу в Молькееве, мы обошли всю группу деревень вокруг него, населённую преимущественно кряшенами и лишь отчасти татарами и мишарями. Нами были посещены дд. Полевая Бува (Яңа Бува), Баймурзино, Чутеево, Суринское (Яңозино), Тябердино и Хозесаново, где были произведены зарисовки и фотографирования» (Воробьев, 1928: 100).

Как указывает авторская подпись, 17 июля 1927 г. в Свияжском кантоне Л.М. Поздеевой была изображена «Мария Николаевна Коновалова, 75 лет, д. Курбаш (полное название – Старый Курбаш) Кайбицкого района ТССР». Работа хранится в «Мирасханэ» (Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 32) (Рис. 4а). Женщина сидит на стуле. Она показана со спины. На голове – характерный для молькеевских кряшен тастарный комплекс головного убора, состоящий из обернутого вокруг шеи и головы тканого с белой основой и красной каймой по краям тастара с многоцветным тканым узором на концах. Подобные тастары представлены в коллекции НМ РТ под №№ НМРТ КП-10266/27, КП-30554, как и отдельно сохранившийся тканый конец под №НМРТ КП-20532/76. Поверх тастара

повязан красный фабричный платок. Исследователь Р.Г. Мухамедова обозначала этот венчающий элемент убора *тастымал* или *тастар яулыгы*, выполнявшего роль чалмы (Мухамедова, 2005: 46–47). Рубаха на рисунке Л.М. Поздеевой видна не полностью, однако считается ее общая бордовая основа с нашитой по нижней части подола оборкой из клетчатой ткани. Видимая часть передника с многоцветным геометрическим узором по всему периметру и нашитым по низу черным кружевом (?) подвязан со спины на поясе.

Рис. 4. а) Мария Николаевна Коновалова, 75 лет. Д. Старый Курбаш, Свяжский кантон Кайбицкого района ТАССР. 17.07.1927. Худ. Л.М. Поздеева. Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

б) Кряшен Петр Егоров, 21 год. Д. Молькеево, Свяжский кантон ТАССР. 19.07.1927. Худ. Л.М. Поздеева. Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 22.

в) Кряшенка Анна Егоровна Егорова, 22 года. Д. Молькеево Свяжский кантон ТАССР. 19.07.1927. Худ. Л.М. Поздеева. Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 23.

В Молькеево 19 июля 1927 г. Л.М. Поздеева написала ещё две акварели. Первая из коллекции «Мирасханэ» (Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 22.) подписана как «Кряшен Петр Егоров, 21 г.» (Рис. 4б). Молодой человек показан в полный рост, без головного убора, с достаточно длинными волосами (это не было характерно для татар-мусульман), в подпоясанной узким желтым поясом рубашке косоворотке (грудной разрез смещён вправо), штаны из полосатой синей пестряди заправлены в чулки. Одна нога с прорисованным лаптем, вторая – без него. На второй акварели (Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 23) изображена сидящая в профиль молодая женщина. Подпись – «Кряшенка Анна Егоровна Егорова, 22 г.» (Рис. 4в). На её голове светлый платок, сложенный на угол, повязан под подбородком, олов рубашки и рукава из клетчатого домотканого полотна, по низу подола две широкие (синяя и коричневая) оборки, передник из светлой ткани подвязан на поясе, на ногах лапти. Н.И. Воробьев в тексте отчета обозначил, что

платок, подвязанный как в акварели, или по-русски сложенный на угол, является будничным вариантом (Воробьев, 1928: 107). Исследователь включил в публикацию и фотографию с подписью «Кряшенки в обычных костюмах», на которой стоят три женщины в схожих с рисованной работой одеждах (Воробьев, 1928: 2, вкладка, рис. IV между 110 и 111 с.).

Последняя подписанная работа из «Мирасханэ» (Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 31) выполнена во вторую часть экспедиционной поездки, 20 июля 1927 г. в д. Бакорчи (Бакрчи) Тетюшского кантона. Л.М. Поздеева изобразила татарскую молодую семейную пару Сунгат Гатиатуллина и его жену Минеялган Гатиатуллину (Рис. 5). На муже видна лишь часть белой рубахи с длинными рукавами и отложным воротником, на голове светлый головной убор с многоцветным декором по очелью и слегка конусообразным верхом, штаны черного цвета. На жене белый платок с небольшим узором по кромке. Он подвязан «по-татарски» – за два соседних угла под подбородком и свободно свисающим полотнищем на спине. Рубаха на женщине из светлой ткани с длинными рукавами, поверх однотонный голубой фартук с грудкой, крепящийся на плечах и небольшими воланами *канатлы альякыч*. Молодая семейная пара изображена в повседневной одежде, которая была в обиходе во второй половине 1920-х годов. Поэтому можно считать, что художником воспроизведён не старинный, ушедший из бытования наряд, а тот, что являлся нормой для татарской деревни этого времени.

Рис. 5. Татары. Сунгат Гатиатуллин и жена его Минеялган Гатиатулина. Д. Бакорчи (Бакрчи), Тетюшский кантон ТАССР. 20.07.1927. Худ. Л.М. Поздеева. Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 31.

На акварели (Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 10) (Рис. 6) отсутствует авторская подпись или указание населенного пункта. Исходя из техники исполнения других работ, скорее всего она принадлежит руке Л.М. Поздеевой. Действие происходит в избе, в центральной части находится женщина в платке, подвязанном на затылке, и однотонной рубашке. Она занимается ткачеством на станке старого образца без рамы, поставленном на частично разбирающиеся нары. Подобный тип станков подробно описан Н.И. Воробьевым в статье о примитивных типах ткацкого станка (Воробьев, 1927б). Учитывая общее авторское решение, костюмный комплекс на рисунке является лишь частью общего идейного замысла художника, когда для него важнее было показать принцип работы на ткацком станке. Судя по публикациям Н.И. Воробьева, данный тип станков, как и сам принцип ткачества, был распространен в разных регионах проживания татар, в том числе в Челнинском и Свияжском кантонах (Воробьев, 1928: 106).

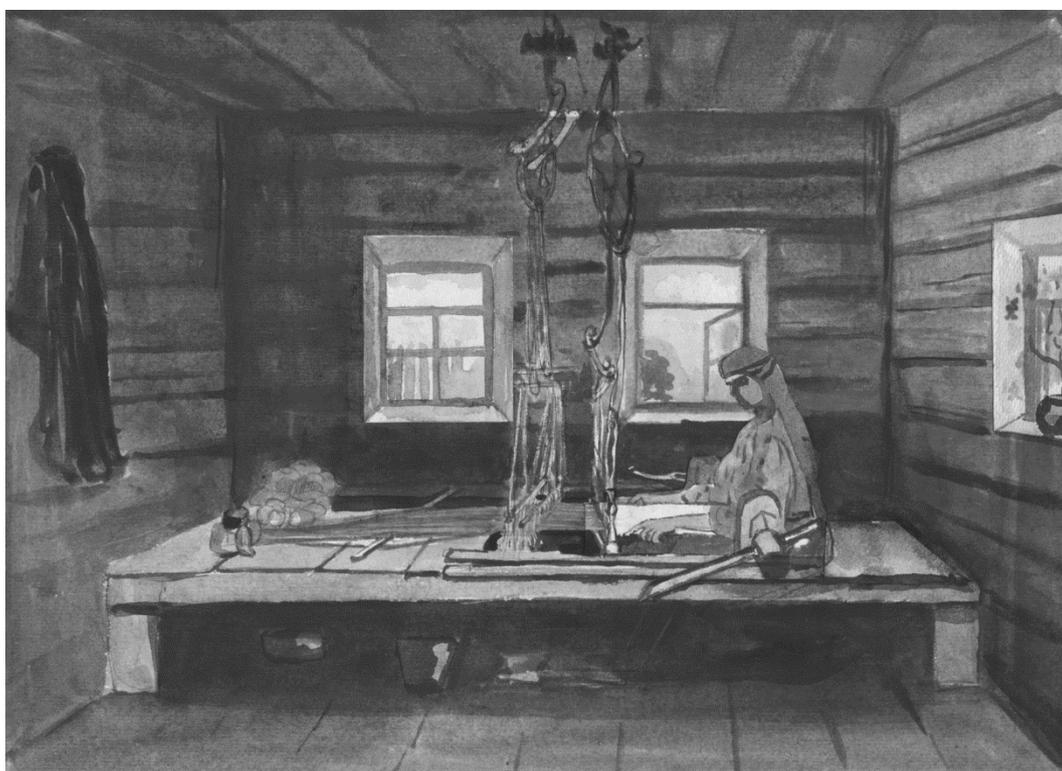

Рис. 6. Ткацкий станок без рамы. Худ. Л.М. Поздеева.
Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 10.

* * *

На данный момент в фондах НМ РТ и в коллекции «Мирасханэ» выявлено девять акварелей и одна зарисовка, на которых изображена одежда мужчин и женщин разных возрастов. Сами изображения не идентичны по исполнению: имеются погрудные портреты (в профиль или анфас), в полный рост, с воспроизведением одного или нескольких персонажей, или вписанные в интерьер деревенской избы. Территориально охвачены Челнинский, Чистопольский, Те-

тюшском и Свияжский кантоны, поселения – Нижнее Бишево, Каинлы, Акбулатово, Старый Татарский Адам, Молькеево, Старый Курбаш и Бакорчи (Бакрчи). Некоторые рисованные изображения продублированы фотографиям и частично опубликованы в статьях Н.И. Воробьева. Спецификой художественных работ Л.М. Поздеевой является то, что отображаемые ей костюмные комплексы и их элементы фиксировали как повседневную, так и праздничную одежду татарского народа. Зарисовки Людмилы Михайловны ценны и тем, что они не просто воссоздавали увиденное во время экспедиций, а сохраняли в цвете уходящую из быта традиционную материальную культуру. Это было важно для того времени, т.к. черно-белые фотоснимки не могли передать цветовые решения костюма и его элементов.

Творчество Л.М. Поздеевой можно рассматривать и как источник и как визуальное сопровождение научных текстов Н.И. Воробьева, они отображали все то, что этнограф описывал в экспедиционных отчетах и в статьях. Фотографии стали доказательством того, что художница рисовала с натуры, не внося в изображаемое вымысел.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 10.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 22.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 23.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 31.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.
- НМ РТ КППи – 117621.
- НМ РТ КППи – 117624.
- НМ РТ КППи – 117625.
- НМ РТ КППи – 117626.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар: опыт этнографического исследования. Казань: Издание Дома Татарской Культуры и Академического центра Татнаркомпроса, 1930.

Воробьев Н.И. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестник Научного Общества Татароведения. 1927а. №7. С. 157–172.

Воробьев Н.И. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник Научного Общества Татароведения. 1928. № 8. С. 100–111.

Воробьев Н.И. Примитивный тип татарского ткацкого станка // Материалы Центрального музея ТССР №1. Казань, 1927б. С. 2–5.

Мухамедова Р.Г. Керэшен татарлары киеме = Народный костюм татар-кряшен. Казань: Сүз, 2005.

Поздеева Л.М. Старинное шейно-нагрудное украшение казанских татарок // Материалы Центрального музея ТССР №2. Казань, 1930. С. 20–25.

Сидорова И.Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Часть 1. Казань, 2014.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала: историко-этнографический атлас татарского народа: (середина XIX – начало XX вв.). Казань: Фэн, 2000.

Этнографические исследования в Закамских кантонах ТССР летом 1926 года // Вестник Научного Общества Татароведения. 1927. № 6. С. 108–110.

REFERENCES

Ethnographic research in the Trans-Kama cantons of the TSSR in the summer of 1926. (1927) *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 6: 108–110. (In Russ.)

Mukhamedova R.G. (2005) *Kereshen Tatarlary kieme = Folk costume of the Kryashen Tatars*. Kazan: Süz Publ. (In Russ.)

Pozdeeva L.M. (1930) Ancient neck and chest decoration of Kazan Tatar women. *Materialy Central'nogo muzeja TSSR* [Materials of the Central Museum of the TSSR] No. 2. Kazan: 20–25. (In Russ.)

Sidorova I.B. (2014) *Academic fraternity: Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University (1878–1931)*. Vol.1. Kazan. (In Russ.)

Suslova S.V., Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals: historical and ethnographic atlas of the Tatar people: (mid–19th – early 20th centuries)*. Kazan: Fän Publ. (In Russ.)

Vorobev N.I. (1930) *Material culture of the Kazan Tatars: An Ethnographic Research Experience*. Kazan: House of Tatar Culture and the Academic Center of the Tatar People's Commissariat of Education Publ. (In Russ.)

Vorobev N.I. (1927b) Primitive type of Tatar weaving machine. *Materialy Central'nogo muzeja TSSR* [Materials of the Central Museum of the TSSR]. No.1. Kazan: 2–5. (In Russ.)

Vorobev N.I. (1928) Report on an ethnographic trip to the Sviyazhsky and Tetyushsky cantons of the TSSR in the summer of 1927. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 8: 100–111. (In Russ.)

Vorobev N.I. (1927a) Some data on the life of baptized Tatars (Kryashens) of the Chelny canton of the TSSR. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya* [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies]. No. 7: 157–172. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

About the author: Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 28.05.2024

Доработана после рецензирования / Revised 14.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

ДОКУМЕНТЫ

Обработка документов / Documents processing
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.810-817>

EDN: PFRUUE

**«Автобиография профессора
Николая Иосифовича Воробьева»****Д.Ф. Гатина-Шафикова** ✉

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Резюме. Публикация представляет собой комментарий и текст рукописной автобиографии Н.И. Воробьева. Документ вводится в научный оборот впервые. Предпринимаемый анализ текста позволил выявить новые факты из жизни и деятельности ученого, уловить их контекст.

Документ датируется 2 марта 1947 г. и был написан ученым во время его работы в Казанском государственном университете. Н.И. Воробьев подробно перечисляет факты о родителях, процессе получения образования, начале преподавательской, исследовательской работы. Он раскрывает эволюцию собственных научных интересов – от географии к этнографии, и выделяет важные с его точки зрения авторские научные труды. В документе упоминается научная работа Н.И. Воробьева на Дальнем Востоке по изучению быта нанайцев (гольдов) и в Марийской АССР – лимнологические исследования озер. Исследователь подчеркивает свою работу по методической поддержке учителей. Отдельная глава автобиографии содержит описание участия ученого в работе различных общественных научных организаций. Н.И. Воробьев акцентирует внимание на важных, соответствующих духу времени, аспектах жизни. Это признание своей политической несознательности в первые годы советской власти, служба в Красной Армии в качестве рядового красноармейца. Автобиография Н.И. Воробьева является ценным, информативным источником. Она показывает не только значимость для самого ученого отдельных вех своей жизни и творчества, но и раскрывает особенности советской эпохи, в условиях которой работало все научное сообщество.

Ключевые слова: Н.И. Воробьев, архив, фонды личного происхождения, автобиография, научная и общественная работа.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф., Габдрахманова Г.Ф. «Автобиография профессора Николая Иосифовича Воробьева». *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 810–817. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.810-817> EDN: PFRUUE

“Autobiography of professor Nikolay Iosifovich Vorobyev”

D.F. Gatina-Shafikova ✉

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
golocen@yandex.ru*

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

Abstract. The publication is a commentary and the text of the handwritten autobiography of N.I. Vorobyev. The document is introduced into scholarly discourse for the first time. The undertaken analysis of the text allowed us to identify new facts from the life and work of the researcher and to grasp their context. The document is dated March 2, 1947 and was written by the scholar during his work at Kazan State University. N.I. Vorobyev lists in detail the facts about his parents, the process of receiving an education, the beginning of his teaching and research work. He reveals the evolution of his own academic interests, from geography to ethnography, and highlights the author’s scholarly papers that are of significance from his point of view. The document mentions N.I. Vorobyev’s research work in the Far East dedicated to the study of the life of the Nanai (the Golds) and in the Mari ASSR – limnological studies of lakes. The researcher emphasises his work on methodological support of teachers. A separate chapter of the autobiography contains a description of the academic’s participation in the work of various public scholarly organisations. N.I. Vorobyev focuses on the important aspects of his life that correspond to the spirit of those times. This is the recognition of his political unconsciousness in the first years of the Soviet power, service in the Red Army as a private soldier. The autobiography of N.I. Vorobyev is a valuable, informative source. It shows not only the significance of individual milestones in his life and work for the scholar himself, but also reveals the distinctive features of the Soviet era, which formed the conditions for work for the entire academic community.

Keywords: N.I. Vorobyev, archive, personal collections, autobiography, academic and social work.

For citation: Gatina-Shafikova D.F., Gabdrakhmanova G.F. (2024) “Autobiography of professor Nikolay Iosifovich Vorobyev”. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 810–817. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.810-817> (In Russ.)

Автобиография Н.И. Воробьева была написана им в марте 1947 г. во время работы в Казанском государственном университете. В настоящее время этот рукописный документ хранится в Государственном архиве Республики Татарстан (ГАРТ, фонд Р1337 ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»).

Текст документа имеет четкую структуру, он разделен на три части: биографические сведения, научная деятельность, общественная работа (здесь последовательно излагаются все этапы обучения и до того момента, когда была написана автобиография); научные интересы и изданные труды; звания и общественные достижения. Характер документа задает тон изложения биографии: здесь нет личных переживаний и отношения автора к разным периодам своей жизни, прямых оценок событий. Н.И. Воробьев не приводит данных о супруге и детях.

Ценность документа видится в том, что в нем представлены малоизвестные факты об ученом – о трудовой деятельности его отца, подробности получения начального и среднего образования, упоминается поездка в Китай (1916 г.), перечисляются места работы и важные для автора научные экспедиции и научные труды. Он важен и тем, что позволяет глубже понять контекст жизни и творчества советских ученых. Н.И. Воробьев подчеркивает факты из личной биографии, которые соответствовали идеологии того времени. К примеру, он признает свою политическую несознательность в первые послереволюционные годы под влиянием мелкобуржуазной среды, обращает внимание на то, что не желал служить в армии белых и был мобилизован рядовым в Красную армию. Несмотря на формальный стиль изложения, рукописный текст является новым, весьма информативным источником о Н.И. Воробьеве и интеллектуальной истории советского периода.

Почерк Н.И. Воробьева трудночитаем, поэтому архивный текст автобиографии мы представляем не фотоизображением (что, конечно же, весьма ценно), а в напечатанном виде. В постраничных сносках нами расшифровывается аббревиатура, которую использовал ученый, и пояснения некоторых приводимых фактов.

Автобиография профессора Воробьева Николая Иосифовича

Я родился 15 ноября 1894 г. в г. Хвалынске, Саратовской губ. В семье приказчика по хлебному делу. Отец мой с 70-х гг. до революции служил в Нижегородской фирме Я.Е. Башкирова. В Советский период служил в Государственных Хлебопроизводственных организациях (Хлебопродукт и др.). В 1926 г. он за уродство вышел на пенсию и умер в декабре 1940 г. в г. Казани.

Образование свое я начал в начальной земской школе, а затем в 2-х классной Министерской школе в сл. Покровской¹ (ныне г. Энгельс Саратовской обл.). Здесь же я учился в частной гимназии², окончил в 1913 г.

Осенью 1913 г. я поступил на медицинский факультет Саратовского университета, а в январе 1914 г. перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Весной 1918 г. я получил выпускное свидетельство и начал сдачу государственных экзаменов, которые не успел сдать в весеннюю сессию и отложил на осень. Окончил сдачу государственных экзаменов я лишь в мае 1922 г., после возвращения из Сибири.

Летом 1918 г. когда Поволжье охватила Гражданская война, я, не разобравшись в политической обстановке момента и находясь под влиянием окружающей мелкобуржуазной среды, уехал в Сибирь и в октябре 1918 г. приехал в г. Красноярск. Выбор Красноярска был сделан потому, что я там работал в 1915 г., там были знакомства и я мог легче получить работу.

В Красноярске я скоро устроился лаборантом Ихтиологической лаборатории³, во главе которой стоял В.Л. Исаченко, и преподавал в фельдшерской школе.

В апреле 1919 г. пошли слухи о мобилизации. Не желая служить в армии белых, в сущности власти которых я уже убедился, я решил перебраться в Казань и устроиться в университет, где мне было обещано оставленное (*место* – прим. авт.). В начале мая я приехал в Уфу, которая в это время была занята белыми, и здесь остался при переходе её в руки Красной Армии. После взятия Уфы Красной Армией я был мобилизован в Красную Армию и зачислен в 5 отд. Артиллерийской армии в качестве рядового красноармейца при штабе дивизиона – я был учителем.

По мере разгрома белых, мы продвигались на восток и в начале января 1920 г. наш дивизион пришел в г. Красноярск, где вместе со штабом 5 армии остался на зимовку. Здесь я заболел тифом. По выздоровлении начал хлопотать через Ихтиологическую лабораторию об освобождении меня из армии и в феврале был как специалист демобилизован. С этого времени начинается моя работа в Советских учреждениях / научных и учебных /.

¹ Поселение до 1914 г. называлось Покровская Слобода, с 1914 по 1931 гг. – г. Покровск.

² Речь идет о частной мужской Хвалынской гимназии.

³ Речь идет об Енисейской ихтиологической лаборатории.

Работая в Ихтиологической лаборатории в качестве её заведующего, я одновременно состоял лектором в Красноярском Рабоче-Крестьянском Коммунистическом Университете, а с осени 1920 г. был приглашен преподавателем Красноярского Высшего Политехникума по кафедре зоологии.

В начале 1921 г. я получил приглашение на работу в Казанский университет ассистентом, в 1921 г. выехал из Красноярска в Казань. По приезде в Казань я I/XII 1921 г. был зачислен ассистентом по кафедре географии Казанского государственного университета и одновременно начал работу в Центральном Музее ТАССР, сначала в качестве заведующего Этнографическим отделом, затем зам. директора, а с 1923 г. директором Музея.

В 1923 г. я участвовал в работе по организации Павильона ТАССР на Всероссийской Сельско-Хозяйственной выставке в Москве и выставлял собранные мною коллекции по изучению татар. Осенью 1923 г. я был приглашен в Восточный Педагогический институт (ныне КГПИ) в качестве самостоятельного преподавателя, в этом звании я и был утвержден НКН⁴ РСФСР. В Восточном педагогическом институте я работал до января 1930 г., когда, в виду выпадения из учебного плана читаемых мною курсов, я был отчислен.

В 1928 г. я получил звание доцента и начал самостоятельное преподавание в КГУ. В 1930 г. в Казани организовался Научно-исследовательский институт, и я перешел на работу в качестве ученого секретаря отдела культуры и быта, оставив службу в Центральном музее ТАССР, ибо 3 должности совместить не мог. В 1931 г. институт реформировался в исследовательский экологический, наш отдел был ликвидирован, и я остался на кафедре работать в Университете, где кроме преподавания сначала 1932 г. стал заведующим географическим отделением.

С осени 1932 г. я был приглашен руководить вновь организованной кафедрой географии в Татарском Научном Институте в качестве и. о. профессора и заведующего Географическим отделением, а с осени 1933 г. перешел туда на основную работу, оставаясь в КГУ в качестве совместителя. С осени 1934 г. и до I/XII 1943 г. я работал деканом географического факультета КГПИ. С I/IX 1946г. был освобожден от заведования кафедрой географии КГПИ в виду перехода на основную работу в Казанский филиал Академии Наук СССР⁵.

15/X 1935 г. я был утвержден ВАК НКН РСФСР⁶ в звании профессора по физической географии. В июне 1938 г. ВАК ВКЦШ⁷ присвоил мне ученую степень кандидата географических наук без защиты диссертации. 9/VI 1945 г. ВАК ВКЦШ присвоил мне ученую степень доктора географических наук на основа-

⁴ НКН – Народный комиссариат национальностей.

⁵ Казанский филиал Академии наук СССР был открыт 13 апреля 1945 г. Постановлением Совета народных комиссаров Казани.

⁶ ВАК НКН РСФСР – Высшая аттестационная комиссия Народного комиссариата национальностей РСФСР.

⁷ ВАК ВКЦШ – Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам Высшей школы.

нии защиты в Институте Этнографии Академии Наук СССР диссертации «Казанские татары»⁸.

25/VI 1945 г. Верховный Совет ТАССР присвоил мне почетное звание «Заслуженного деятеля Наук ТАССР» за многолетнюю научную деятельность в обстоятельном изучении ТАССР, II/XI 1946 г. награжден медалью «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В настоящее время я работаю зам. директора Института Языка Литературы и Искусств Казанского филиала Академии Наук СССР (начал работу зав. факультета 10/III 1945 г. в Татарском Научно-исследовательском институте Языка Литературы и Истории) и по совместительству руководителем кафедры Археологии и Этнографии Казанского Государственного Университета (назначен с января 1946 г.).

Научная подготовка и деятельность

Свою научную работу я начал, будучи студентом II курса Университета под руководством проф. А.А. Остроумова с изучения фауны оз. Кабан в г. Казани. Летом 1915 г. я был командирован обществом Естествоиспытателей при КГУ на р. Енисей в район г. Красноярска для изучения фауны ее (отчет об этой поездке издан в 1917 г., является моей первой печатной работой). Зимой 1915–1916 г. я начал заниматься вопросами географии и этнографии под руководством проф. Адлера и летом 1916 г. был командирован тем же обществом в Уссурийский край, для изучения фауны реки и быта туземного населения края. Во время этой поездки, я, по стечению благоприятных обстоятельств, совершил месячную поездку в Китай с экскурсией студентов востоковедов Института живых Восточных Языков. Я был в Пекине (Бейпин) и Шанхае, попутно занимаясь страной и ее населением. Из экспедиции в Уссурийский край я вывез богатую коллекцию по быту нанайцев (гольдов), которая находится в Этнографическом музее КГУ. Летом 1917 г. я занимался лимнологическими исследованиями озер на территории современной Марийской АССР.

В 1920 г. Ихтиологической лабораторией я был командирован сначала в Минусинский край для изучения рыбного хозяйства, а затем на р. Чуну (приток Ангары), где и провел изучение края, рыболовства и быта его населения.

После перехода на работу в Казань мои научные интересы все время были направлены в сторону изучения территории ТАССР и быта ее коренного населения – татар. Начиная с 1923 г. я занимался преимущественно изучением быта татар и в 1929 г. написал свои исследования в крупной научной работе «Материальная культура Казанских татар» (издано в 1930 г.).

С 1931 г. основные научные интересы у меня сосредоточились преимущественно в области физико-географического изучения территории ТАССР и в 1934 г. была выпущена моя работа «Основы физической географии ТАССР». Работая в Педагогическом Институте, я занимался вопросами помощи в школе

⁸ Полное название диссертации – «Материальная культура казанских татар».

учителю, написал ряд работ, помогающих хорошей подготовке преподавания в школе, особенно на уроке.

С 1943 г. снова начинает оживляться работа и в области этнографии. По изучению татар научно-исследовательскому ИЯЛИ мною написано ряд статей по этнографии татар. С 1946 г. работая в ИЯЛИ КФАН СССР, возобновил свою работу по собиранию материалов по этнографии работая над изучением проблем этногенеза Казанских татар. Кроме того, я принимаю активное участие в деле написания Гражданской (...? – неразборчивый текст, прим. авт.) ТАСССР.

Общественная работа

До 1930 г. моя общественная работа в основном проходила в Ученых обществах. Я ряд лет состоял членом Совета Общества Археологии и Истории и Этнографии при КГУ, общ. Татароведения при ТНКП, общ. изучения Татарстана, общ. Естествоиспытателей при КГУ, а также работал в Центральном и местном бюро Краеведения и в Отделе по охране памятников старины, искусства и природы. В настоящее время я состою членом Ученого Совета Государственного Музея ТАСССР, членом Оргкомитета Казанского Филиала Всесоюзного Географического общества и членом Оргкомитета общества Краеведения ТАСССР.

С 1931 г. я принимал активное участие в работе месткома КГУ (был и его членом), был членом бюро СНР⁹ при КГУ, съезда факультета ячейки ВАРНИТСО¹⁰, а затем членом бюро ВАРНИТСО при КГУ. Выполнял и выполняю отдельные поручения месткома КГПИ, Академии Наук и Союза Высшей школы.

С 1933 г. основную общественную работу сосредоточил в общей помощи школе и учителям географии. Ряд лет я работал в качестве члена методической комиссии учителей географии г. Казани, читал лекции и вел консультации учителям г. Казани и районов.

В настоящее время веду эту работу в качестве консультанта Института Усовершенствования учителей г. Казани. Состою членом штаба краеведческого похода, организованного детской туристической экскурсионной программой Министерства Просвещения ТАСССР.

Во время Отечественной войны вел общественную историческую работу в госпиталях и военных частях. В настоящее время продолжаю историческую работу по поручению Ленинского бюро при Министерстве Просвещения ТАСССР, КГУ и КФАН СССР.

2. III 1947 г. профессор Н.И. Воробьев

⁹ СНР – секция научных работников при учебном заведении.

¹⁰ ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР. Была создана в октябре 1927 г.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 191.

ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 191 об.

ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 192.

ГАРТ. Ф. 1337. Оп. 31. Д. 311. Л. 192 об.

Сведения об авторах:

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

About the authors:

Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 23.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Обработка документов / Documents processing
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.818-825>

EDN: PYVKQP

«Моя работа... прошла не даром»

Д.Ф. Гатина-Шафикова ✉

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Резюме. Публикация представляет собой комментарий и тексты трех ранее неизвестных писем, написанных друг другу Н.И. Воробьевым и Р.К. Гареевой (Уразмановой) – в будущем главным специалистом по обрядам и праздникам татарского народа. Предпринятый анализ документов позволил выявить особенности научной коммуникации между этими персонами, переживания коснувшегося исследовательской работы, неопытного, но стремящегося к науке молодого школьного учителя, влияние марксистско-ленинской идеологии на понимание значения этнографической науки в советское время.

Первое письмо Гареевой было написано 23 января 1961 г. В нем она делится своими волнениями из-за непонимания необходимости этнографии. Воробьев в феврале этого же года пишет ей обстоятельный ответ. Николай Иосифович делит письмо на блоки. В первой части, рассуждая о веке науки и техники, он указывает на духовные потребности. Культура и искусство, по его мнению, оказываются не менее важными для людей, чем материальные потребности. Рассуждая о значении этнографической науки, ученый подчеркивает необходимость всестороннего изучения «развитости» культуры разных народов, когда старые навыки могут быть полезны для удовлетворения современных потребностей. В последнем разделе он утверждает, что новое поколение исследователей необходимо для обеспечения непрерывности научного знания. Полученное Р.К. Гареевой географическое образование, как убежден Н.И. Воробьев, поможет ей смотреть на традиционную культуру намного шире.

Второе письмо Руфы (Рауфы) Каримовны не такое тревожное, как первое. Поблагодарив Воробьева за ответ, она, вдохновленная, сообщает о своих исследовательских планах по сбору этнографических материалов о культуре татар и о подготовке к поступлению в аспирантуру. Выявленные документы эпистолярного характера позволили раскрыть тонкие моменты становления и развития этнологической науки в Поволжье, значение личности/учителя в профессиональном становлении исследователей традиционной культуры народов региона.

Ключевые слова: Н.И. Воробьев, Р.К. Уразманова, архив, рукописное письмо, этнография.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф., Габдрахманова Г.Ф. «Моя работа... прошла не даром». *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 818–825. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.818-825> EDN: PYVKQP

“My work... was not in vain”

D.F. Gatina-Shafikova ✉

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
golocen@yandex.ru*

G.F. Gabdrakhmanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

Abstract. The publication is a commentary and texts of three previously unknown letters written to each other by N.I. Vorobyev and R.K. Gareeva (Urazmanova), who would later become the leading specialist in Tatar rites and holidays. The conducted analysis of the document revealed the peculiarities of scholarly communication between these individuals, the emotions of an inexperienced but science-minded young school teacher who was involved in the research work, and the influence of Marxist-Leninist ideology on the understanding of the importance of the ethnography science in the Soviet times. Gareeva’s first letter was written on January 23, 1961. In the letter, she shared her concerns about not understanding the need for ethnography. Vorobyev wrote her a detailed response in February of the same year. Nikolai Iosifovich divided the letter into sections. In the first part, when discussing the age of science and technology, he points out the spiritual needs. In his opinion, culture and art are no less important for people than material needs. When reflecting on the importance of ethnographic science, the scholar emphasises the need for a comprehensive study of the ‘development’ of the culture of different peoples, when old skills can be useful for meeting the modern needs. In the last section, he argues that a new generation of researchers is necessary to ensure the continuity of academic knowledge. The geographical education received by R.K. Gareeva, as N.I. Vorobyev is convinced, will help her look at traditional culture much more broadly.

The second letter of Rufa (Raufa) Karimovna is not as worrisome as the first one. She expressed gratitude to Vorobyev for the answer and, inspired, she reports on her research plans to collect ethnographic materials on the culture of the Tatars and on preparation for entering graduate school.

The revealed epistolary documents made it possible to reveal the subtle aspects of the formation and development of ethnological science in the Volga region, the importance of the individual/teacher in the professional development of researchers of the traditional culture of the peoples of the region.

Keywords: N.I. Vorobyev, R.K. Urazmanov, archive, handwritten letter, ethnography.

For citation: Gatina-Shafikova D.F., Gabdrakhmanova G.F. (2024) “My work... was not in vain”. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 818–825. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.818-825> (In Russ.)

В научном Центре письменного наследия «Мирасханэ» Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан сохранилась переписка Н.И. Воробьева (Ф. 77. Оп. 3. Д. 38, Ф.77. Оп. 3. Д. 14) с молодым школьным учителем географии Р.К. Гареевой (в замужестве – Уразмановой), в будущем крупнейшим исследователем обрядов и праздников татарского народа. Переписка состоит из письма-обращения Руфы (Рауфы) Каримовны к Николаю Иосифовичу, его ответа и письма-благодарности мэтру. Она произошла в 1961 г., письма датируются 23 января, 6 февраля и 21 марта. Р.К. Гареева писала письма от руки, ответ Н.И. Воробьева – это набранный на печатной машинке текст. Письма отправлялись получателю в почтовых конвертах.

Р.Н. Гареева после окончания географического факультета Казанского государственного университета попадает по распределению в школу с. Кикино Юкаменского района Пензенской области. Здесь она с 1959 г. по 1961 г. преподаёт географию и историю, работает завучем. В это же время у неё появляется интерес к народной культуре, она предпринимает первые исследовательские шаги (проводит опросы местного населения), начинает задумываться о поступлении в аспирантуру, готовится ко вступительным экзаменам. Одновременно её одолевают сомнения, будущий ученый задается вопросом: «Нужно ли изучать уходящую духовную и материальную культуру, актуально ли это в век прогресса?» В поисках ответа на него Руфа Каримовна обращается к Николаю Иосифовичу Воробьеву – в то время уже состоявшемуся и авторитетному исследователю традиционной культуры народов Поволжья.

Н.И. Воробьев в ответном письме приводит доводы о важности этнографической науки. Его аргументы отвечают духу марксистско-ленинской идеологии. Профессор рассуждает о культуре с точки зрения соотношения производительных сил и уровня производственных отношений во всем их многообразии и о нацеленности коммунистической партии на подъём материального и культурного уровня советских людей. Прямым путем повышения культурного уровня общества, по Воробьеву, является изучение быта народов, получение знаний об условиях их существования. Поэтому этнографическая наука выступает важным участником организации общества и воспитания его будущих членов. Еще одним мотивом, который выдвигает Н.И. Воробьев, является ценностный. Он подчеркивает, что культурный опыт каждого народа – это вклад в общую культуру человечества, а значит, этнография так же важна, как и любые другие науки.

В своем письме Н.И. Воробьев упоминает о происходившей в это время его работе по возрождению народного прикладного искусства. Профессор в самом общем виде пишет, что по этому поводу он «воюет с кем надо». Это фраза демонстрирует сложный процесс становления тюрко-татарского искусствознания в Поволжье.

Николай Иосифович подбадривает Руфу Каримовну, подчеркивая ее ответственный подход к будущей работе. Она, вдохновленная поддержкой именитого ученого, утверждает в своём желании связать жизнь с этнографией, о чем сообщает в ответном письме Воробьеву.

Переписку Н.И. Воробьева и Р.К. Гареевой можно рассматривать в качестве своеобразного послания молодым исследователям традиционной культуры, показывающего непреходящую ценность этнографической науки.

Первое письмо от Р.К. Гареевой (Уразмановой)

Дорогой Николай Иосифович, здравствуйте!

Не знаю, с чего начать, но меня обуяли сомнения. Николай Иосифович, я ещё не знаю, будет ли аспирантура по этнографии, но прежде, чем узнать, решила посоветоваться с Вами. Вы географ, Вы этнограф, Вы посвятили этому жизнь, Вы сделали много полезного, «Происхождение Казанских татар» – Ваш труд. А меня вот взяли сомнения. Николай Иосифович, время-то сейчас такое – ко всему практический подход: а что полезного принёс ты? А как практически используются твои исследования, труды? Мне нравились экспедиции, в которых я участвовала. Я с удовольствием вычерчивала планы домов, планы сёл, карты поселений, да и получалось хорошо, красиво. Сокурсники хвалили, а потом спрашивали: «А для чего это? Кто будет ими пользоваться? Кому нужны они?» И я не могла им ничего ответить, отстоять этнографию, у меня не было веских аргументов, защищающих её.

Мне было обидно за своё бессилие. Поступив в аспирантуру, я, очевидно, посвящу этнографии свою жизнь; как-то высокопарно получилось, но Вы поймите меня правильно. Каково будет моё будущее? Что я буду делать? Чем заниматься? Смешно, очевидно, выглядят мои вопросы, сомнения, но я вспомнила Вашу встречу с М. Яшиной – Вы ведь поможете разобраться мне в них.

Николай Иосифович, очень прошу, не ругайте меня и, если будет у Вас время – ответьте мне.

Искренне с Вами

Руфа Гареева

23.01.1961

*Ответ Н.И. Воробьева**Уважаемая Руфа!*

Получил Ваше письмо. Спасибо, что со своими сомнениями обратились ко мне. Я рад, что Вы серьёзно подходите к своей будущей деятельности, заботитесь о том, чтобы быть наиболее полезной обществу.

Правда, наш век, век практицизма и техники, но техника в жизни человечества ещё не всё. Кроме чисто физических потребностей, которые удовлетворяются преимущественно техникой, есть и иные потребности – сама организация общества и его ячейки семьи, воспитание будущих членов общества и т.п. Есть ещё потребности так называемые духовные, как например искусство. Все эти потребности существуют и нуждаются в изучении не ради изучения, а в связи с необходимостью эти потребности так же удовлетворять как можно лучше.

Как видите человеческое общество сложный организм и в его жизни нужна не только утилитарность, которая, конечно, играет очень большую роль, но и удовлетворение других потребностей, которые зависят от чисто утилитарных, сами серьёзно влияют на них. Ведь даже и чисто материальные потребности людей удовлетворяются не только техникой. Нужен дом, но его ведь создают не только строители, но и архитекторы, учитывающие уровень культурного развития населения, его потребности, вкусы и пожелания. Нужна одежда, но ведь не только ткацкие станки и пошивочные мастерские, не только чисто технические приёмы решают спрос, нет, ещё существуют художники, которые создают рисунки тканей, модельщики, которые создают типы одежд, а они свои знания черпают из народных потребностей и вкусов. Можно привести ещё ряд примеров связи между техникой и культурными потребностями людей, но и без этого ясно, что уровень культуры общества это не только уровень техники, но и уровень других потребностей человеческого общества, уровень не только развития производительных сил, но и уровень производственных отношений во всей их сложности.

Таким образом для полного удовлетворения всех потребностей общества, необходимость которых постоянно подчеркивается, кроме точных и естественных наук, на базе которых создается техника, необходимы также и т.н. гуманитарные науки, изучающие другие потребности, кроме физических, и что эти науки не менее нужны, чем первые.

Теперь перейдём к этнографии и её месту в жизни. Этнография изучает быт людей, т.е. ту обстановку, которую создал человек для удовлетворения своих разносторонних нужд, причем не просто фотографированием его, а внимательно рассматривает его развитие в связи с развитием культуры того или другого народа. Нередко можно слышать слова «а кому это изучение нужно и для чего?» Но такой вопрос могут задавать люди, которые как говорится за деревьями не видят леса, за узкими утилитарными вопросами не видят того ос-

новного, чего добивается наша партия и правительство – подъём материального и культурного уровня советских людей.

Возьмем культурный уровень. Вы знаете, как поднялся культурный уровень многих народов нашей страны, живших до Октябрьской революции в условиях общинного строя, с его первобытной культурой. А на какой базе проведен этот подъем? На базе изучения быта этих народов, на базе знания условий их существования, уровня их культуры. С этого начинали работу с ними, а знания быта народов дают этнографы. Правда, мы работаем не с первобытными народами, но все же в прошлом весьма культурно отсталыми, у которых было, да и есть не мало в быту ненужных и вредных черт, наравне с хорошими, с большим вкладом в общую культуру человечества. Так вот наше дело все это выяснить и подсказать кому следует, как вести дело поднятия культурного уровня той или другой народности, указать с какого конца надо это дело начинать.

Вы пишете, что мною много сделано по изучению народов Поволжья. Согласен, но, если бы это не было нужно, ни я бы не стал тратить силы, никто не и не создал бы подходящей обстановки для исследований. Нет, моя работа, как и других этнографов прошла не даром, да и сейчас идет не зря. Конечно, технике я не помогаю, я лишь отмечаю, какие недостатки в этом деле были в прошлом и какие положительные стороны имелись, показываю, что необходимо сохранить и развивать, а что надо ликвидировать, с чем бороться. Вот, например, сейчас я немало воюю с кем надо за возрождение народного прикладного искусства, указываю пути, которыми ценные старейшие навыки в этом деле можно использовать для удовлетворения современных потребностей социалистического общества. Ну и как будто польза имеется. Сейчас стали организовывать специальные артели вышивальщиц и представителей других областей искусства.

Как видите, не так уже бесполезная наша работа, как некоторые думают. Она нужна, а раз так, то необходимы и новые подготовленные люди на смену нам, уже не мало поработавшим.

Теперь чисто утилитарные вопросы. Сейчас Вы учительница географии. Почетное дело. Окончите аспирантуру, будете научным работником, опять-таки на нужном деле, а Ваше географическое образование, как и мне даст возможность смотреть на многое шире, чем люди его не имеющие.

Вот Вам мой посильный ответ. Что ещё будет волновать, пишете.

6.2.1961.

Уважающий Вас

Казань

Второе письмо от Р.К. Гареевой (Уразмановой)

Дорогой Николай Иосифович, здравствуйте. Снова тревожу Вас своими просьбами. Вот уже и весна пришла, а я ещё всё не знаю, будет ли аспирантура по этнографии. Я послала запрос, как просил меня сделать В.И. Фурасов, но ответа что-то нет. Это, во-первых. Во-вторых, Николай Иосифович, ведь живу я сейчас среди татар и хотелось бы мне собрать кой-какой материал, но у меня нет вопросника. Поселения и жилища я ещё помню, т.к. я этим и занималась. А вот как собрать материал по одежде, питанию, не знаю. Хорошо было бы иметь у себя эти вопросы; вопросы по всем разделам. А обряды? Как записать их, ведь сейчас как раз пора свадеб. Здесь каждая из них длится по месяцу!

Николай Иосифович, не поможете ли Вы мне советом, за что братья и как лучше поработать в свободное время, ведь дни становятся заметно длиннее, а, значит, и больше будет возможности походить по деревне, поговорить со стариками.

Спасибо Вам за письмо!

Очень, очень рада была ему! Послала в Ленинград запрос на «Очерки по общей этнографии», но ответа пока ещё нет. Занялась немецким языком, правда, идёт с трудом. Трудно одной, да и времени очень мало, ведь и завучество, да и часов много.

Николай Иосифович, извините за беспокойство. Не ругайте меня.

Искренне к Вам Гареева.

21.03.1961.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3 Д. 14. Л. 1.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3 Д. 14. Л. 1об.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 38. Л. 1.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 38. Л. 2.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 38. Л. 3.
- Мирасханэ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 38. Л. 4.

Сведения об авторах:

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

About the authors:

Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Doctor Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.07.2024

Доработана после рецензирования / Revised 30.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИДЕИ В ИСТОРИИ

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.826-834>

EDN: XHYIAF

Творческий юбилей Галимджана Ибрагимова (по материалам архивных источников)

Г.Н. Зайнеева ✉

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
gulnara.zaineeva@mail.ru*

Л.Ш. Гарипова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
leilyashamilevna@mail.ru*

Резюме. В статье представлены архивные материалы, в которых документально зафиксированы торжественные мероприятия двадцатилетнего творческого юбилея классика татарской литературы, публициста, общественного деятеля Галимджана Ибрагимова, проведенные в 1928 г. В фондах Государственного архива Республики Татарстан (Казань) и архива Российской академии наук (Москва) имеются протокол и стенограмма с торжественных мероприятий, посвященных данному юбилею.

Протокол напечатан на татарском языке, стенограмма представлена на русском языке. Из-за серьезной болезни легких писатель в это время проживал на лечении в городе Ялте. Подготовка и проведение мероприятий были организованы на высшем уровне, юбилейная дата отмечалась даже за пределами Татарской республики. Хотя личное присутствие Г. Ибрагимова было невозможным, юбилей был проведен масштабно, транслировался по радио. Был организован концерт и поставлен спектакль по драме писателя «Новые люди». В конце мероприятия была прочитана, а позже и отправлена в Ялту телеграмма с поздравлением юбиляру. Позже Г. Ибрагимовым отправлена ответная телеграмма со словами благодарности в редакции газет «Кызыл Татарстан» и «Эшче». Среди приглашенных и выступивших с докладами были видные литературные и общественные деятели и востоковеды (И. Рахматуллин, Г. Нигмати, Г. Линцер), были зачитаны поздравления от разных адресатов из городов России и из-за рубежа.

Стенограмма очень объемная. Как видно из содержания в заседании приняли участие видные деятели – Н.Тюрякулов, И.Бороздин, А.Н.Максудов, Б.Х.Мансуров, А.М.Аршаруни. В выступлениях докладчиков прослеживается значимая роль Г. Ибрагимова в общественной жизни татарского народа, как литературоведа, научного работника и общественного деятеля.

В статье приведены цитаты из архивных документов на языке оригинала и факты, касающиеся творческого юбилея писателя из периодической печати первой половины XX в.

Ключевые слова: Г.Ибрагимов, юбилей, история татарской литературы, источники, архивные документы.

Для цитирования: Зайнеева Г.Н., Гарипова Л.Ш. Творческий юбилей Галимджана Ибрагимова (на примере архивных источников). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 826–834. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.826-834> EDN: XHYIAF

Creative anniversary of Galimjan Ibragimov (based on archival sources)

G.N. Zayneeva ✉

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
gulnara.zaineeva@mail.ru*

L.Sh. Garipova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
leilyashamilevna@mail.ru*

Abstract. The article presents with archival materials in which the celebrations of the twentieth anniversary of the Tatar literature classic, publicist, public figure Galimjan Ibragimov, held in 1928, are documented. The funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan (Kazan) and the Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow) have a protocol and a transcript from the celebrations dedicated to this anniversary.

The protocol is printed in Tatar, the transcript is presented in Russian. Due to a serious lung disease, the writer was residing in Yalta for treatment at the time. The preparation and holding of events was organised at the highest level, the anniversary date was celebrated even outside the Tatar Republic. Although G. Ibragimov was not able to attend the event personally, the anniversary was held on a large scale and was broadcast on the radio. A concert was organised and a play based on the writer's drama *New People* was staged. At the end of the event, a telegram with anniversary greetings to the hero of the day was read and later sent to Yalta. Later, G. Ibragimov sent a reply telegram with words of gratitude to the editorial offices of the newspapers "Kyzyl Tatarstan" and "Eshche". Among those invited and speaking were prominent literary and public figures and orientalists (I. Rakhmatullin, G. Nigmati, G. Linstser), birthday greetings from various addressees from Russian cities and abroad were read out.

The transcript is very voluminous. As can be seen from the content, prominent figures took part in the meeting, such as N. Tyuryakulov, I. Borozdin, A.N. Maksudov, B.Kh. Mansurov, A.M. Arsharuni. The speakers' speeches trace the significant role of G. Ibragimov in the public life of the Tatar people, as a literary scholar, researcher and public figure.

The article provides quotes from archival documents in the original language and facts concerning the writer's creative anniversary from the periodical press of the first half of the 20th century.

Keywords: G.Ibragimov, jubilee, history of Tatar literature, sources, archival documents.

For citation: Zayneeva G.N., Garipova L.Sh. (2024) Creative anniversary of Galimjan Ibragimov (based on archival sources). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 826–834. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.826-834> (In Russ.)

В татарской литературе XX в. много деятелей, оставивших след в истории татарской литературы и общественной жизни татарского народа. Их жизнь и творчество до сих пор являются объектами изучения историков и литературоведов. Судьбы большинства из них попали в эпоху репрессий 30–40 гг. XX века, в результате чего их творчество в свое время было предано забвению. И только после реабилитации, они нашли свое достойное место в рядах классиков татарской литературы. К таковым относится Галимджан Ибрагимов. После “возвращения” его имени в 1955 г. среди ученых резко возрос интерес к его личности. Один за другим печатались его художественные произведения, многотомные издания, начался сбор документов, писем писателя. В монографическом плане творчество Г.Ибрагимова было изучено литературоведом, доктором филологических наук М. Хасановым. Неоценимый вклад в изучение наследия писателя внесли известные ученые-литературоведы и историки Р. Гайнанов, А. Шамов, Х. Губайдуллин, Р. Мустафин, Ф. Ибрагимова, З. Рамеев, Р. Мухамметшин, Д. Загидуллина, А. Литвин, Л. Хакимова. До сих пор еще находятся неизданные материалы, связанные с деятельностью писателя, а документы хранятся в фондах архивов Казани, Уфы, Казахстана, Москвы, Петербурга, Киева, Крыма.

Еще при жизни Г. Ибрагимова в 1929–1931, 1933–1934, 1936 годах были напечатаны многотомные издания. Они включали в себя лишь его художественные произведения. Впоследствии его творчество было предано забвению, и только в 1956–1957 г.г. выходят в свет «Избранные произведения» в 3-х томах. В 1974–1987 гг. печатаются «Сочинения» Г.Ибрагимова в восьми томах, в 2000 г. – 9 том «Сочинений», включивший в себя автобиографии, письма и документы (Ибрагимов, 2000). В 2012 г. М.Х. Ибрагимов выпустил книгу «Галимджан Ибрагимов. Документы и факты глазами молодых», в 2020 г. литературоведом Р.Ф. Исламовым изданы два тома «Галимжан Ибрагимов документларда». В 2018–2021 г.г. в Татарском книжном издательстве усилиями группой текстологов Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан подготовлено и издано академическое издание «Сочинений» Г. Ибрагимова в 15-ти томах, пятнадцатый том которого включает в себя автобиографии, письма и документы писателя.

Деятельность Г. Ибрагимова на таких общественных постах, как заместитель председателя в Татарском мусульманском комиссариате в Петрограде и

Москве (1918), председателя в Академическом центре Народного комиссариата просвещения (1925–1927), преподавание в медресе, Татарском коммунистическом университете, организация и работа в редакциях газет и журналов, сыграла огромную роль в его жизни. Именно в годы председательства Г. Ибрагимова (7 января 1925 г. по 17 марта 1927 г.) Академцентр вел самую активную и плодотворную деятельность, когда работа научных комиссий стала более упорядоченной и системной.

Известно, что в 1928 г. празднуется 20-ти летний юбилей литературного творчества и общественно-политической деятельности Галимджана Ибрагимова. По состоянию здоровья писатель с апреля 1927 г. находился на лечении в городе Ялте, поэтому он не мог лично присутствовать на торжественных мероприятиях. Они готовились заранее, были приглашены гости из разных городов, представители институтов, журналисты, коллеги. В событие была вовлечена периодическая печать. В газетах и журналах публиковались статьи о творчестве писателя. К примеру, журнал «Вестник научного общества Татароведения» № 8 за 1928 г. был полностью посвящен юбилею творческой деятельности Г. Ибрагимова. Здесь напечатались положительные отзывы татарских и русских деятелей, ученых: П.С. Когана, А. Самойловича, Н.Н. Фирсова, И. Бороздина, Г. Сагди. Здесь же дано сообщение о том, что Г.Ибрагимов избран почетным членом научного общества Татароведения. Приведем слова П.С. Когана: «Это один из тех художников, значение которых далеко переходит за пределы их Родины. Он с высоко поднятой головой может войти в семью лучших поэтов человечества» (Вестник научного общества Татароведения, 1928: 5). В 1928 г. в Казани и Ташкенте издаются три сборника со статьями о литературной, научной, общественной деятельности Г. Ибрагимова. В связи с юбилеем было запланировано издание семи томов «Сочинений Галимджана Ибрагимова» на латинской графике. В 1929 г. выходят в свет 2-ой, 5-ый, 6-ой том (Казан, «Яналиф»), но запланированные 1-ый, 3-ий, 4-ый и 7-ой том не напечатались.

В Государственном архиве Республики Татарстан хранится протокол (ГА РТ. Ф. П–15, Оп. 6, Д. 6367, Л. 28–28 об., 29–29 об.) «Галимжан иптэш Ибраһимовның 20 еллык юбилее уңае белән үткәрелгән тантаналы утырышның беркетмәсе», датированный 10 марта 1928 г. Текст данного документа впервые представлен в 15-ом томе академического издания «Сочинений» Г.Ибрагимова (Ибраһимов, 2021: 328–332). Протокол напечатан на машинке на арабской графике на татарском языке. Как видно из источника, юбилейный вечер проходил в оперном театре. Зал был полон. Торжественное заседание открыл Исхак Рахматуллин:

Иптәшләр, без бу көн Галимжан аганы, әдәби-ижади, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләренә 20 еллыгын бәйрәм итәргә жыендык. Татар әдәбияты, мәдәнияте үсеше юлында Галимжан ага шул кадәр зур һәм жимешле хезмәтләр күрсәтте ки, ул хезмәтләр чынлап та бәйрәм ителергә тиеш. Моннан 20 ел элек татарның мәдәни ярлы за-

маны иде, 20 ел эчендә мәдәни үсеше юлында зур уңышлар казанылган икән, бу эштә Галимжан ага зур хезмәт каһарманы булып тора.

Далее доклад на татарском языке зачитал Галимджан Нигмати, на русском – Герман Линцер. В своем выступлении литературовед Г. Нигмати акцентирует внимание на то, в каком окружении и в каких условиях работал писатель, делит его литературное творчество на дореволюционную и после-революционную эпохи, тщательно анализирует их по-отдельности. Он останавливается на вопросах об идеологии, содержании, форме, типах произведений; уделяет внимание участию Ибрагимова в революционном движении. В заключении докладчик делает вывод:

Ибраһимов иптәш үзе таныш булмаган, һәм үзе хис итмәгән тормыш турында язмады. Язган әйберләренә каты тәнкыйть аша үткәрде. Типларны бик нык жентекләде, әсәрләренә зур күпчелеге авыл, күпчелеге яшьләр тормышындан алынган.

Ләкин Ибраһимовның хезмәте әдәби иҗат белән генә чикләнми, ул зур әдип булу өстенә телче, әдәбият теориячесе, педагог, тарихчы, методист, теория белән практиканы бергә бәйләүче гыйльми эшчедер. Иптәш Ибраһимов кызыл чәчәкләр чәчәргә тырышты һәм чәчте. Ул чәчәкләр яхшы йогынты астында, яхшы жирлектә калып, безгә кирәкле рәвештә өлгерделәр. Яшьләр иптәш Ибраһимовтан үрнәк алдылар. Без аның хезмәтләрен чын күңелебездән тәкъдир итәбез. Тәмам савыгып, хезмәтләрен дәвам иттерүне телибез.

В выступлении литературоведа и критика Г. Линцера речь идет о творческих и общественных трудах юбиляра. В поздравительной речи поэта и журналиста Тухфата Янаби из Башкортостана подчеркивается, что башкирский народ уважает и почитает писателя. Председатель профсоюзных советов Татарстана Яков Боярский говорит о том, что данный юбилей является событием не только татарского народа, а юбилеем всех народов СССР.

С выступлениями и поздравлениями выступали деятели литературы, науки, образования. Поздравительные телеграммы были отправлены из разных уголков мира: Москвы, Петербурга, Уфы, Ташкента, Астрахани, Крыма, Казахстана, Германии, Турции. Это говорит о популярности личности Г. Ибрагимова. Во время торжества писатель был избран почетным членом Научного общества Татароведения, почетным членом Государственной Академии художественных наук.

В конце мероприятия зачиталась телеграмма для отправления в Крым писателю. После торжественной части юбилея гостям был показан концерт и поставлена первая сцена из драмы Г. Ибрагимова «Яңа кешеләр» («Новые люди»). Вся торжественная часть юбилея и концерт передавались по радиостанции Казани.

После торжественного юбилейного вечера 11 марта 1928 г. по телеграфу писателем была отправлена ответная телеграмма-письмо в редакции газет «Кызыл Татарстан» и «Эшче», которые были там же и опубликованы. В телеграмме

выражалась огромная благодарность от имени Ибрагимова всем, кто принял участие в этом мероприятии и кто дал должную оценку творческой и общественной деятельности юбиляра.

В газете «Кызыл Татарстан» (1928 год, 14 март, № 62) читателям представлена статья ««Галимжан иптәш Ибраһимовның 20 еллык юбилее», где дается информация о торжественной части юбилея. В начале статьи говорится:

В связи с юбилеем Ибрагимову присуждено звание Героя труда, избран почетным членом татарского педагогического общества, его именем назван кабинет татарской литературы при Восточном педагогическом институте. Получены телеграммы из различных городов. В одном из высших учебных заведений присуждена стипендия имени Г. Ибрагимова. Юбилей прошел торжественно.

В связи с анализируемым юбилеем имеется еще один документ, текст которого впервые представлен читателям в 15 томе академического издания (Ибраһимов, 2021: 299–326). Впервые о данном документе упоминает М.Ю. Киселев в статье «Творчество Г.Г.Ибрагимова в документах архива Российской академии наук» (Киселев, 2018: 69–75), где дается подробная информация о выступлениях участников заседания Комиссии по изучению литературы народов СССР Секции литературы и искусства Коммунистической академии совместно с Научной ассоциацией Востоковедения, посвященного данному юбилею. Вышеуказанный документ – стенограмма заседания, датирована 25 февраля 1928 г. и хранится в Архиве Российской академии наук в фонде Института литературы и искусства Коммунистической академии (АРАН. Ф. 358, Оп. 2, Д. 17, лл. 1–40). Стенограмма довольно объемная, машинопись, на русском языке. В ней представлены выступления литературоведов, историков, политических и общественных деятелей: Б.Х. Мансурова, А.Н. Максудова, И.Н. Бороздина, Н.Т. Тюрякулова, А.М. Аршаруни. Они дают оценку его литературной, политической, общественной деятельности, подчеркивают роль Г.Ибрагимова в культурно-просветительской, исследовательской, издательской деятельности. О проведенном заседании в Москве в газете «Кызыл Татарстан» (1928 год, от 2 марта) размещена статья «Г. Ибраһимовның 20 еллык әдәби, гыйльми-ижтимагый хезмәт юбилее уңае белән Мәскәүдә үткәрелгән кичә хакында».

Заседание открывает Гасыйм Мансуров. Он подробно останавливается на каждом направлении деятельности писателя: литературном, научном, общественном. По мнению выступающего,

... в направлении, проводимом Галимджаном Ибрагимовым, были отдельные ошибки и уклоны, но он был всегда волнорезом. Если посмотреть архивные документы, то в период с 1908 по 1916 года очень часто упоминалось его имя. Эта личность при старом режиме уже была у всех на глазах, за ним была большая слежка, и ему эти царские условия, конечно не позволяли как следует развернуться. Его творческие силы развернулись главным образом после Октябрьской револю-

ции ... Конечно в этих условиях он уже не мог заниматься литературно-художественным трудом.

Г. Мансуров акцентирует внимание на том, кем проводится данное мероприятие – Литературной Комиссией Коммунистической Академии. Этот факт показывает насколько выдающейся личностью был Г. Ибрагимов. Далее озвучиваются доклады. М. Максудов говорит о Г. Ибрагимове как о работнике художественной литературы. Он подробно анализирует некоторые его литературные произведения. Ученый востоковед И.Н. Бороздин отметил огромную роль Г. Ибрагимова в общественной и культурной жизни татарского народа. В его выступлении чувствуется уважительное отношение к писателю. И.Н. Бороздин с теплотой вспоминает о личных встречах с Г.Ибрагимовым на премьере оперы «Сания» в Москве, на юбилее 200-летия Академии наук в Ленинграде, на юбилее Татреспублики в 1925 г., на Тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. Он подчеркивает плодотворную деятельность во время председательствования в Академцентре: создание Бюро краеведения, проведение экспедиций по изучению и сбору этнографических материалов в ТАССР, расширение издательской деятельности. В Казани начала издаваться не только богословская литература, но и политические брошюры, работы по экономике появляются книги в марксистско-социологическом освещении, появляется книга Губайдуллина и Али Рахима, «Библиотека татарской литературы», сборники под редакцией Г. Ибрагимова.

Представитель Всесоюзного центрального комитета Новотюркского алфавита Н.Тюрякулов в своем выступлении акцентирует внимание на книге «Мусульманская культура» («Борынгы ислам мәдәнияты»). По его словам, «Эта книга является характерной для общественных взглядов сегодняшнего юбиляра, для характеристики его воззрений, мировоззрения на прошлое, настоящее и будущее народов Востока». Он высказывает свое мнение о выступлении Г. Ибрагимова на Тюркологическом съезде в Баку в защиту арабского письма.

По мнению профессора А.М. Аршаруни:

Юбиляр – крупный художник, выдающийся татарский политический деятель, очень крупный мастер слова, культурнейший работник, но назвать Ибрагимова, точнее причислить его к разряду наших марксистов было бы в лучшем случае не совсем точно. ... Теоретическая работа «О судьбе татарской культуры» ... сыграла чрезвычайно большую роль в жизни татарской общественной и партийной мысли. Эта работа вызвала большую и чрезвычайно серьезную полемику не только в татарской действительности, но и в действительности нашего Союза, ибо проблема культурной революции была поставлена, и она стоит перед всеми национальностями Советского Союза, в том числе и перед татарами.

В заключении заседания Мансуров, подытоживая, говорит о том, что личность Ибрагимова многогранна, но как критика литературы его никто не охарактеризовал, хотя его перу принадлежит масса статей в периодических изда-

ниях, критических статей, написанных на книги разных авторов. Делая вывод, он приводит такие слова:

Личность Галимджана Ибрагимова настолько многогранна, что ясно, что такой человек, который в течение 20 лет работает в различных областях, не может не иметь недостатков, чтобы у него не было недостатков – это вещь невозможная. Таких людей мы встречаем очень редко. Поэтому, празднуя сегодня его юбилей, мы отбрасываем все его недостатки и заявляем, что личность Галимджана Ибрагимова заслуживает того, чтобы ее изучали и на примере учились наши будущие поколения.

Юбилей Г. Ибрагимова был проведен торжественно и масштабно. Как видно из выступлений известных ученых, литературоведов, критиков, журналистов были высказаны разные мнения, оценки деятельности писателя. Это еще раз доказывает, что личность писателя была известной, уважаемой, широко-масштабной и многогранной. Считаем необходимым донести до читателей информацию о роли и масштабе подобных торжеств того времени. Более подробную информацию можно найти в статьях, изданных в сборниках или в журналах на татарском языке (Галимжанова, Зэйниева, 2022: 138–145; Зэйниева, 2022: 14–20). Представленные в статье архивные материалы расширяют источниковедческую базу о творчестве Галимджана Ибрагимова.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ГА РТ. Ф. П–15. Оп. 6. Д. 6367. Л. 8–28 об., 29–29 об.

АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–40.

ЛИТЕРАТУРА

Вестник научного общества Татароведения. 1928. № 8.

Галимжан Ибрагимов: Хатлар һәм документлар / Төзүче Ф. Ибраһимова. Казан: «Фикер», 2000.

Галимжанова Э.М., Зэйниева Г.Н. Галимжан Ибраһимовның ижат бэйрәме // Гасырлар авазы. 2022. № 3. Б. 138–145.

Зэйниева Г.Н. Г. Ибраһимовның егерме еллык ижат юбилее // Галимджан Ибрагимов и татароведение XX–XXI веков: материалы международного научно-практического семинара, посвященного 135-летию со дня рождения классика татарской литературы Г.Ибрагимова. Казань: ИЯЛИ, 2022. Б. 14–20.

Ибраһимов Г.Г. Әсәрләр: унбиш томда. Академик басма. 15 т.: документлар һәм хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. Б. 299–326.

Киселев М.Ю. Творчество Г.Г. Ибрагимова в документах архива Российской академии наук // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. №8. Т.2. С. 69–75.

REFERENCES

Galimjan Ibragimov: Letters and documents (2000). Compiled by F. Ibragimova. Kazan: Fiker Publ. (In Tat.)

Galimzyanova E.M., Zayneeva G.N. (2022) Galimjan Ibragimov's creative jubilee. *Gasyrlar avazy* [The echo of centuries]. No. 3: 138–145. (In Tat.)

Ibragimov G.G. (2021) *Works: in 15 volumes. Academic edition*. Vol.15: Documents and letters. Kazan: Tatar Book Publ.: 299–326. (In Tat.).

Kiselev M.Yu. (2018) Creativity of G.G. Ibragimov in the documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From the history and culture of peoples of the Middle Volga region]. No. 8. Vol. 2: 69–75. (In Russ.)

Vestnik nauchnogo obshchestva Tatarovedeniya [Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies] (1928). No. 8. (In Russ.)

Zayneeva G.N. (2022) Twenty-year creative anniversary of G.Ibragimov. In: *Galimjan Ibragimov and Tatar studies of the 20th–21st centuries: materials of the International scientific and practical seminar dedicated to the 135th anniversary of the birth of the Tatar literature classic G.Ibragimov*. Kazan: 14–20. (In Tat.)

Сведения об авторах:

Зайнеева Гульнара Нургалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К. Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0004-5635-8543>; e-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru

Гарипова Лейля Шамиловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра письменного наследия, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К. Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0005-1617-4317>; e-mail: leilyashamilevna@mail.ru

About the authors:

Gulnara N. Zayneeva, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Textual Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12 K. Marx St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0004-5635-8543>; e-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru

Leilya Sh. Garipova, Cand. Sc. (Philology), Leading Research Fellow of the Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12 K. Marx St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0005-1617-4317>; e-mail: leilyashamilevna@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 5.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.09.2024

Принята к публикации / Accepted 16.09.2024

Обзорная статья / Review paper

<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.835-843>

EDN: YUMHEK

Высокое служение Отечеству: к 75-летию Н.М.Валеева

М.А. Ахметова*Федеральный исследовательский центр**«Казанский научный центр Российской академии наук»**Казань, Российская Федерация**ama201289@yandex.ru*

Резюме. Статья, посвященная 75-летию доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Республики Татарстан, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан и Российской Федерации, члена Союза писателей России и президиума Союза краеведов России Наиля Мансуровича Валеева, раскрывает юбиляра как выдающегося российского ученого-гуманитария, литературоведа, искусствоведа, историка, краеведа, культуролога, крупного организатора науки, государственного деятеля. Уникальные его научные труды и резонансные, значимые и концептуальные проекты всероссийского и мирового уровня работают на престиж Республики Татарстан и Российской Федерации. За три десятилетия жизни в Елабуге им написаны сотни статей и десять книг по историко-культурному наследию этого города, о судьбах елабужских купцов-благотворителей. Огромная работа по организации целенаправленного изучения истории города привело к признанию Елабуги одним из туристически привлекательных городов России. Регулярное проведение международных научных конференций, посвященных изучению судеб купеческих династий города и творческого наследия забытого классика русской литературы Д.И. Стахеева, привлекло внимание ученых России и зарубежья, а также потомков купеческих династий Стахеевых из Австралии, Швейцарии, Великобритании, Франции к богатой истории города. Огромная работа проведена Н.М. Валеевым по привлечению внимания ученых Академии наук Республики Татарстан и гуманитариев Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» к изучению и сохранению историко-культурного наследия города Чистополя. Научные труды Н.М. Валеева о жизни казанского искусства XX века, энциклопедия «Чистополь литературный», монография «Борис Пастернак в Чистополе. К истокам романа «Доктор Живаго» и другие работы вызвали широкий резонанс в стране и мире, привлекли внимание специалистов к богатой истории Татарстана и Чистополя.

Ключевые слова: Наиль Мансурович Валеев, ученый-литературовед, искусствовед, историк, краевед, Елабуга, Чистополь.

Для цитирования: Ахметова М.А. Высокое служение Отечеству: к 75-летию Н.М. Валеева *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 835–843. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.835-843> EDN: YUMHEK

**Loyal service to the Fatherland:
in honour of the 75th anniversary of N.M. Valeev's birth**

M.A. Akhmetova

*Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"*

Kazan, Russian Federation

ama201289@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philology, Professor, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Honoured Scholar of the Republic of Tatarstan and the Russian Federation, the member of the Union of Writers of Russia and the Presidium of the Union of Local Historians of Russia – Nail Mansurovich Valeev. It describes him as an outstanding Russian humanities scholar, literary critic, art critic, historian, local historian, cultural studies scholar, major organiser of scientific events and a public official. His unique and resonant academic work, significant and conceptual projects contribute to the prestige of our republic and country. Over the three decades of his life in the city of Elabuga, he wrote hundreds of articles and ten books about the historical and cultural heritage of Elabuga, about the fate of Elabuga merchants-benefactors. His enormous work on organising a purposeful study of the history of the city led to the recognition of Elabuga as one of the tourist-attractive cities of Russia. Regularly held international scientific conferences devoted to the study of the fate of the merchant dynasties of the city and the creative heritage of the forgotten classic of Russian literature D.I. Stakheev, attracted the attention of scholars from all over Russia and around the world, as well as the descendants of the merchant dynasties of the Stakheevs from Australia, Switzerland, Great Britain, France, etc. to the rich history of the city. Huge work was carried out by N.M. Valeev to draw the attention of the Republic of Tatarstan Academy of Sciences academics and the scholars of the Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" to the study and preservation of the historical and cultural heritage of the city of Chistopol.

Academic works of N.M. Valeev about the life of Kazan art of the twentieth century, the *Literary Chistopol* encyclopedia, the monograph *Boris Pasternak in Chistopol. To the origins of the "Doctor Zhivago" novel* and other works caused a wide resonance around the country and the world, attracted the attention of specialists to the rich history of Tatarstan and Chistopol.

Key words: Nail Mansurovich Valeev, literary scholar, art critic, historian, local historian, Elabuga, Chistopol.

For citation: Akhmetova M.A. (2024) Loyal service to the Fatherland: in honour of the 75th anniversary of N.M. Valeev's birth. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 835–843. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.835-843> (In Russ.)

Уроженец города Чистополя Наиль Мансурович прошел в Елабужском государственном педагогическом институте (ЕГПИ) путь от студента до профессора и ректора, совмещая проведение научных исследований с напряженным административно-организаторским и педагогическим трудом. Эпоху ректорства Валеева вспоминают до сих пор, называя ее ренессансной. В эти годы прежде провинциальный институт стал полноценным университетом, крупным научно-образовательным центром, известным далеко за пределами Республики Татарстан.

Историко-культурный облик Елабуги был сформирован Н.М. Валеевым, благодаря его организаторскому таланту и правильно направленной творческой работе. При самом активном участии ректора – Н.М. Валеева, шло создание музея истории епархиального женского училища – ЕГПИ (2001–2002), основаны музеи татарской литературы и культуры (2004) и елабужского купечества (2006), был установлен памятник на площади перед ЕГПУ писателю, выходцу из елабужской купеческой династии Д.И. Стахееву (2003), бюст устроительницы Епархиального училища Г.Ф. Стахеевой (Докучаевой, 2006), памятник ученому-психоневрологу, академику В.М. Бехтереву (2007).

Впервые в советской науке проблемы благотворительной деятельности российского купечества стали предметом дискуссии в рамках инициированной Н.М. Валеевым и проведенной в июне 1990 г. в Елабужском государственном педагогическом институте Всесоюзной научно-практической конференции «Дмитрий Иванович Стахеев – купец, литератор, личность». С 2003 г. Стахеевские чтения в ЕГПИ стали традиционными и проводились каждые два года.

Н.М. Валеев открыл литературному миру имя несправедливо забытого классика русской литературы XIX в. Научный труд был высоко оценен крупными литературоведами страны (Л.Д. Опульская-Громова, Ф.Ф. Кузнецов, Вс.Ю. Троицкий, А.С. Курилов), выдающимися отечественными учеными (В.В. Кожин, П.В. Палиевский, Н.Н. Скатов, А.Б. Куделин). Все они отмечали научную смелость ученого, который «взялся за трудоемкое исследование творчества и судьбы начисто «забытого» художника слова» (Валеев, 2019: 239). Многолетняя и многосторонняя работа ученого по изучению стахеевского наследия, представленная серией книг, статей, конференций, дискуссий, имеет общероссийское значение.

Активно разыскивая имена выдающихся людей, связанных с историей города Елабуги, Наиль Мансурович поднял из забвения имя Капитона Ивановича Невоструева (1816–1872), а его монографическое исследование об одном из самых великих уроженцев Елабуги (Валеев, 2015) является важным событием в отечественной науке.

Высоко оценивалась руководством Республики Татарстан работа Наиля Валеева на благо местной системы образования и науки. Будучи министром образования и науки Татарстана, он, остро понимая трудности и недостатки современной системы образования, решает ряд актуальных проблем, таких, как

модернизация программ, усиление кадрового потенциала, привлечение в науку молодежи. Последнее – профессиональное воспитание молодых кадров, новых поколений ученых, активно реализуется и ныне под особым кураторством ученого. Жизненное кредо Наиля Мансуровича состоит в изучении неисследованных тем, открытии неизвестных имен и личностей, исследовании стратегически важных и нужных направлений для истории и культуры Отечества.

Упорно и последовательно трудился Н.М. Валеев во благо Татарстана и всей России, работая академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и вице-президентом Академии наук Республики Татарстан. Решая многообразные, разноплановые задачи и определяя приоритетные направления развития академической гуманитарной науки в Татарстане, координируя научные исследования, он совершил много подвигов во благо национальной и русской культуры, для сохранения культурных традиций, развития научных связей, координирования научно-исследовательской деятельности с крупными научными и вузовскими центрами Поволжья и Приуралья.

Деятельность Наиля Мансуровича в формировании историко-культурного облика Чистополя, одного из уникальных малых исторических городов России, в полной мере выявила его организационный талант, умение координировать научную работу молодых ученых и обозначать оригинальные идеи и проекты на далекую перспективу. В 2014 г. ему удалось инициировать и теоретически обосновать, участвовать в создании и открытии «Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника», который в 2015 г., благодаря усилиям руководства республики и настойчивости Н.М. Валеева, выиграл грант Правительства России (3 миллиарда рублей) на реставрацию и реконструкцию заповедного центра уникального Прикамского города. Научно-исследовательская, научно-организаторская и популяризаторская деятельность Н.М. Валеева на протяжении последних десятилетий способствовала привлечению значительных федеральных средств под значимые культурные проекты в республике и заметному повышению культурного статуса и туристической привлекательности городов Елабуги и Чистополя.

Валеев Н.М. – научный куратор и советник Чистопольского музея-заповедника. Идейный вдохновитель, организатор Первых (2015) и Вторых (2021) Международных Пастернаковских чтений в Чистополе, установки памятника лауреату Нобелевской премии по литературе Б.Л. Пастернаку в родном городе (2015). В 2015 году при Институте татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан для изучения уникального историко-культурного наследия Чистополя был создан Камский научный центр, который возглавил академик Н.М. Валеев. Наиль Мансурович координирует научную работу по истории Чистополя, является куратором деятельности ученых Татарстана по увековечиванию исторических имен и событий, связанных с разными эпохами жизни этого города.

Н.М. Валеев и выставка его трудов в Национальной библиотеке Республики Татарстан. 2022 г.

Кропотливая многолетняя творческая работа, неутомимый характер ученого и увлеченность в научных изысканиях привела к научным трудам, вызвавшим широкий общественный резонанс в стране. Материалы, собираемые Валеевым с 1980-х годов, параллельно с поиском историко-литературных сведений о Елабуге, легли в основу фундаментального универсального справочного издания «Чистополь литературный» – о 300 писателях и деятелях культуры, жизнь и творчество которых так или иначе связаны с Чистополем (Чистополь литературный, 2017). Родина ученого – уникальный малый исторический город, с которым связаны судьбы многих известных людей. Только в годы Великой Отечественной войны сюда было эвакуировано более 200 писателей, среди них будущий Нобелевский лауреат Б.Л. Пастернак. Двухлетняя эпопея чистопольской жизни и творчества Бориса Пастернака отражена в монографии Н.М. Валеева «Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа “Доктор Живаго”» (Валеев, 2024). Титаническая работа, проделанная им, это новое слово в российском и мировом пастернаковедении, которое упустило из виду важнейший период его творчества – чистопольский, и это «белое пятно» отныне закрыто, прояснен вопрос о месте рождения романа «Доктор Живаго» (и прототипов главных героев), над которым Пастернак начал работу в Чистополе в марте 1942 г.

Презентации книги Н.М. Валеева «Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа “Доктор Живаго”» в Национальной библиотеке Республики Татарстан. 9 октября 2024 г. Фото: Роман Хасаев. Источник: <https://realnoevremya.ru/uploads/mediateka/b1/62/03ecd17b4697b13e.md.jpg> (дата обращения: 9.10.2024)

С целью активизации и усиления роли гуманитарной науки в Республике Татарстан, ее «узнаваемости» в России и мире в конце 2018 г. в рамках структуры Федерального исследовательского центра «Казанский научный центр Российской академии наук» при поддержке его руководства была создана молодежная лаборатория «Многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии», у истоков которой также стоял Н.М. Валеев. Он является научным руководителем исследовательских проектов, в том числе и изучения историко-литературного феномена Чистополя в российском и общемировом ландшафте.

Наиль Мансурович – известный литературовед, автор фундаментальных работ по литературоведению. Он, исследуя русско-татарские литературные взаимосвязи на основе творчества классика татарской литературы Ф. Амирхана, усвоившего и воспроизводившего на национальной почве традиции великой русской литературы и культуры, уже в 1980-е годы высветил новые направления и пути изучения национальных литератур. Его первая, но концептуальная теоретически значимая монография «В мире нравственных исканий» (Валеев, 1985) представляет собой одну из аналитически продуктивных моделей литературоведческой компаративистики и является абсолютно новым словом в татарском литературоведении.

Историко-литературные и краеведческие изыскания, начавшиеся с середины 1980-х гг., стали главным направлением его исследований. Н.М. Валеев активный автор новаторских статей в республиканских и российских газетах и журналах, посвященных прошлому Прикамья. В них он неоднократно подни-

мал вопрос о важности сохранения объектов культурного наследия Елабуги и Чистополя. Ныне он проводит огромную работу по сохранению исторической средовой застройки, мемориальных зданий в Чистополе, активно увековечивая историю родного города в своих научных работах, статьях и книгах.

С воскрешением забытых имен связан его очередной научный подвиг – трехтомник о забытых казанско-московских художниках-авангардистах Константине Чеботареве и Александре Платуновой, семейной паре художников, которые в 1926 г. были вынуждены уехать из Татарии в Подмосковье. В 2016–2018 гг. были опубликованы подготовленные Н.М. Валеевым три больших тома – авторская монография об их творческом пути (Валеев, 2016), объемный том переписки с казанскими корреспондентами с комментариями (Константин Чеботарев. Александра Платунова, 2018) и великолепный альбом живописи и графики (Константин Чеботарев. Александра Платунова. Живопись, 2018) – стали событием в культурной жизни Татарстана и России.

Колорит жизни искусства Татарстана 1960–1970-х годов раскрывается через описание судеб ярких представителей казанской интеллигенции – художника-авангардиста А.А. Аникеенка и искусствоведа А.И. Новицкого в книге Н.М. Валеева «Эпоха и ее творцы. Алексей Аникеенок и Анатолий Новицкий» (Валеев, 2022).

Презентация книги Н.М. Валеева «Эпоха и ее творцы. Алексей Аникеенок и Анатолий Новицкий» в Национальной библиотеке Республики Татарстан. 28 июня 2022 г.

В разговоре о творческой судьбе ученого необходимо сказать и о его важнейшей книге – «Судьба Ахметши хазрата Исламшина» (Валеев, 2021), – первой книги о репрессиях татарского духовенства, где подлинный герой эпохи, осужденный в 1949 г. на 10 лет по известной политической статье 58–10, дед Наиля Мансуровича, мулла в 11-м поколении, выдержал все жесточайшие пытки, но не выдал ни одного единоверца.

Очевидно, что созданное за долгие годы напряженной научно-творческой работы, наследие Н.М. Валеева являет собой значительный вклад в науку, культуру, гуманитаристику России. Его научные идеи, духовно-просветительские проекты неизменно получают широкий отклик, востребованы, актуальны как в контексте гуманитарной повестки дня Республики Татарстан, так и на всероссийском, мировом уровне. Многочисленные труды Н.М. Валеева, воплощенные в жизнь научные идеи, более чем соответствуют уровню передовых отечественных и мировых достижений и работают на престиж нашей республики.

Пожелаем же Наилю Мансуровичу крепкого здоровья, творческого долголетия, радости в детях и внуках!

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Валеев Н.М. Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа «Доктор Живаго». Казань: Изд-во «Заман», 2024.

Валеев Н.М. В мире нравственных исканий: исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 1985.

Валеев Н.М. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка. М.: Изд-во «Перо», 2015.

Валеев Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань: Изд-во «Заман», 2016.

Валеев Н.М. Преодолевая забвение. Статьи разных лет / сост. и комм. *М.А. Ахметовой*. Казань: Изд-во АН РТ, 2019.

Валеев Н.М. Судьба Ахметши хазрата Исламшина (архивно-следственное дело № 25296). Казань: Изд-во «Заман», 2021.

Валеев Н.М. Эпоха и ее творцы. Алексей Аникеев и Анатолий Новицкий. Казань: Изд-во «Заман», 2022.

Константин Чеботарев. Александра Платунова. Живопись. Графика. Из музейных и частных собраний / авт.-сост.: *Н.М. Валеев, О.Л. Улемнова*. Казань: Изд-во «Заман», 2018.

Константин Чеботарев. Александра Платунова. Письма казанским корреспондентам / сост. и авт. вступ. статьи *Н.М. Валеев*. Казань: Изд-во «Заман», 2018.

Чистополь литературный. Энциклопедия / авт.-сост.: *Н.М. Валеев, Р.Ш. Сарчин*. Казань: Изд-во «Заман», 2017.

REFERENCES

- Konstantin Chebotarev. Aleksandra Platonova. Letters to Kazan reporters.* (2018) Compiled by N.M. Valeev. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Konstantin Chebotarev. Aleksandra Platonova. Paintings and graphic arts. From museum and private collections.* (2018) Compiled by N.M. Valeev, O.L. Ulemnova. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Literary Chistopol* (2017) Encyclopedia. Compiled by N.M. Valeev, R.Sh. Sarchin. Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (1985) *In the world of moral search: research.* Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2015) *K.I. Nevostruev: creative biography of the scholar. Correspondence.* Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2016) *Konstantin Chebotarev, Aleksandra Platonova. In search of a way in art.* Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2019) *Overcoming the oblivion. Articles of different years.* Compiled and commented by M.A. Akhmetova. Kazan: RT Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2021) *The fate of khazrat Akhmetsha Islamshin (archival-investigative record No. 25296).* Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2022) *The epoch and its creators. Aleksey Anikeenok and Anatoliy Novitskiy.* Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)
- Valeev N.M. (2024) *Boris Pasternak in Chistopol. 1941–1943. To the origins of the novel “Doctor Zhivago”.* Kazan: Zaman Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе: Ахметова Миляуша Ансаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

About the author: Milyausha A. Akhmetova, Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Laboratory of the multiple-factor humanitarian analysis and cognitive philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1051-5169>; e-mail: ama201289@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 8.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 2.09.2024

Принята к публикации / Accepted 21.09.2024

Подготовка и издание сетевого научного журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the online scientific journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

<https://historicaethnology.org>

E-mail: his.ethnology@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2024. Том 9. № 5
Сетевое издание

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2024. Vol. 9. No. 5
Online media

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Дата выхода в свет 14.10.2024 г.
Формат 60×84 ¹/₈
Свободная цена